

СОКРОВИЩА

МИРА-

ЗАРЫТЫЕ, ЗАМУРОВАННЫЕ,
ЗАТОНУВШИЕ

Robert Charroux

TRÉSORS DU MONDE

enterrés,
emmurés,
engloutis

Робер Шарру

СОКРОВИЩА МИРА

зарытые,
замурованные,
затонувшие

МОСКВА
КРОН-ПРЕСС
1998

ББК 86.391 ФРА
Ш26

Перевод с французского
Н. ЗУБКОВА.

Оформление
В. ОСИПЯНА

Шарру Р.

Ш26 Сокровища мира — зарытые, замурованные, затонувшие/Пер. с фр. Н. Зубкова. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. — 288 с. — Серия «Таинственный мир».

ISBN 5-232-00720-3

Книга, которую вы держите в руках, посвящена одному из самых интересных человеческих увлечений — кладоискательству. Автор рассказывает о несметных сокровищах, о пиратах и затонувших кораблях, о таинственных и порой необъяснимых историях, связанных с кладами.

52Р(03)—98

© Перевод, Н. Зубков, 1998
© КРОН-ПРЕСС, 1998

СЕРИЯ «ТАИНСТВЕННЫЙ МИР»

Ничто на свете не привлекает человека так, как загадки и тайны. Все непонятное, странное, мистическое волнует нам кровь и будоражит воображение.

Во все времена и эпохи люди старались понять смысл всего сущего, заглянуть за завесу тайны.

Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС» начинает публикацию серии книг знаменитых писателей, ученых, путешественников и авантюристов, посвященных самым великим тайнам в истории человечества.

Загадка великого сфинкса и тайна Атлантиды, золото алхимиков и ацтеков, диалог с потусторонним миром и секретная война оккультного — обо всем этом и о многом другом вы узнаете, прочитав наши книги. Вы станете участником увлекательных приключений, откроете для себя новый, удивительный мир.

Ролан Вильнёв

ЯДЫ И ЗНАМЕНИТЫЕ ОТРАВИТЕЛИ

Серж Ютен

НЕВИДИМЫЕ ПРАВИТЕЛИ И ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА

Жерар де Сед

ПРОКЛЯТОЕ СОКРОВИЩЕ РЕНН-ЛЕ-ШАТО

Жан Санди

ЛУНА — КЛЮЧ К БИБЛИИ

Джеймс А. Пайн

ДИАЛОГ С ПОТУСТОРОННИМ МИРОМ

Жан Садуль

СОКРОВИЩЕ АЛХИМИКОВ

Тревор Равенскрофт

КОПЬЕ СУДЬБЫ

Аркон Дароль

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА

Франсуа Биро, Жан-Клод Риб
ДОСЬЕ ВНЕЗЕМНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Жерар де Сед
ТАЙНА КАТАРОВ

Ролан Вильнёв
ШАБАШ И КОЛДОВОСТВО

Эрих фон Деннен
ЗОЛОТО БОГОВ

Жак Бержье
СЕКРЕТНАЯ ВОЙНА ОККУЛЬТНОГО

Жак Бержье
ПРОКЛЯТЫЕ КНИГИ

Луи Шарпантье
ТАЙНЫ ТАМПИЕРОВ

Вернер Герсон
НАЦИЗМ. ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО

Пьер Тибо
ЭПОХА ДИКТАТУР

Мишель Гоклен
ДОСЬЕ КОСМИЧЕСКИХ ВЛИЯНИЙ

Лео Ларье
НИКОЛА ФЛАМЕЛЬ —
«ДЕЛАТЕЛЬ ЗОЛОТА»

Т. Лобзанг Рампа
ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Ролан Вильнёв
ОБОРОТНИ И ВАМПИРЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Наступило время приключений еще более потрясающих, чем в дни Изабеллы Кастильской. Реактивные каравеллы уже устремились к иным планетам.

Человек рожден не для того, чтобы рыть могилу самому себе, а чтобы странствовать, пересекая границы, продолжая традицию наших доисторических предков, которые неустанно стремились вслед за солнцем. Все великие странствия, завоевания, переселения народов шли посолонь по этой ритуальной оси «Восток — Запад». Любители парадоксов могли бы не без оснований сказать, что магнитный полюс земного шара расположен на Западе!

Начиная с XVII века народы перестали переселяться, но человечество изобрело новые способы освобождения — нашло возможность устремиться по нехоженным тропам, в неизведанные моря.

Однако теперь путь с Востока на Запад весь истоптан, измерен, размечен, расписан, проградуирован... Глобус ужался, и от Ла-Рошели до Токио, от Исландии до острова Кергелен на нем не осталось ни одного холмика с неустановленной высотой, окружностью и удельным весом. Мореплаватели, путешественники, геофизики, автомобили, океанские пароходы и реактивные самолеты убили поэзию

¹ Книга написана в 1926 году. — *Прим. пер.*

странствий. Теперь искатели приключений вынуждены либо направляться в ином направлении — в космос, вверх, или вниз, в пучину вод, — либо находить новые занятия.

Дух приключений толкает людей то к Луне, Венере, Марсу или Солнцу, то к последним нетронутым зонам земной коры. В обоих случаях новые конкистадоры носят одну и ту же униформу: чтобы забраться на тысячи километров в космическую бездну или на 10 тысяч метров под воду, нужны синтетический комбинезон и дыхательный аппарат.

Что же, по-вашему, лучше: эльдорадо далеких планет или совсем рядом с нами морские кладбища, россыпи рубинов и изумрудов, тайники с ларцами, полными золота, скрытыми в старых стенах, в подземельях, в прахе тысячелетий?

Кладоискатель решается вступить в спор с неизвестным, угадывать загадочное, поднимать целину, проникать в глубь земли... Он больше не пользуется ненадежным колдовским арсеналом: волшебной палочкой, заклинаниями, мандрагорой. Наука предоставила в его распоряжение новые магические аппараты — транзисторные; резвая электроника тревожит теперь покой старых сундуков... «Сезам, откройся!» — говорил Али-Баба. Нынешний кладоискатель раскрывает тайны непроницаемого и освещает ночь косной материи с наушниками на голове, управляя миллиамперметром, устанавливая датчики.

Вот так возрождается дух отважных приключений. Не все еще записано и измерено, не все изобретено. «Внутренность» планеты еще не тронута нами: еще многое прячется «под землей», «под водой», «в старых стенах».

Ведь земля и моря — весь шар земной — буквально набиты сокровищами, которые открываются нам почти ежедневно. То скауты из Сент-

Уондрила вынимают из стены пятьсот золотых монет, то клад находят два землекопа в Шеле, то могильщик в Тиэ, то дети в Фонтене натываются на большой сундук с луидорами и бриллиантами...

Где найти сокровища? Да мы ежедневно буквально ходим по ним; наши глаза повсюду натываются на тайники с кладами, по счастью, не умея разглядеть содержимого!

Кто в Париже не видел сотню раз конную статую Генриха IV на Новом мосту? Там в задней ноге лошади скульптор Лемо в 1816 году спрятал небольшой клад. В парке Со под весенними нарциссами рассыпаны бриллианты мадам Дюбарри; в Ле-Мане на площади Звезды тысячи горожан проходят, ничего не подозревая, над сокровищем урсулинок из бывшего монастыря, а это сто миллионов в шестилливоровых экю; в Шарру (департамент Вьенна) тысяча жителей хранит старое вино в нескольких сантиметрах от семидесяти одного клада, зарытого в 1569 году; в Лилле в соборе Нотр-Дам-де-ла-Трей служат мессу над кладом, погребенным во время осады города Филиппом-Августом. В лионских катакомбах сотни кладов ожидают случайных счастливых, в Провене золото покоится в многокилометровых подземных ходах, в Руане с тревогой ожидает своей участи в ветхих домах, обреченных на снос. В Марселе спрятаны драгоценности актрисы Габи Дели, в Монтобанае клад зарыт под старым замком, в Пуатье — в крепостной стене (посвященным на него указывает некий знак). В Касселе, в Баве, в Ла-Рошели, в Бордо, в Перпиньяне, в Ницце, в Жизоре ларцы и шкатулки закопаны просто в земле на глубине нескольких футов. В Шато-Гонтье камень на шарнире открывает вход в тайник с драгоценностями; в Ренн-ле-Шато миллиарды Беранже Соньера спрятаны в гробнице; в Крене золотая рака святого Германа Оксеррского на-

ходится в садовом гроте. Наконец, в Валлонии, во Фландрии, в Артуа, в Пикардии миллионы немецких сапог в 1940 году преспокойно протопали по миллионам кладов, зарытых беженцами...

А в море? Там сокровищ скрыто еще больше, чем в земле. Если верить преданиям, они покрывают дно Карибского моря, Бассова пролива, Столовой бухты, береговой полосы Чили, да и Франции...

В Международном Клубе кладоискателей собрана уникальная коллекция материалов, касающихся истории поиска сокровищ. В течение двадцати лет члены Клуба обследовали национальные библиотеки всех стран, находили и покупали (в частности, в Америке) описания, карты и планы, где обозначены клады, привозили их со всех континентов. Во Франции в результате четырехлетней программы «Охота за кладами», проводившейся при участии прессы с 1951 по 1955 год, на основании полученных писем был составлен каталог на 15 тысяч сокровищ. Правда, из них более 14 тысяч — это чистые легенды, часто занимательные, но не подтвержденные никакими основательными документами.

Трудней всего было составить картотеку, включающую ныне три тысячи фотографий, планов, чертежей и зарисовок. В сборе материалов помогли и радиопереговоры. В результате Клуб теперь может гордиться тем, что знает практически всё обо всех кладах, существующих на земле, за исключением немногих совершенно секретных подробностей, которые, разумеется, не сообщаются никому.

Члены Клуба — благороднейшие, заслуженные искатели сокровищ: капитан Тони Манжель — соперник Малькольма Кэмпбелла и Франклина Рузвельта в поисках на острове Кокос; Флоран и Мирей Раможе — специалисты по бухте

Виго; Жан Альбер Фо — начальник экспедиции «Иона» в Красном море; г-жа де Грация, дешифровщик; Дениза Карвенн; Симона Гербетт; Люсьена Ленуар и электротехник клуба Пьер Ленуар; отважный тайландский пират Альберто Ладзару — и еще один пират, который главенствует в истории отважных приключений нашего столетия: почетный президент Клуба Анри де Монфрей.

Но кто такой, в сущности, кладоискатель? Как вы думаете?

Кладоискатель весь предан поиску; он прорывается за границы, поставленные обывателями, и не ходит избитыми тропами; он вооружен батискафом и электронным детектором; он весь во власти утонченных чувств. В нем живет дух познания и приключений. Здесь он потомок Марко Поло, Колумба и Кабрала. Он эстет и потому решительно отвергает как бесовское порождение утилитарную науку, демагогию небоскребов, бетона, пластмассы, искусственных камней, сельскохозяйственного планирования и принудительного благосостояния. Он традиционалист и не смеет плевать на могилы предков. К межпланетным путешествиям он относится скорее скептически, а к современным политическим комбинациям, бредням прогресса и постоянному обезображиванию жизни он относится как отъявленный реакционер.

Эта любовь к парадоксу, стремление бежать из мира, который не слишком нравится ему, и заставляет кладоискателя устремляться на поиск забытых сокровищ. Он садится в машину времени и нажимает на кнопку «прошлое». Часто он даже открыто бунтует против настоящего, делаясь современником прошлого: это реакция на опасные, безумные перевероты в мире, который хочет стать безымянным и доверить управление планетой электронным машинам.

Человек XX века гордится своими знаниями и разумностью. Он стремится — конечно, из лучших побуждений — создать безбожное и обязательное счастье для масс, взять на учет каждую пядь земного шара, покорить космос, дать научное объяснение материи и сотворению мира. Он задумал сотворить чудеса более поразительные, чем кольцо Гигеса, панацея или философский камень — и вполне возможно, что вправду их сотворит.

Но кладоискатель не верит новым колдунам, бездомным философам, которые своей «безмерностью» грозят уничтожить вечное французское чувство меры как устарелое и старомодное. Не верит из здравого смысла, из интуиции, из физического и умственного отвращения, из картезианского рационализма.

Он не верит в красоту небоскребов, в чудеса, которые будто бы рождаются в циклотронах из осколков бешено раздираемого на части атома; он сомневается в совершенствах ракет и атомной энергии, в нравственных достоинствах новейших общественных учреждений... Будто нелепые искания интеллекта теперь правят бал, а брат наш Тело выбивается из сил, как лошадь, кружащая по арене...

Перед угрозой Апокалипсиса кладоискатель отказывается сотрудничать с этим миром — не из трусости, а как благородный человек, которому противна воровская суэта и кулачный бой без правил. Это его позиция, его мировоззрение. Этим объясняется некоторая раздвоенность, живущая в кладоискателе: «да», в известной мере, — научной рациональности, «нет» — извращенной науке и дурно пахнущему прогрессу.

Конечно, в исходе битвы реактивной «Каравеллы» с каравеллой парусной никто не сомневается. Но лучше погибнуть живым, чем существо-

вать мертвым. А для кладоискателей жить — значит идти навстречу приключениям, где в грезах мерцают рубины, бриллианты, изумруды, топазы, аметисты, прекрасные, будто кружевные серьги, золотые кувшины, кольца, браслеты и ожерелья, дукаты, луидоры и пиастры! Навстречу радости открытия, наслаждению необычайным, напряженному переживанию мига! И он погрузит ладони в живую воду драгоценных камней, и его любимая наденет те самые драгоценности из древних легенд!

Не обманывайтесь: в жизни стоит безумствовать. Мудрость не в мещанской безопасности и не в научных расчетах; разум не в том, чтоб быть таким же дураком, как все!

Верьте не верьте, но это правда: еще не найдя заветного сокровища, кладоискатель уже обрел богатство.

КОЛДОВСТВО КЛАДОВ

Есть волшебные слова: кто бы ни произнес их, они привлекают всеобщее внимание. Шепните на Среднем Востоке: «нефть», на Аляске: «золото», в пустыне: «вода», в Каталонии: «сардана» — все сразу навострят уши и с жадным любопытством поглядят на вас. Прежде магическим очарованием обладали другие слова: «Грааль», «орвьетан», «Бразилия»... Но их час пробил — и так же пробьет когда-нибудь час золота, нефти и сарданы.

Но одно заветное слово будет, надо надеяться, звучать вечно — в любое время, на любой широте. Невозможно представить, что может когда-нибудь приглушить его дивное звучание. Слово это — *клад*. Скажите, лучше вполголоса, это односложное словечко где угодно. Вы сразу увидите, как все глаза загорятся каким-то огнем...

Потому что словечко это и впрямь волшебное, особенно произнесенное по-французски.

Итальянцы говорят *thesorio*, испанцы *tésoro*, немцы *Shatz*, англичане *treasure*. Но французское слово *trésor* — вправду золотое, какова бы ни была его этимология на самом деле. Это волшебное слово сверкает, как язычок пламени, пляшет по земле и по волнам, жжет, как огонь с золотистым отливом, дерзко, с налету оглушает своим значением, звенит, как пригоршня луидоров или дукатов. Настоящее колдовство, просто чертовщина!

Любой клад защищен какими-то чарами: одолевать их упоительно; не замечать их нельзя. Низменное, но сладостное чувство вливает нам в жилы разгоряченную кровь пиратов, штурмовавших флотилии, груженные золотом, и башни феодальных замков. Убереечь душу от этого воздействия не может никто.

Вот почему кладоискатели уверяют — кто скажет, правда это или нет, — что все клады заговорены дьяволом, что проклятие грозит каждому, кто нашел потайное место!

Но, спросите вы, существуют ли на деле, не в сказках, все эти клады — груды драгоценных камней, золотых и серебряных монет? То есть, конечно, их иногда находят (конечно, где-то они еще остались), но находят редко, и осталось, должно быть, не так уж и много.

Согласитесь, однако, что в течение тысячелетий миллионы людей прятали свое богатство — большое или не очень, — и что многие из них умерли, так и не забрав сокровища и не сообщив другим, где оно спрятано. Случалось даже, что пропадали целые армии и народы, да так, что в живых не оставалось никого. Так было с «Красными девами Власты».

Власта, как многим известно, — не то героиня, не то бунтовщица, жившая в Чехии в VII веке. Она была хороша собой, умна, изумительно владела оружием, но имела один изъян: она ненавидела мужчин.

Достоинства Власты привлекли королеву Либушу, основательницу Праги. Либуша, хоть и была замужем за королем Пшемьслем, сама была совершенной амазонкой с мужским характером. Власта возглавила гвардию королевы, состоявшую из одних женщин.

Когда Либуша умерла, Власта отказалась служить королю и вместе со своими воительницами

засела в крепости на горе Видовле. Пшемысл отправил к ней посла на переговоры, но молодая бунтовщица оскопила его и отослала обратно.

Меж тем женщины все шли и шли к ней на службу. Скоро у Власты под началом оказалась целая армия. Тогда она ушла с горы Видовле. Ее столицей стал замок, названный Девин (Девичий). Власта со своим войском завладела всей округой: брала дань с городов и деревень, устанавливала налоги, чинила суд и расправу, главным образом над мужчинами. Иногда из презрения к мужскому полу она в сопровождении еще нескольких девушек отправлялась в какое-нибудь селение. Они ехали верхом совершенно нагие, но при мечях и щитах. И горе было тому, кто осмеливался поднять глаза на их наготу!

Король Пшемысл несколько раз посылал против бунтовщиц верные войска — девицы разбивали их наголову. Всех раненых и пленных без жалости предавали смерти.

Власта самодержавно правила своей страной, издавала законы. Летописцы сохранили некоторые из них; они достойны упоминания:

мужчинам запрещается под страхом смерти носить оружие;

мужчинам запрещается под страхом смерти сидеть на коне верхом, но только свесив ноги на одну сторону;

мужчины обязаны обрабатывать землю, торговать, варить пищу, шить одежду; женщины занимаются войной;

женщины выбирают себе мужей; мужчина, отвергший выбор, предается смерти.

Приговоры прекрасной Власты были, мягко скажем, не слишком снисходительны!

Наконец, королю Богемии надоели эти шуточки. В 46 г. он внезапно напал на Видовле. Сотни амазонок были убиты. Власта находилась тогда в

Девине. Узнав об осаде, она собственноручно за-резала двадцать четыре заложника и со всей своей армией поспешила навстречу врагу. Говорят, что Красная Дева бросила щит, сорвала одежду и обнаженная, с одним мечом в руке, ворвалась в гущу сражения. Все амазонки были убиты: в плен не сдалась ни одна.

Перед последней битвой Власта спрятала в Девине казну своей армии: золотые и серебряные монеты и переплавленные украшения (гордые воительницы украшений не носили). Клада этого не нашли и, несомненно, никогда не найдут. Но то, что он существует, весьма правдоподобно.

Другой пример. Можно быть уверенным, что перед германским нашествием в 1940 году, когда множество французов и бельгийцев бежали с севера к Сене и Луаре, в Валонии, Фландрии, Артуа и Пикардии было спрятано от двух до четырех миллионов кладов. Ведь миллионы людей, бежавших от войны, денежные сбережения брали с собой (хотя бы частично), но прятали, зарывали, замуровывали такие ценности, брать которые было бы слишком громоздко или рискованно: дорогую утварь, тяжелые бронзовые, медные и серебряные предметы, картины и другие произведения искусства, старое и современное оружие, даже золото в монетах и слитках. Если беженцев было три миллиона, вероятно, за какие-то двое суток было спрятано три миллиона кладов.

Но увы! Не все после войны вернулись домой. Есть воспоминания о том, как целые семьи погибли в Амьене или по дороге к Сомме. Таким образом, их сокровища превратились в забытые клады, без хозяев и без следов.

В том же 1940 и 1941 годах тысячи парижских евреев перед отправкой в концлагерь схоронили в подвалах тысячи кладов. Многие из них до сих пор нетронуты и не открыты. Кто может отрицать, что

они существуют? В 1945 году в Германии и в Италии потрясенные поражением богачи и все, кто имел несчастье владеть чем-нибудь ценным, поступали так же. То же можно сказать и о войне 1914 года, да и обо всех войнах в истории человечества.

А что говорить о затонувших сокровищах! Океанское дно буквально усеяно ими; они размечают морские пути, как верстовые столбы — земные дороги. Даже официальная статистика Морского министерства (Париж, проспект Октава Греара) дает представление об их количестве. Ежегодно у берегов Франции идет ко дну от трехсот до пятисот судов — до пятисот судов под трехцветным флагом! Не правда ли, поразительная цифра!

И почти с каждым кораблекрушением тонет какое-то сокровище. Даже на исландской рыбацкой шхуне на борту обязательно есть касса с наличностью.

Не обязательно вспоминать о тяжелых испанских галионах, перевозивших золото, и о больших торговых пароходах, чтобы стало очевидно, как много скрыто в мире сокровищ.

Каждый год пресса сообщает о доброй сотне случайных находок. То снесут старый дом и в стене обнаружат кубышку, то могильщик выроет сундук с луидорами, то дети найдут клад в собственном доме...

Самая показательная, самая сенсационная удача в истории кладоискательства — находка Уильяма Фипса, американца из Бостона, кумира всех искателей сокровищ. В 1686 году Фипс нашел в Серебряной банке в Карибском море обломки галиона — возможно, «Нуэстра Сеньора де Консепсьон» — и вынес с него клад стоимостью в двести тысяч фунтов стерлингов. За эту удачу английский король возвел его в рыцарское достоинство.

Умер Фипс богачом, завещав свое богатство на благотворительные цели.

А «Нуэстра Сеньора де Консепсьон» и теперь еще лежит на песчано-коралловой отмели в 163 морских французских милях к северо-северо-востоку от Пуэрто-Плата в Доминиканской республике и в 98 милях к северо-востоку от островов Кайкос, то есть примерно под $21^{\circ}30'$ северной широты и $0^{\circ}28'$ западной долготы, на глубине 1020 саженей. Из-за этих сокровищ место, о котором ходит бесчисленное множество рассказов, и называется «Серебряной банкой».

Карибское море, несомненно, — настоящий заповедник подводных сокровищ: в нем покоятся тысячи галионов, фрегатов и прочих кораблей, потопленных или погибших в бурю со времен открытия Америки. Кроме него надо упомянуть Столовую бухту у мыса Доброй Надежды, где лежат сотни судов (главным образом, голландских шхун), Желтое море, страшный Бассов пролив, побережье Чили, Перу, Венесуэлы и Бразилии со множеством обломков «кораблей сокровищ», берега Испании, Англии и юга Соединенных Штатов.

На суше особенно много кладов лежит во Франции: свою лепту внесли и тамплиеры, и религиозные войны, и особенно революция 1789 года.

Широкая публика знает лишь о некоторых, самых знаменитых: в Ренн-ле-Шато, в Аржелесе, в Аржини, о кладе катаров в Монсегюре (которого там, вероятно, нет). Известны еще семьдесят пять кладов аббатства Шарру в департаменте Вьенны, «клад Дамы из штольни» в Ионне, клад Ди, сокровища с «Телемаха» в Кийбёфе, а также более чем сомнительные клад с «Доверия» в Вандее, клад Роммеля на Корсике, клады в Ла-Напуль, в Мандрене, клад Мелюзины в Люзиньяне, Жизорский клад...

Другие мировые центры захоронений кладов на суше: в первую очередь Перу (там находятся сокровища инков, о которых достоверно известно), далее Англия, Аргентина с ее кладами времен войны за Независимость, Мексика с сокровищами майя и ацтеков. Северная Африка кишит легендарными сокровищницами, которые охраняются заговорами, черными псами, великанами...

Испания, Италия, Германия с баснословными кладами времен войны, Индия; в Соединенных Штатах — Старая испанская дорога от Нового Орлеана к Сан-Франциско. А есть еще клады на островах, где пираты, флибустьеры, корсары и люди Берегового братства прятали бочонки с украшениями и дублонами...

ПЕРВЫЕ КЛАДЫ

Тем людям, кто впервые догадался спрятать свои сокровища от завистливых глаз в надежное место, и в голову не приходило, что их изобретение — одно из величайших на протяжении тысячелетней истории человечества.

Первым зарыл клад какой-то первобытный человек. Может быть, его сокровище составляли наконечники стрел и копий, рыболовные крючки; может быть, — картинки и статуэтки; может быть, — продукты питания. Сейчас найдено много доисторических тайников. Например, в кладе Айе в Барру (департамент Эндри Луара) открыли замечательные кремневые лезвия, полюбоваться которыми можно в музее города Гран-Прессиньи.

Прятали, возможно, и первые деньги — ракушки, резную кость, зубы животных и т.п. Много теперь доказывает, например, такое чудо, как пещера Монтиньяк-Ласко в Дордони («первобытный Лувр»), что за пятнадцать—тридцать тысяч лет до нашей эры обитатели современной Франции весьма почитали искусство, а о развитии их цивилизации мы можем только догадываться.

Ценность первобытных кладов состоит главным образом в том, что из них, ни более ни менее, произошло земледелие. Однажды, тысяч за тридцать лет до нашей эры, кому-то пришлось в голову по осени зарыть за порогом своей пещеры плоды

и семена. Вырыв свой клад (а по тем временам это был настоящий клад), первобытный человек очень огорчился. Все сгнило, проросло и в пищу никак не годилось. Но после многих подобных попыток наш далекий предок заметил, что из зарытых семян получаются более густые и сильные всходы, чем из диких. То же он наблюдал и в тех местах, где зарывал клады с другими своими ценностями. Итак, логически рассуждая, первобытный человек сделал вывод: растения лучше всходят на перекопанной рыхлой почве.

Так началось земледелие! Его породили закопанные клады да еще похоронные обряды с жертвоприношениями, когда пищу клали на рыхлую землю.

Но все-таки нас больше привлекают не доисторические клады. Сокровищами, в узком смысле слова, называют только ценные предметы: монеты, ювелирные изделия, драгоценные камни. Такие клады сохранились лишь с последних веков до Рождества Христова. Да и сама монета, которую чаще всего укрывают в кладах, появилась относительно недавно: у древних евреев, греков и китайцев.

Специалист по этому вопросу Андре Фуржо считает первой монетой египетский чат времен Рамсеса II (три тысячи лет тому назад), соответствовавший некоторому количеству меди, серебра или золота по весу. Это была идеальная, условная счетная единица, на самом деле никакой монеты не чеканилось. Первые же настоящие монеты были отчеканены около начала VII в. до Р.Х. Вначале они были, главным образом, железные; лет за пятьсот до Р.Х. стали употреблять бронзу, за двести — серебро. Наконец, золотые монеты, и то в чрезвычайно малом числе, начали чеканить при Сулле (86 г. до Р.Х.). Кроме того, употреблялись самые разные материалы: медь, глина, терракота, стекло и даже дерево. У при-

митивных народов в качестве монет до самого недавнего времени обращались ракушки, циновки, китовые, тигриные или кошачьи зубы, сушеные горлянки и др. Их употребление вместо денег непривычно, но вполне логично.

Интересно также заметить, что первые деньги во всех странах были связаны с магией. На еврейских монетах выбивались религиозные и оккультные знаки, на греческих — священные символы: сова, черепаха, пентаграмма. Китайские монеты имели форму колокола, а их поверхность покрывалась магическими идеограммами. И для дикарей, и для первых культурных народов монета таила в себе жизненный дух своего обладателя. Отсюда, конечно, и вера в таинственную силу, оберегающую клады: считалось, что владельцы передавали им свою душу и жизненную силу.

В доколумбовом Перу было множество серебра и золота, но они, кажется, не обращались как деньги. Деньгами там служили зерна редких растений, россыпью или в бусах, да раковины, обладавшие магической силой. А вот мексиканские ацтеки и тольтеки пользовались золотыми монетами.

Вероятно, самые ранние подробные сведения о кладах находятся в документах, обнаруженных близ Кумрана на Мертвом море.

Летом 1947 года один палестинский пастух-бедин из племени Таамира нашел в пещере странные предметы: кувшины и перевязанные бечевой свертки. Он отнес свою находку шейху. Тот отчистил свертки от асфальта и воска и увидел одиннадцать исписанных свитков.

Монахи православного монастыря Святого Марка за двадцать фунтов стерлингов купили пять из них, сохранившихся лучше остальных. Шесть других приобрел Музей древностей при Иерусалимском еврейском университете.

Профессор археологии этого университета Сукеник начал расшифровку музейных свитков; он же получил от монахов и разрешение на работу со свитками в монастыре. Вскоре весь мир облетела сенсационная новость: в пещере найдены древнееврейские рукописи, вероятно, времен Маккавеев (II в. до нашей эры). Текст написан старинным еврейским письмом.

Бедуина, который нашел свитки, больше никто не видел, но пещеру разыскали. Она находится в области Кумран, в двенадцати километрах к югу от Иерихона, в скалистой стене, что возвышается над Мертвым морем в двух километрах к западу от берега. Там были найдены новые свитки. Только теперь они стоили уже не двадцать фунтов, а миллионы долларов.

Удивленные переводчики обнаружили в рукописях указания на шестьдесят тайников, где будто бы зарыты сказочные сокровища. Предполагают, что насельники одной из ессейских общин укрыли в Кумранской пещере (видимо, во время осады Иерусалима Титом) свою библиотеку и ритуальные ценности. За две тысячи лет ценности, несомненно, подверглись разграблению.

По данным рукописей, в шестидесяти тайниках должно было содержаться до двухсот тонн золота и серебра на 20 миллионов долларов. Они лежат в больших сундуках на глубине до 18 метров! Все это, несомненно, сильное преувеличение. Клады спрятаны между Наблусом (древний Сихем), Эль-Халилем (Хеврон) и горой Герзим. На сокровища, если их найдут, претендуют многие правительства и религиозные общины: евреи, арабы, православные, католики, американцы, наконец, Англия, которая на момент находки еще имела мандат на управление Палестиной.

Законодательство о кладях еще двадцать четыре столетия тому назад обсуждал Платон в ди-

алоге «Законы». Аристотель в трактате «Политика» пишет, что клад принадлежит нашедшему, и рассказывает о двух братьях-греках, обнаруживших сокровище, спрятанное во время нашествия персов. Для Аристотеля (его мудрость и логика представляются нам замечательными) клад — это «удача», дар Фортуны, милость божества. Поэтому он должен быть полностью возвращен тому, кто его послал.

Происхождение кладов, а их на Земле сотни тысяч, весьма разнообразно. Часто это древняя добыча пиратов, флибустьеров и разбойников, так что спустя столетия нашедший клад становится невольным соучастником преступления: он законным образом пользуется плодами совершенного некогда злодейства.

Но время незлобиво. Оно спокойно прощает нам ошибки и грехи. Даже убийца спустя десять лет уже не считается убийцей. Есть свой срок давности и у воровства. Проходит несколько лет, и укрывательство краденого становится неопасным. Можно долго рассуждать, сколь забавны такие законы и сколь растяжимо человеческое представление о порядочности.

Мы взяли список шестисот крупнейших известных кладов и составили их классификацию по источнику происхождения:

Художественные коллекции _____	1
Клады оригиналов _____	1
Клады в захоронениях _____	3
Ненайденные клады в руинах _____	5
Храмовые клады _____	10
Клады государей _____	13
Клады золотоискателей _____	14
Военные клады _____	20
Клады тамплиеров _____	25
Клады беженцев _____	26

Выморочные клады _____	26
Полностью легендарные клады _____	31
Клады пиратов и грабителей _____	45
Клады неизвестного происхождения _	130
Затонувшие сокровища _____	250
Всего _____	600

Древнейшие из известных кладоискателей, без сомнения, — грабители гробниц.

Некогда любого князя, царя или фараона, покинувшего сей мир, полагалось хоронить в тронном облачении, с оружием, фамильными украшениями и частью казны, чтобы он на том свете жил достойно своего сана. Гробница становилась настоящей сокровищницей, а потому ее следовало оградить от воров.

По этой причине — и по другим, более прозаическим — возникли египетские пирамиды и другие надгробные памятники. Простые смертные имели право на склепы или скромные гробницы; в них с покойником тоже нередко клали целые сокровища, которыми в течение многих веков соблазнялись орды грабителей. С течением веков святотатцев стало меньше, но им на смену явились армии историков и археологов.

Установлено, что грабители гробниц уничтожили больше древних памятников, чем естественное разрушение и войны.

Большая часть египетских, греческих и итальянских (этрусских), а также римских гробниц за две с половиной тысячи лет были разграблены.

То же происходило и в Северной Африке. Например, знаменитая Гробница Христианки близ Алжира претерпела множество набегов, впрочем, кажется, совершенно напрасных.

Множество святотатств, к величайшему сожалению, учинили испанские конкистадоры в Вест-Индии. Все гробницы сановников царства инков в

Перу сполна уплатили дань золотом, а история говорит, что золота там было много.

Археологи продолжили дело грабителей, впрочем, уже во имя высокой науки, а не наживы.

Все знают об открытиях Генриха Шлимана в 1873 году на месте Трои в гробнице неустановленного правителя и в 1876 году в Микенах, в так называемой гробнице Агамемнона. Мировую известность получили сокровищница и сорок гробниц некрополя Дейр-эль-Хаари в Египте. Египтолог Мариетт обнаружил в этих захоронениях множество сокровищ, а в 1922 году американец Говард Картер нашел неисчислимы богатства и мумию фараона Тутанхамона.

Будем справедливы к археологам: они оскверняли гробницы и уносили клады совершенно бескорыстно, из чисто научного интереса. Более того, благодаря им художественные и археологические сокровища (в частности, в Египте) сохранились и попали теперь в музеи, а не в руки грабителей. Грабители же ради облегчения сбыта по большей части просто переплавляли ценности. А в арабских странах имя искателям сокровищ и осквернителям праха всегда было легион. Уже при XX династии фараонов, около 1090 года до Р.Х., египтянам приходилось выставлять вокруг царских захоронений вооруженную стражу.

В Средиземноморье с древнейших времен ныряльщики доставали сокровища с морского дна. Во времена Геродота прославились Скиллий Сикионский и его дочь, прекрасная Циана. Историк повествует, что они достали великие сокровища, затонувшие с персидским флотом у горы Пелион.

Начиная с XV в. в Испании специально готовили ныряльщиков, чтобы доставать с галионов, затонувших на мелководье, слитки золота и се-

ребра, дублоны и пиастры. Притом капитаны судов, перевозивших золото, имели приказ: если глубина не превышает десяти—двадцати метров, не едаться неприятелю, но, по возможности, взрывать суда. Этот приказ нередко выполнялся: так, например, поступил генерал Еугес-и-Бомон под Санта-Крус-де-Тенерифе в 1567 году.

Превосходящая эскадра английских судов под командованием адмирала Блейка почти захватила Серебряный флот испанцев, но генерал приказал взорвать порох на семи галионах. Они пошли ко дну на глубине около пятнадцати метров. У Блейка была своя команда обученных ныряльщиков, однако вблизи неприятельского порта, под огнем береговых батарей, он не рискнул доставать сокровища. В следующем году испанцы спокойно спасли из десяти миллионов пиастров, находившихся на галионах, семь с половиной миллионов.

В XVI в. военачальник Франческо де Марки из Болоньи в «Трактате о военной архитектуре» рассказал о попытке некоего маэстро Гильельмо добыть клад со дна озера Неми, пользуясь водолазным колоколом. Но Гильельмо достал из озера лишь несколько дорогих вещей.

В 1640 году Жан Барье по прозвищу Прадин получил у короля Франции привилегию «доставать и ловить в морской глубине при помощи судна парусного или же весельного, спущенного на воду, товары и прочие предметы как во множестве, так и поодиночке». Прадин не нажил особого богатства, но указал на местонахождение нескольких кладов.

Лионский врач Панто в XVII в. стал свидетелем успешного применения подводного колокола в каталонском порту Кадакес. «Я видел, — писал он, — как в порту Кадакес собирали монеты с двух груженных пиастрами судов, кои в опасном

месте разбились о риф. Уже за несколько лет прежде испанцы, владевшие тогда Кадакесом, начали собирать пиастры, пользуясь колоколом. Когда же Кадакес взяли французы, мы также с великой приятностью и пользой употребляли сию машину и при ее помощи извлекли несколько миллионов монет, почерневших подобно железу».

Колокол был деревянный, окован железом, а грузилами служили огромные ядра.

Это любопытнейшее сообщение позволяет почти наверняка предположить, что золото с кораблей, затонувших в бухте Виго достали таким же образом, может быть, при помощи того же колокола. Немыслимо, чтобы испанские ныряльщики, которые начиная с XV в. вытаскивали столько ценных грузов в Каталонии, на Мадейре, у Тарифы и в других местах, не употребили своих способностей и средств под Виго, где на дне покоились невероятные богатства — миллиардные суммы в золоте и серебре. Между тем все галионы, поднятые под Виго, начиная с 1702 года, к великому разочарованию искателей сокровищ, оказывались пустыми. Не исключено, что в илистом дне сокрыты еще немалые богатства. Но можно полагать, что к началу работ все галионы — а они лежат не глубже 25—30 метров — уже кто-то навестил и выпотрошил.

Крупнейшие кладоискатели наших дней (не считая членов Международного Парижского клуба) — это майор Малькольм Кэмпбелл и американцы Джон С. Поттер и Гарри Ризеберг. Последний несколько раз с успехом нырял за сокровищами.

Женщины также не раз пытались добыть подводные или подземные клады. Многие из них, от прекрасной Цианы до нашей современницы, героини Галапагоса баронессы Вагнер, вписали свое имя в летопись кладоискательских приключений.

Первое место среди них принадлежит фанатической искательнице сокровищ баронессе Мартине де Босолей: она якобы открыла во Франции такие залежи драгоценных металлов и камней, каким позавидуют властители Голконды и покорители Эльдорадо.

В 1862 году прославился другой мастер кладоискательской рамки, открывавший в Дофине клады и золотые жилы, находивший воров. Его имя — Жак Эмар Верне. Он не раз успешно помогал лионской полиции. Затем его вызвал к себе герцог Бурбон-Конде, у которого совершили крупную кражу. Но до герцога дошли слухи о том, что лионские дела — мистификация. Он решил испытать радиоэстезиста (рудознатца) и зарыл в саду пять кладов: в одном лежало золото, в другом серебро, в третьем медь, в четвертом драгоценные камни, в пятом деревянные изделия. Увы! Волшебная рамка Эмара Верне раз за разом ошибалась. Мага отослали назад в провинцию, где он, как гласит местная хроника, продолжал творить чудеса.

Значит ли это, что всякая радиоэстезия — шарлатанство? Конечно, ей нельзя особенно доверять как науке. Но она может быть искусством или ясновидением. Тогда (в редчайших случаях) она может давать результат. А вот то, что некоторые галлюциногены могут обострять провидческий дар у тех, кто им обладает, — несомненно. В Африке и Южной Америке колдуны, накурившись волшебных трав, обретают дар прозрения и таким чудесным образом обнаруживают сокровища. В Ливане золотой цветок Баахра «приносит золото любому своему владельцу».

Скажете, легенда? Но вот поразительный факт. Иным жителям города Адана в Турции удалось побывать в доме богача Мохаммеда Сааха. Он выстлан драгоценными коврами, потолок выложен мрамором, а стены увешаны золотыми

долларами, пиастрами и луидорами. Жители Аданы уверяют: Ахмед Саах стал повелителем золота, потому что у него есть таинственная Баахра.

Лет двадцать назад родители Мохаммеда Сааха были очень бедны. Отец его, простой погонщик мулов, едва сводил концы с концами, перевозя товары по ущельям сирийского Антиливана. Но однажды ему улыбнулась удача, хотя поначалу ничто не указывало на то, что день будет счастливым. В горах отец Мохаммеда, рискуя жизнью, вытащил из пропасти вождя одного из таинственных племен, живущих в окрестностях Сирийских гор. Этот шейх поблагодарил погонщика и назначил ему встречу на том же месте в первое майское полнолуние.

— Я награжу тебя по-царски, — сказал он важно.

Отец Мохаммеда Сааха, надо сказать, не особо поверил этому обещанию и не томился, ожидая назначенного срока. Но на встречу явился, потому что слово горца — закон.

Полная луна вставала над Баальбеком, когда погонщик пришел на место. Шейх уже ожидал его. Они отправились в путь.

— Куда ты ведешь меня? — спросил озадаченный погонщик.

Шейх ответил, но загадка яснее не стала:

— Туда, где растет Золотой цветок. Сорви его — и будешь жить без забот, торгуя золотом. Потому что золото потечет к тебе, как вода Нахр-эль-Кебира на мельничное колесо.

Погонщик мулов не посмел усомниться в словах шейха, но в душе был не рад, что явился на встречу. Дорога была долгой, ночь холодной, ноги устали, а на другой день предстояла тяжелая работа.

Наконец они пришли на обрывистый горный склон к западу от Оронта и стали, ползая по зем-

ле, искать в лунном свете маленький цветочек, который, по преданию, отливают золотом. И они его нашли: палевый, с четырьмя лепестками, чуть побольше маргаритки. Ворсистая сердцевинка так и горела, словно расплавленное золото.

— Он твой, — сказал шейх. — Вырой его с корнем, да не медли: он цветет только одну ночь. Днем ты его уже не увидишь, и нигде в других местах он не растет. Береги его: это Баахра!

Погонщик с какими-то заклинаниями вырыл цветок, поблагодарил своего благодетеля, вернулся домой в долину и рассказал жене с сыном, что с ним случилось. Потом он все забыл и вернулся к своему ремеслу. Погонщик, конечно, не знал, что золото — металл Солнца — посвящено богу Баальбека. Некогда, чтобы разбогатеть, надо было помолиться Ваалу и сорвать священный цветочек в горах Ансарье.

Сказать, что рассказ отца произвел на Мохаммеда Сааха огромное впечатление, было бы сильным преувеличением. Но когда отец умер, он решил на всякий случай попытать счастья. Мохаммед перебрался из своих гор в Ливан, решив заняться чем-нибудь таким, что связано с золотом. Для начала он выучил английский и устроился гидом в контору Кука.

Дело было в 1946 году. Туризм тогда процветал. Из Бейрута туристы направляются прежде всего в Баальбек, который находится от него в ста километрах. Невозможно приехать в Ливан и не навестить его титанические развалины — террасы, где, как полагает кое-кто из историков древнего мира, пять тысяч лет назад приземлялись космические корабли с Венеры или с Марса. А под песком в Баальбеке покоится глиняная посуда, мозаики, древние монеты, светильники, ювелирные изделия. Все это можно найти, едва ковырнув землю в развалинах.

Мухаммед возил туда туристов, а заодно при-торговывал древними и стилизованными под древность статуэтками и другими сувенирами. Тут он заметил: если ему попадалось что-нибудь золотое (это, впрочем, случалось не часто), он продавал эту вещь с неслыханным барышом.

— Что ж, — решил Мухаммед, — надо и в самом деле торговать золотом.

— Уж не поверил ли ты в Баахру? — посмеялась над ним мать.

— Поверю, если и впрямь разбогатею!

С того дня Мохаммеду стало потрясающе везти. Золото так и потекло к нему, наполняло его мощну, множилось от всех его сделок и никогда не убывало. По необразованности Мохаммед влезал в аферы, которые должны были бы наверняка разорить его. Но каким-то невероятным образом все всегда оборачивалось к его выгоде.

При виде такого дьявольского везения Мохаммед решил нарочно пытаться удачу. Он ссужал золотом заведомо несостоятельных должников, вкладывал деньги в безумные предприятия без малейших шансов на успех. Но несостоятельные отдавали долги, а безумные предприятия становились сверхприбыльными. Как ни старался Мохаммед, ни разу он не потерпел убытка! А раз проиграть он не мог, то поневоле всегда оставался в выигрыше. Вот почему в свое время он входил в десятку богатейших людей мира.

Где-то в его сундуках цветок Баахра потихоньку засыхает и утрачивает способность притягивать золото. Но на несколько десятилетий силы талисмана еще хватит. Мохаммед Саад — живой бог драгоценного металла — царствовал у себя в конторе в Адане. Стены, увешанные золотыми соверенами и луидорами, свидетельствуют, сколь чудесна судьба тех, кто в первое майское полнолуние в горах Ансарье найдет волшебный цветок Баахра.

Но не только Баахра приводит к золоту и сокровенным кладам, отводя беду. Ни один радиоэстетист не чувствует себя в безопасности без какого-нибудь оберега на шее или в сумке. Это может быть тигровый зуб, ладонь Фатимы, зерно пшеницы Осириса, молитва, ладанка, наконец, частица Креста Господня.

Однако все они лишь защищают от чужих чар. Обеспечить победу — найти клад — ничто не может лучше мандрагоры: кусочка или целого корня. Оккультные науки уверяют, что с таким талисманом найти ларец с драгоценностями или сундук, набитый дукатами, — сущий пустяк! Однако мандрагоры очень редки. Во Франции, насколько нам известно, они есть только у г-жи Пюо-Брюно, у потомков Пьера Луиса, в ботанической лаборатории фармацевтического факультета в Париже и у автора этих строк.

Мы говорим, разумеется, лишь о волшебной мандрагоре. Есть еще медицинская мандрагора, обладающая хорошо известными целебными свойствами. Но этот скромный родственник картошки никогда, насколько известно, не производил чудес и никогда не принимал человеческого облика. А волшебная мандрагора принимает! Это настоящий человечек — с лицом, руками, ногами и половыми органами. Такие человекообразные мандрагоры растут в Северной Африке, на Сицилии, на Сардинии. Но истинно посвященный выкапывает мандрагору только под виселицей; она должна быть окроплена кровью повешенного, или его сукровицей, или спермой, истекшей в последних судорогах. В этом зловещем месте душа покойника переходит в корень и вдует в него подлинную жизнь.

Мандрагору добывают и испытывают заведенным порядком. Прежде всего нужно обкопать зем-

лю вокруг корня как можно глубже, причем под страхом смерти не задеть его ни рукой, ни лопатой, пока он не вынетса безо всякого усилия. Затем к ошейнику собаки привязывают длинную веревку, а к веревке — мандрагору. Собаку бьют, она убегает вместе с мандрагорой. Затем ее находят мертвой вместе с корешком, завернутым в обрывок савана. Собака становится невинной жертвой испытания, но ее смерть спасает от смерти владельца мандрагоры.

Вновь найденная мандрагора похожа на маленького человечка. К ней и надо относиться как к человеку: кормить и оказывать всяческое почтение. Ее кладут в стеклянный сосуд, по ночам выставляют на лунный свет, а рядом ставят самые изысканные блюда. Корешок начинает потихоньку расти и наконец достигает величины около фута.

Если хозяин мандрагоры соблюдает все правила, ему обеспечены удача в любви и богатство. Чтобы найти клад, надо взять корешок и обвести предполагаемое место клада магическим кругом, прочертить на земле или нарисовать мелом. Ночь должна быть безветренной, лунной, при молодой или полной луне. Мандрагора начинает двигаться и сама отводит хозяина туда, где зарыто сокровище.

Вот какие способы применяли колдуны-кладоискатели времен так называемого невежества. Впрочем, времена эти не прошли: и теперь есть увлеченные адепты заклинаний, радиоэстезии, черной магии и мандрагоры. Но современные кладоискатели предпочитают более научные методы. Подводная охота дала толчок поиску сокровищ под водой, а косвенным образом и на земле. На смену колдовским приборам пришли более рациональные: магнитные и электронные устройства, скафандры...

Все, что здесь сказано о радиоэстезии, относится лишь к тем, кто занимается низшей формой оккультизма (черной магией), а не высшим оккультизмом посвященных (белой магией). Мы также не смешиваем лженауку радиоэстезию с истинным искусством ясновидения. Мы знали настоящих провидиц, которые доказывали свой исключительный дар и действительно находили сокровища.

СОКРОВИЩА ТАМПЛИЕРОВ

В Перу есть баснословные клады, где дремлют сокровища инков, в океане лежат затонувшие галионы. Франция хранит в развалинах старых замков «несметные сокровища тамплиеров». Рассказы о кладах знаменитых рыцарей страшны и необычайны. Они связаны и с нашей историей, и с легендами, и с оккультными науками. Говоря о них, положено напускать на себя таинственный вид и произносить кабалистические слова: «Бафомет... Крест Восьми Блаженств... Охрана тайных сил...» Клады орошены кровью героев, их места помечены непонятными знаками и запечатаны печатями, растопленными на сатанинском огне.

Говоря о сокровищах тамплиеров, оккультист обязательно воскликнет: «На них заклятье! Их защищают потусторонние силы! Добыть их может только член ордена Храма или тот, кто посвящен в тайные познания Ордена...»

Вся эта напыщенная галиматья, разумеется, рассчитана на простаков и не имеет никакого смысла. Никакие потусторонние силы сокровища тамплиеров не охраняют. Но обряды и символы, с которыми их хоронили, действительно связаны и с тайнами, и с оккультизмом.

Как же иначе? Ведь рыцари Храма не только отважно сражались. Они еще любили водиться с потусторонним миром, развлекаться с квадратурой круга, тайными знаками, символами и иероглифами — одним словом, любили все таинствен-

ное. Вот почему они не просто помещали свои сокровища в какой-нибудь погреб или нишу в толстой стене, а изобретали невероятные хитрости и чтобы спрятать клад, и чтобы найти.

Конечно, это наша личная точка зрения. Мы вовсе не хотим переубеждать тех, кто верит в чудеса, в сверхъестественное, потустороннее, в привидения и огнедышащих драконов, сторожащих сокровища. Нет, Боже упаси! Наоборот, мы думаем, что без веры в чудеса и сверхъестественное и жить-то нельзя. Эти загадочные цветы жизни для души так же необходимы, как рассудок для разума, как сновидения для сна, как вьющиеся розы и хмель для стен старых домов, тех домов, где так славно жить, где толстые стены еще не разучились скрывать древние клады...

Словом, всякий должен ощутить таинственную силу, охраняющую клады: это так здорово! Но если вы случайно найдете какой-нибудь тамплиерский клад, который сторожит призрак, обязательно дайте этому призраку дружеского пинка и скажите, как человек из анекдота крокодилу на веревочке: «Отвяжись, а то проснусь, и тебя не станет!».

Впрочем, призраки рыцарей Храма все, конечно, скончались. Наука ведь установила, что привидения стареют и умирают. Ни один призрак старше начала нашей эры уже давно не пристает к людям.

Но шутки в сторону. Тамплиерские клады вправду существуют, и найти их ничто не мешает. Кроме, конечно, технических сложностей.

Нам показалось интересным изложить этот предмет, воспользовавшись методом крупного специалиста, археолога и дешифровщицы г-жи де Грация, которая увлеченно занимается тайнописью тамплиеров. Поиски привели ее в здание бывшего тамплиерского гарнизона, каким-то чу-

дом оставшееся невредимым, хотя и превращенное теперь в ферму. На этой ферме г-жа де Грация и нашла ключ к шифру, скрывающему тайну построек и тайников Ордена.

Те, кто любит разгадывать загадки, могут поломать голову над следующими строчками. Они написаны по-латыни на фронтоне бывшего гарнизона. Г-жа де Грация перевела их на французский:

*Построй сие тайное жилище
мерюю трижды стократ
против матричной меры в длину-долготу,
пятижды десятикрат в ширину-широту,
трижды в толщину-глубину.
Тою же мерюю мерь Круговое Пространство,
коего верхняя часть доступна Свету.
Растянув же его в противную сторону,
отстрой то, что внизу, дважды и трижды.*

Г-жа де Грация уверяет: чтобы разгадать знаки, нацарапанные на стенах старых зданий, где тамплиеры прятали свои богатства, надо понять эту абракадабру.

Тамплиерские клады появились 5 октября 1307 года, когда король Филипп Красивый устроил чудовищную облаву, приказав схватить всех рыцарей Храма, находившихся во Франции. У разорившегося короля было много причин желать покончить с их могуществом. Тамплиеры становились опасны для королевской власти; их тайные обряды пугали и соблазняли многих католиков; наконец, и в первую очередь, короля неодолимо тянули тамплиерские богатства.

Орден владел девятью тысячами замков только в христианском мире. Состояние тамплиеров было безмерно: тут и многочисленные привилегии, и непрестанные пожертвования, и дань, которую храмовники много веков собирали с мусуль-

ман (поговаривали, что и с христиан). Скорее всего, к XIV веку орден действительно потерял свою первоначальную веру, погряз в материальных интересах, в коррупции, а может быть, и в кощунстве. Есть сведения, что планы ордена шли далеко, так что арест тамплиеров, возможно, был поворотным событием в судьбах мира.

Как бы то ни было, Филиппу Красивому удалось порядком пополнить казну за счет своих жертв. Но многие сокровища были спрятаны и не стали добычей алчного короля. Говорят, будто папа Климент V за несколько дней тайком предупредил членов Ордена о готовящейся операции французского двора.

Итак, возможно, что казна ордена тамплиеров спрятана в надежном месте. Вполне вероятно и то, что хранится она в тайниках, доступных только посвященным. Тамплиеры любили архитектуру, тайнопись, символику. Они прятали свои клады е особыми обрядами, а место их захоронения обозначали особыми знаками. Так надо полагать. Но увь! Мы ничего точно не знаем ни об этих обрядах, ни о смысле знаков.

Когда великий магистр Жак де Моле понял, что король готовится полностью уничтожить Орден, он принял меры, чтобы сохранились «предания и высокие фундаментальные знания». Магистр знал, что его племянник, молодой граф Гишар де Божё, стремится вступить в Орден. Он вызвал Гишара к себе в темницу и посвятил в рыцари. Затем Гишар отправился в Тампль отыскать в одной из гробниц в усыпальнице великих магистров треугольный хрустальный ларец в серебряной оправе. Выдержав это испытание, он дал клятву сохранить Орден и был посвящен в его тайны.

Моле рассказал племяннику, что в треугольном ларце хранится великая реликвия — указа-

тельный палец Иоанна Крестителя, — и поведал другую тайну, еще более удивительную:

— В гробнице графа де Божё, прежнего великого магистра, покоятся не его останки, а орденский архив. Там же находится множество реликвий и сокровищ, которые я вывез из Святой Земли, отобрав у неверных: корона иерусалимских королей, семисвечник царя Соломона, четыре золотых фигуры евангелистов из храма Гроба Господня. Но сокровищница тамплиеров не там, а в двух колоннах на хорах Тампля при входе в усыпальницу. Колонны полые, а их капители поворачиваются на шарнирах. В них-то и сокрыты великие богатства, накопленные Орденом.

Сказав все это, Моле взял с Божё клятву, что тот спасет драгоценности и «сохранит до конца света», поцеловал его в последний раз и стал готовиться к смерти.

Моле сожгли заживо. Новый великий магистр воссоздал орден «великих архитекторов» и стал думать, как лучше спрятать сокровища храмовников. Он попросил у короля Филиппа дозволения похоронить своего дядю Гийома в другом месте. Разрешение было дано. Гишар с помощью братьев по Ордену высыпал из колонн Тампля все золото, серебро и драгоценные камни, наполнил ими гроб плюс еще несколько сундуков и все перевез в место, известное лишь посвященным.

Так говорят предания, а вслед за ними некоторые историки. Ясно одно: казну тамплиеров из Тампля куда-то перевезли. Но куда — вот вопрос!

Иные говорят, что на Кипр, где имел пребывание архимандрит или патриарх Ордена с великим капитулом. Если так, сокровище находится в Лимасоле. Но есть другая гипотеза, по которой клад скрыт во владениях Божё в Провансе: не в самом Божё, полностью разрушенном во время Революции, а в вассальном замке Аржини.

Представьте себе средневековое феодальное хозяйство: замок со стенами и башнями, хозяйственные постройки, подъемный мост над глубоким рвом: таков Аржини. Всюду чувствуется густой аромат загадок, чар и сокровищ... да, да, сокровищ!

Владелец такого замка гордится своими кладами. Оно и понятно: легенда о них оживляет эту мрачную грудку старых камней и кирпичей — красных, желтоватых, серых, мшисто-зеленых...

Главная башня Аржини построена из кирпича. В ней восемь окон, почему она и называется башня Восьми Блаженств (или еще Алхимической башней).

Название Аржини одни производят от Argine — дама трэф, повелительница сокровищ (анаграмма слова Regina), другие связывают его с argyros — серебро. В Аржини, по преданию, находится главный клад — несметное богатство тамплиеров: золото, серебро, самоцветы, а кроме того, инвентарь оккультных опытов, архивы с ценнейшими документами...

Замок расположен на территории коммуны Шаранта. Его владелец, граф Жак де Розмон, — образованный дворянин; вероятно, он имеет высокую степень в одном из рыцарских орденов. Отец графа весьма интересовался поисками сокровищ в своем замке.

В 1950 году нынешнего владельца посетил некий загадочный полковник из Англии, посланный, как думают, каким-то британским обществом оккультистов. Он предложил купить замок за огромную сумму: сто миллионов франков. Г-н де Розмон решительно отказался.

В 1952 году г-жа де Грация изучила таинственный замок на месте и заявила:

— Я убеждена, что казна тамплиеров находится в Аржини. Я обнаружила здесь знаки, указывающие на главный клад. Они начинаются от гер-

ба над входом и ведут в Алхимическую башню. В башне самые главные указания. Я нашла там египетский знак, указывающий, что здесь сокрыто как духовное, так и материальное сокровище.

Изысканиями г-жи де Грация заинтересовался парижский промышленник г-н Шампльон. Он организовал раскопки под руководством магистра оккультных наук Армана Барбо и писателя Жака Брейера, специально изучающего мистику тамплиеров. У Брейера есть любопытная манера обозначать Аржини знаком доллара (\$). Это очень древний знак, имеющий, видимо, большое значение в тамплиерской символике, а возможно, и в тайнописи.

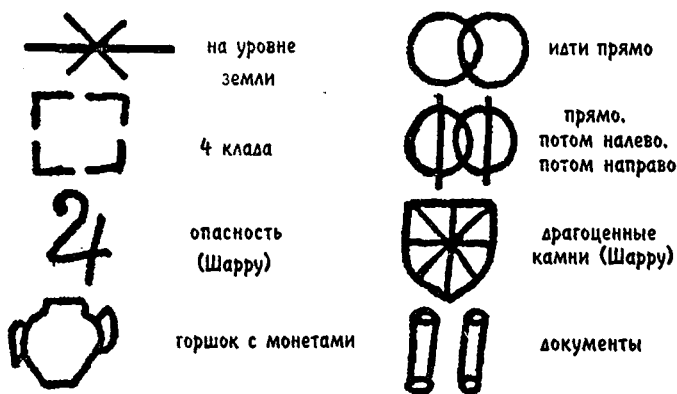
Удивительна связь этого обозначения со словами Аржини (Аргина) и сокровищем! Что это, совпадение, или предшественниками Жака де Моле руководил какой-то тайный умысел? Во всяком случае, уже по одному этому Аржини должен играть важную роль в драме тамплиеров.

Итак, вначале тайну Аржини пытались разгадать адепты оккультизма. Один свидетель оставил описание этих диковинных опытов:

«Арман Барбо и Жак Брейер начали работу. Брейер тогда был убежден, что сокровище Аржини — не что иное, как философский камень. Барбо с Брейером по ночам стали вызывать духов в башне Восьми Блаженств. Им явилось одиннадцать тамплиеров, которые объявили себя хранителями сокровища; они общались с ними на языке условных стуков. Жак Брейер — вдохновитель дела — поставил в башне клетку с голубем: когда загробный мир выходил на связь, голубь бил крыльями.

Все свидетели ясно слышали одиннадцать четких тяжелых ударов: как будто кто-то тяжелый колотился всем телом об стену. Обман был решительно невозможен: никакая лестница не могла достать до верхушки башни. Стук звучал в ночной тишине, между полуночью и двумя часами ночи.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ ТАМПЛИЕРОВ

Золотое число = 1.618

Мера тамплиеров — священный локоть

Условные знаки тамплиеров, начертанные на стенах, дают указания на тайники

Вообще-то звуков ночью было много: квакали лягушки в прудах, пели соловьи, лаяли собаки, мяукали кошки... Но едва раздавался первый стук, все животные удивительным образом замолкали. Когда же общение с духами заканчивалось, ночные шумы возобновлялись.

Иногда одиннадцать тамплиеров отказывались разговаривать вовсе, иногда говорили нечто невнятное и ни в коем случае не соглашались отвечать, где лежит клад. Через собственного медиума Барбо узнал, где вход в подземелья замка, и послал туда рабочих. Но приступить к делу все время что-то мешало: то г-на Шампьюна неожиданно отзывали дела, то у самого Барбо умер родственник, то рабочие, побросав кирки с лопатами, без всяких объяснений куда-то исчезли...

Но однажды Жак Брейер возгласил:

— Готово! Есть контакт! Тамплиеры согласны говорить!

Большой спиритический сеанс состоялся в ночь на Иванов день. Барбо через медиума вошел в общение с хранителями клада. Загипнотизированный медиум произнес такие слова:

— Я вижу, как на меня по какому-то желобу движется большой сундук. Человеческая рука в железной перчатке опускается в сундук, достает золотые монеты. Вот на столе уже большая груда. Рука черпает дальше. К золоту жадно тянутся другие руки... ужасные лапы, с когтями, покрытые шерстью... Человеческая рука убирает монеты обратно в сундук. Во главе хранителей клада — рыцарь в гробу. Его мраморная статуя разговаривает, но он продолжает недвижно лежать в гробнице. Он хочет выйти на свет. Для этого нужно устроить великий обряд и произнести семь заклинаний.

Жак Брейер решительно отказался устраивать такой опыт. Тогда медиум объявил:

— Вы ничего не найдете. Духи-хранители сокровища намеренно обманывают вас. Они хранят клад для потомка тамплиеров, достойного продолжить их дело.

Неожиданно последовал театральный эффект: Жак Брейер сообщил, что духи признали в нем новое воплощение Жака дю Моле. Опять начались ночные бдения в Алхимической башне. Брейер вызвал Гийома де Божё, называл его «братец» и просил раскрыть тайну сокровища. Великий магистр и его духи остались глухи к мольбам. Брейер не утомился. Он предложил призракам сделку: пусть прекрасная девушка зачнет, войдя в магический круг, чтобы Гийом де Божё воплотился в ее ребенке...»

К счастью, это соблазнительное предложение осталось без ответа Гийом де Божё и духи-хранители не поддались на них, и великий магистр по-прежнему лежит холодный и мраморный.

Передавая эти глупости, мы вовсе не отрицаем, что история сокровища связана с оккультными науками. Иначе и быть не может, потому что тамплиеры были завязаны оккультистами. Кроме того, к замку Аржини, который и без того кажется идеальным укрытием для сокровищ Тампля, относится много странных совпадений.

Осталось только расшифровать оставленные знаки и потаенные указания. Точка зрения г-на де Розмона такова: Аржини действительно принадлежал Гийому де Божё и находился на дороге, известной только тамплиерам. Поэтому он был недоступен для войск Филиппа Красивого. Возможно, что сокровищницу Тампля действительно привезли сюда. Но нельзя бессистемно, наугад ломать древние стены поместья. Тут были кладоискатели-чародеи, все что-нибудь рушили и ничего не нашли. Точные данные можно получить только при помощи научных средств поиска.

Взгляд г-жи де Грация оптимистичней:

— В Алхимической башне восемь окон, из них одно заложено. Надо бы разобрать эту кладку и посмотреть, куда упадет из окна луч света 24 июня. Этот луч должен сыграть важную роль: может быть, он укажет на камень, где записаны точные указания. Но, надо думать, ключ к загадке доступен лишь одному человеку, причем посвященному в орденские тайны.

Того же мнения держится и Жак Брейер. Несколько лет проведя в Алхимической башне почти в полном затворничестве, он предал гласности секрет Аржини в своей книге «Солнечные тайны». Вот слова, в которых этот секрет, как ему кажется, заключен:

«Тайные Сокровища под крепкой охраной: каждую дверь стережет дракон.

Найти помогут Смирение, Бескорыстие, Чистота. Сии три ключа верны для того, кто верно их разумеет.

Искусный возьмет Ф. Ф. (короля), но сей на воздушех. Сокровище истинное наверху. Почто блуждаешь, несчастный, выбиваясь из сил? Размысли: великое искусство есть свет».

Это можно перевести на человеческий язык примерно так: «Сокровища тамплиеров — в Аржини. Найти их может только тамплиер. Секрет клада Ф.Ф (короля или владычицы кладов Аргини) в башне Восьми Блаженств на уровне окон, нигде в другом месте. Солнечный луч из окна даст последний ключ (или: истинное сокровище — только Бог)».

Новейшие данные привели членов Клуба кладоискателей к заключению, что казна Тамплиеров — не в Аржини. Вообще говоря, ни один достоверный документ не связывает его с этим замком: все основано только на легендах и рассказах радиоэстетистов.

Знаки тамплиеров найдены в замке Барбезьер (Шаранта), где многие граффити на стенах дают интереснейшие указания. Правда, замок построен позднее XIV в. Но он выстроен на месте бывшего замка ордена тамплиеров, и ряд посвященных мог переносить знаки, указующие тайну клада, на новые камни до тех пор, пока не умер последний владелец плана.

Вокруг Барбезьера находились три больших тамплиерских гарнизона. Поблизости, в селении Линь, недавно нашли старое кладбище. Некоторые надгробья на нем указывают, что после гибели тамплиеров там еще долго стоял вооруженный

отряд загадочного назначения. Вероятно, он был как-то связан с надписями Барбезьера и с охраной клада.

Есть другие места, где предположительно находятся тамплиерские клады: База, Дом сенешаля в Ажане, поместье Сен-Мартен-де-Ванс, куда за ним приезжал канцлер Аденауэр, кладоискатель по призванию. Историк Жан Мерселло полагает, что тамплиерские тайники могут быть обнаружены в поместье Рако в департаменте Эндр и Луара. Там есть «пещера золотого сосуда» и «пещера серебряного сосуда», навещаемые теперь только лисами да барсуками. Некогда же в каждой пещере стоял круглый сосуд, полный золота, и сосуд квадратный, полный серебра. Странствующие тамплиеры в случае нужды могли заходить в эти пещеры. Они брали ровно столько, сколько им было нужно, и вновь прятали сосуды согласно полученным указаниям.

Славу загадочного места, где укрываются сокровища ордена, получил и еще один замок — Валькроз в департаменте Вар. Если в Аржини на мысль о таинственном кладе наводит романтический пейзаж, необычная архитектура, начертанные на стенах знаки, то предания о Валькрозе переданы запутанными путями и на милом храмовникам птичьим языке.

Предания эти, надо сказать, лишь каким-то чудом вынырнули из времени и пространства, из какой-то забытой книги, где навсегда должны были бы упокоиться. За тысячи километров от родных мест они попали прямо в руки нужному человеку, который шел к ним извилистым, но, несомненно, предначертанным путем. Кто же его предначертал?

Вот подлинная история. Мы расскажем ее, не называя имен. Поставлено много интереснейших вопросов, но ни на один нет ответа.

Некто М., вынужденный покинуть Польшу в 1939 году, в 1947 находился в военном лагере в Англии. Там он встретил соотечественника, который направлялся в Аргентину. Тот показал ему старую книгу, написанную польским же автором Юрковским, она называлась «История рыцарского ордена тамплиеров» (Historia Zakonu Rycerskiego Templariuszow. Wilna, Blumowitz, 1845).

«Книга, — рассказывал нам М., — чрезвычайно меня заинтересовала. Но, к сожалению, я смог только бегло ее просмотреть: владелец внезапно уехал и отказался продать мне ее».

Книга о тамплиерах напомнила господину М. историю времен его молодости, с которой и начинается рассказ о сокровищах Валькроза. Сам он неважно изъяснялся по-французски. Его жена записала для нас эту историю и все невероятные события, с ней связанные. Мы передаем записку дословно.

«Мой муж родился в Сибири, он потомок наполеоновского воина, который был ранен, остался в Польше и там женился. Его сын участвовал в восстании против царя. Его сослали в Сибирь, где он тоже женился и жил благополучно. Муж мой — внук этого ссыльного. Он вспоминает, как лет в четырнадцать рылся в дедушкиных книгах и натолкнулся на старый французский молитвенник. В книгу был вложен листок со следующим текстом (перевожу с польского):

«Под старым замком Вальдекруа лежат сокровища Ордена тамплиеров. Иди туда, ищи. Истина и святой укажут тебе путь».

Муж точно сохранил в памяти эти слова. Но в перипетиях последующих лет ни книга, ни листок не сохранились. После революции вся семья вернулась в Польшу, а после ее разгрома в 1939 году мой муж тайно покинул страну и продолжал сражаться в рядах французской армии. В 1948 году он

демобилизировался. Он мечтал лишь об одном: найти в тихом уголке Франции брошенную ферму, завести там хозяйство и спокойно дожить остаток дней.

Случай привел его в давно заброшенное имение Валькроз в пустынных горах департамента Верхний Вар. Там есть старый замок и много развалин. Место нам понравилось. Мы купили поместье и с величайшим трудом стали приводить его в порядок.

Мало-помалу некоторые любопытные совпадения напомнили мужу о попавшемся ему в Сибири листке и навели на мысль, что наш Валькроз и есть тот самый замок Вальдекруа, о котором там говорилось.

Во-первых, Валькроз действительно был некогда замком тамплиеров. Рядом находятся руины крепости, разрушенной войсками Филиппа Красивого.

Во-вторых, в замковой часовне находится картина, написанная в 1715 году: святой Целестин поклоняется лучу света, на котором написано: «Истина». Вот они — истина и святой в старом замке тамплиеров Вальдекруа!

Муж заинтересовался и передал план поместья радиоэстетистам...»

Ну а радиоэстетисты, конечно, начертили на плане подземные лабиринты, залы-переходы, карцеры-могильники и тайников с кладами целую кучу. Начали копать, дорылись до восьмиметровой глубины и ничего, само собой, не нашли.

По нашему мнению, если в Валькрозе и спрятано сокровище тамплиеров, чтобы найти его, надо подумать, а не копать где попало.

Предположим, что клад — не миф, что он действительно спрятан в Валькрозе. Тогда есть основания поверить, что тамплиеры записали его тайну на листочке, вложенном в Библию. Но подлинно ли это свидетельство? Иными словами, восхо-

дит ли оно к какому-то из рыцарей, который еще при Филиппе Красивом, ожидая ареста и королевского суда, решил облегчить поиски клада? Если нет, значит, и говорить больше не о чем.

Такое предположение скучно и бесперспективно. Поэтому давайте думать, что запись все-таки подлинна. А она ясно и точно указывает место: замок Вальдекруа. Но во Франции замка или другого места с таким названием нет. Что из этого? Из этого следует, что нет иного подходящего места для сокровища, кроме замка Валькроз; то же самое, только по-провансальски. Почему бы и нет? В конце концов, на Валькроз указывают и другие чудом сошедшиеся обстоятельства.

В записке сказано: «Иди туда, ищи. Истина и святой укажут тебе путь». Но М. попал в Валькроз случайно. Впечатление такое, что кто-то привел его туда, чтобы он выполнил свою миссию. М. не искал, но нашел «Истину и святого», которые могут указать путь. Не явный ли знак судьбы, эта говорящая картина? Почему бы не прислушаться к указаниям призраков, раз кругом одни чудеса?

Если мы принимаем правила этой игры, то приходим к заключению: М. и есть человек, которому предназначено обнаружить сокровища. Рука святого с картины, датированной 1715 годом, неминуемо проведет его через некие лабиринты к заветному кладу.

Но в замке Валькроз должны быть и другие знаки, их только надо уметь найти и разгадать!

В общем, похоже, что клад находится к востоку от изображения святого в таинственном здании «мерюю трижды стократ против матричной меры в длину-долготу, пятижды десятикрат в ширину-широту». Там еще должно быть «Круговое Пространство, коего верхняя часть доступна Свету»...

Подлинно свидетельство о кладе в Валькрозе или нет, будет ли разгадана эта тайна, она в лю-

бом случае очень интересна и достойна таких мастеров тайнописи, как древние тамплиеры.

Замок Валькрос — древнее строение из дурного камня — разрушен более чем на три четверти и затерян в лесах: к нему даже нет проезжих дорог. Супруги М. влачат там весьма бедное существование и живут надеждой, которую трудно признать разумной. Но таинственные совпадения и очарование поиска поддерживают и вдохновляют их. В этих развалинах прячется сокровище... Они без колебаний верят в это и до смерти останутся верны мечте о том, что завтра сундуки с золотом и драгоценными камнями, конечно, вознаградят их за долгое ожидание...

Согласитесь, что в этом смысле над сокровищами тамплиеров и впрямь тяготеет заклятие.

ЗОЛОТО НОВОГО СВЕТА И ГАЛИОНЫ

До открытия Нового Света золото в Европе, Азии и Африке было редкостью.

Правда, библейский пророк Захария утверждает, что финикийский Тир «накопил себе серебра, как пыли, и золота, как уличной грязи» (Зах. 9:3). Но это утверждение легко опровергается фактами. Ведь когда царь Соломон для строительства Храма в Иерусалиме обменял у тирского царя Гиркана на двадцать пять городов две тонны золота, для финикийских финансов это был такой чувствительный удар, что союзник Соломона Хирам вынужден был, чтобы возместить ущерб, послать несколько экспедиций на копи страны Офир.

Эти экспедиции отправлялись из залива Акаба на Красном море, но куда — историки теряются в догадках. Согласно одним, легендарный Офир находился в Индии и Малайзии, согласно другим — в Южной Африке. Иные отваживаются даже отнести Офир в Южную Америку, отождествляя библейский Парваим (3-я книга Паралипоменон, гл. 3) с Перу!

Они рассуждают так. Парваим — то же, что Паруим («в» и «у» пишутся одинаково, а буква «иод» по-древнееврейски часто читается как «аи»). «Им» — окончание множественного числа. А в Перу, в бассейне Амазонки, текут золотоносные реки Пару и Апу-Пару. Там-то будто бы и находится легендарный Офир. Корабли приставали к мысу Биру возле нынешнего Трухильо.

Эта гипотеза совершенно невероятна. В древности суда никогда не отходили далеко от берега. Кроме того, сказано, что суда Хирама и Соломона дошли до места на сорок второй день пути. За такой короткий срок пересечь океан они никак не могли. С достаточной долей вероятности можно искать Офир в Стране кафров и, в частности, отождествлять его с циклопическими развалинами города Зимбабве в четырехстах километрах к востоку от Софалы в Родезии. Утверждают еще, что одна из экспедиций Хирама привезла оттуда четыреста двадцать талантов чистого золота (14 миллионов долларов по курсу 1941 года).

Более достоверная статистика позволяет оценить запасы драгоценных металлов в Европе в XV в. Они составляли миллиард золотых франков по курсу 1914 года, что равно 3200 тоннам серебра, или 90 тоннам золота, или (примерно) пяти кубическим метрам золота. С 1493 по 1600 год привезли из Америки, добавив к этому запасу, 754 тонны чистого золота и 22835 тонн серебра, то есть в десять раз больше, чем было накоплено прежде за два тысячелетия.

Понятно, почему открытие новой части света, где золото лежало горами, произвело такой переворот в экономике!

С другой стороны, это доказывает, что не стоит верить тому, будто доколумбова цивилизация была равна по развитию европейской. Ведь американские туземцы за несколько тысячелетий не только не исчерпали своих рудников, но даже не достали из них столько, сколько испанцы за сто лет. А для индейцев золото так же, как и для европейцев, было драгоценным металлом, символом богатства.

Итак, открытие Америки воодушевило Европу XV века, произошел величайший переворот

всех времен. Началась эпопея, героями которой стали отважные первопроходцы, но также флибустьеры, корсары и прочие разбойники.

Золото из Перу, Бразилии, Колумбии и Мексики значительно обогатило Испанию, а косвенно также Францию, Англию и Голландию. Это золото по большей части не направлялось непосредственно в испанскую казну. Оно принадлежало частным предпринимателям, снаряжавшим путешествия в «Западную Индию». При этом судовладелец должен был уплатить короне «кинто» (пятую часть) и еще какие-то проценты сеньорам или прелатам, так или иначе покровительствовавшим экспедиции.

Испанские корабли, шедшие в Вест-Индию, отправлялись главным образом из трех портов: Севильи (гавань ниже отмелей на Гвадалквивире), Кадикса и Санлукара. Дней за тридцать они пересекали Атлантический океан, приступали к торговле, результатом которой становился груз золота, серебра, драгоценных камней, пряностей, редких пород дерева, тканей. Подобные сделки совершались по всему континенту и на всех островах от северного тропика до южного. Затем вдоль вест-индских берегов галионы направлялись в Веракрус (Мексика) или в Гавану, собирались там во флотилии и плыли через океан обратно домой.

Товары из империи инков (Перу, Чили, Боливия, Эквадор, Колумбия), которую омывало «Южное море» (Тихий океан), доставлялись вдоль берегов к Дарьенскому (Панамскому) перешейку, где их перевозили на мулах к берегу Антильского моря.

Типичный груз галиона был примерно таков: самородное золото, золотой песок, золото в слитках простых и калиброванных, золотая монета местной чеканки, серебро, кошениль, индиго, кампешевое дерево, красное дерево, хлопок, та-

бак, кожа, перуанский бальзам, сенна, какао, сахар, ваниль, жемчуг, изумруды, аметисты...

Груз, в том числе и золото, не всегда доходил по назначению. Бури и морской разбой налагали на судовладельцев тяжкую дань. Можно утверждать, что с начала XV в. от 30 до 40 % галионов затонуло в кораблекрушениях, было захвачено или потоплено пиратами. Капитаны же кораблей — без ведома, а то и с ведома судовладельцев — развернули настоящий черный рынок. В частности, они продавали золото французскому королю гораздо выгоднее, чем на официальном испанском рынке.

Таким образом, доля испанского короля часто была сильно занижена, поскольку скрывалось истинное количество груза. Например, когда в 1555 году судно адмирала Родриго Фарфана затонуло у Тарифы, с него подняли 350 тысяч пиастров, а в официальной декларации значилось всего сто пятьдесят тысяч!

В XVI в. прибыль и убытки драгоценных металлов от экспедиций в Новый свет исчислялись так:

	Золото	Серебро
Доставлено в Испанию	700 т	23000 т
Погибло в кораблекрушениях	200 т	7000 т
Захвачено пиратами	100 т	3000 т

К этим весьма приблизительным цифрам надо добавить неизвестное, но, несомненно, значительное количество погибших драгоценных камней, украшений и т.д.

Итак, начиная с XVI в. Атлантику пересекало множество кораблей с такими сокровищами, которые прежде и не снились человечеству. Англичане называли их «кораблями сокровищ», испанцы «серебряным флотом», а французы — «золотым флотом». Эти плавающие клады неизбежно

возбуждали алчность пиратов и соседних государств. Фердинанд V, Карл V и Филипп II дошли до того, что монополизировали всю торговлю с Новым Светом. Они вырезали иностранных (главным образом, французских) колонистов, утвердившихся на новых берегах там, где испанцы еще не успели водрузить свой флаг.

Ах, золото Нового света! Не было другого такого Шейлока и Гарпагона среди первооткрывателей всех времен, как Христофор Колумб. К новому континенту его влекла настоящая золотая лихорадка. Мысли о золоте наполняли его душу, сердце, каждую жилку. Ради него Колумб стал фальсификатором, клятвопреступником и работником.

Экспедиция была отправлена на средства из клада, найденного покровителем Колумба сеньором Сантанхелем. О золоте Колумб говорит на каждой странице судового журнала, золото он начинает искать, едва ступив на первый остров. Если он замечает, что где-то очень жарко, тотчас делает вывод, что здесь должны быть золотые жилы! Он думает, что Сипанго «действительно чрезвычайно богат золотом, перлами и драгоценными камнями; его храмы и царские дворцы выстроены из цельного золота» (письмо Тосканелли Колумбу, вероятно, подложное, написано самим Колумбом). Позже он напишет слова, которые указывают на любопытный, мягко говоря, образ мыслей:

«Золото — прекрасная вещь. Иметь золото значит иметь все, чего можно желать в жизни. За золото можно даже попасть в рай, если заказывать на него мессы».

Такой же символ веры, только еще циничнее, произнес Фернандо Кортес, объявивший послу мексиканского императора Монтесумы II: «Скажи своему повелителю, чтобы он слал нам много-

много золота. Нас тут всех тошнит, и только золото помогает от этой болезни».

И это великие путешественники, такие же, как Марко Поло, Жак Картье, Кабрал! Но если так алчны были Колумб и Кортес, что говорить о разбойниках с большой морской дороги...

Испанская конкиста — это эра похищенных, потерянных, спрятанных и особенно затонувших сокровищ.

Плоды Великих открытий — золото, серебро, жемчуг, рубины, изумруды — покоятся в каркасах галионов, затонувших в боях и бурях. Предание гласит: более ста пятидесяти тысяч килограммов золота! Более миллиона килограммов серебра в монетах и слитках!

В Испании есть бухта, где покоятся целые тонны золота, перемешанные с песком и обломками кораблей; поверх — еще более толстый слой серебра, а кое-где — ларцы с изумрудами, аметистами, жемчугом, черной и серой амброй. Время, штормы и течения понемногу покрыли колоссальные эти богатства многометровым слоем песка и ила. Теперь в морской глубине ни один бугорок не выдаст, где лежат сокровища.

Место известно с точностью до мили. Но этого недостаточно: ведь сокровища Виго находятся на глубине тридцать — сорок метров.

А люди вот уже скоро триста лет с остервенением ищут этот необычайный могильник. Кто-то поднимал на поверхность галионы, на которых ничего уже не осталось, кто-то вытащил несколько ящичков с пиастрами. Кто-то и в наши дни ищет сокровища, вооружась всеми новейшими техническими средствами. Однако море ревниво стережет свои богатства, которые оценивают (безусловно, с излишним оптимизмом) в сумму до двухсот миллиардов золотых франков. Дело в том, что история сокровищ Виго тоже связана с ле-

гендой. Предание так расцветило действительность новыми золотыми блестками и драгоценными камнями, что теперь уже не понять, на какой сотне миллиардов начинаешь сбиваться со счета...

В 1702 году испанские правители, опасаясь голландских и английских корсаров, долго не обращались к монетному двору в американских колониях, и целых четыре года в Америке копилась золото и серебро. Но королевская казна истощалась. Тогда Филипп V все-таки приказал доставить в Севилью законную часть, предназначавшуюся метрополии. Риск был огромен. Миллиарды в море не могли не соблазнить врагов, тем более что Испания вела с Англией войну.

И все же 2 июня 1702 года девятнадцать больших галионов вышли из порта Гаваны и со всеми своими богатствами взяли курс на Испанию. Поскольку Филипп V приходился внуком Людовику XIV, могущественный французский король — разумеется, тоже воевавший со своим извечным заморским врагом — предоставил флоту конвой из двадцати трех фрегатов под командованием маркиза де Шаторено. Невозможно было сделать лучший выбор. Достойный наследник адмирала Турвиля, Шаторено несколько раз громил равные и превосходящие силы англичан, бил голландских адмиралов Рюйтера и Эвертзена. Самим же «серебряным флотом» командовал дон Маноль Веласко.

Начиналась последняя, самая опасная, треть пути. На траверсе Азорских островов на галионы пришло сообщение, что у берегов Андалусии крейсирует мощный англо-голландский флот. На испанском флагмане немедленно собрался военный совет.

— Сколько у неприятеля кораблей? — спросил Шаторено.

— Сто пятьдесят, — отвечал королевский гонец.

— Мы не можем принимать бой. Предлагаю изменить курс к северу и укрыться в одном из надежных французских портов: Ла-Рошели или Бресте.

Но дон Маноэль Веласко не внял доводам француза. «Серебряный флот» вез всю наличность испанского государства. Конечно, французы — союзники, но чем черт не шутит!

— Попытаемся прорвать блокаду, — объявил он.

— Это безумие! — возопил Шаторено. — Поймите: против нас все силы объединенного англо-голландского флота — десять эскадр! Против таких сил даже Ла-Рошель не вполне безопасна: ими можно оккупировать целую страну. Неужели вы не понимаете, что такая концентрация флота означает вторжение с моря или войну?

Некоторые из испанцев заколебались, но большинство присоединилось к мнению дона Веласко. В конце концов решили, что «Серебряный флот» попытается укрыться в бухте Виго.

Это решение казалось довольно разумным. Длина бухты Виго около двадцати километров, ширина от трех до четырех. Она заканчивается гаванью, соединенной с бухтой узкой горловиной шириной не более семисот метров. С обоих берегов проход через горловину прикрыт огнем береговых батарей.

И вот девятнадцать галионов и двадцать три конвойных фрегата направились к Виго. 22 сентября они беспрепятственно вошли в бухту. Шаторено выполнил свою миссию. Веласко мог считать свой флот вне опасности. Впрочем, были приняты меры предосторожности: число береговых орудий, защищавших гавань, удвоено, гарнизоны обеих батарей усилены, а горловина перегорожена цепями и сваями. Уверенные в безопасности испанцы отправили пять фрегатов обратно во Францию. Казалось, дело в шляпе.

Но нет! Потому что испанцы, конечно, гениальный народ, может быть, самый гениальный на свете. Они дали миру Сервантеса, Гойю, Веласкеса и Лопе де Вега. Но у этого гениального народа есть родовой порок. Испанцы—администраторы, в самом кошмарном смысле этого слова, медлительные перестраховщики и рутинеры.

Оставалось только разгрузить «Серебряный флот» — и всему конец. Но ведь это было бы слишком просто... А незыблемое правило требовало, чтобы все товары, направлявшиеся в Америку и прибывавшие из Америки, проходили через Севильскую торговую палату: там велась их инвентаризация, выдавались королевские лицензии. Так что разгружаться нельзя! Разве что перевезти весь груз по суше в Севилью. Но представьте себе, каково везти на подводах тысячи и тысячи тонн золота, какая для них нужна охрана, каков риск потерь! Впрочем, королева Мария-Луиза Савойская, правившая тогда от имени супруга (король был на войне в Италии), повелела немедленно разгрузить и отправить в Мадрид королевскую часть и еще некоторую часть золота в монетах и слитках.

А «Серебряный флот» с большей частью сокровищ сочли разумным оставить запертым в бухте Виго, пока англичанам с голландцами не надоест его сторожить и они не снимут блокаду. Тогда галионы смогут направиться в Севилью, а на худой конец — в Кадикс или Санлукар. Идея, вроде бы, недурная. Все было бы гладко, если бы противник не принял своих мер. К тому же думали, что оборона гавани совершенно достаточна, а оказалась она просто смешной.

Итак, девятнадцать галионов стоят на якоре в глубине бухты, в гавани Редондела. Их защита: перегородка в проливе, две батареи и восемнадцать фрегатов Шаторено, стоящих веером у входа

в пролив. Точная позиция галионов: в бухте Сан Симоне, между проливом, островами Сиес и древней Редондела. Там легкая зыбь покачивает огромные плавучие сейфы со звучными именами: «Хесус-Мария-Хосе», «Санта Крус», «Нуэстра Сеньора де лос Долорес», «Ла Капитана», «Сан Диего», «Адхуан Бестра», «Сан Хуан», «Сантиссима Тринидад», «Сан Хуан Батиста», «Нуэстра Сеньора дель Росарио», «Нуэстра Сеньора де лас Мерседес», «Тохо», «Сакра Фамилия», «Нуэстра Сеньора де лас Анимас», «Сан Кристо де Буэн Виахе»... И у каждого в кедровом круглом чреве дремлют богатства, собранные в Перу и Мексике.

Дремота продолжалась ровно месяц. А 21 октября сто пятьдесят кораблей англо-голландского флота под командой адмирала Рука неожиданно напали на Виго. Рук высадил на берег восемь тысяч человек, уничтожил береговые гарнизоны, направил на перегородку суда-тараны и освободил проход. Правда, у входа в гавань собрались восемнадцать фрегатов Шаторено. Но силы противника превосходят их в восемь раз, а его тридцатитысячный экипаж воодушевлен жаждой наживы: вот оно золото, прямо под носом! Тридцать тысяч солдат превратились в тридцать тысяч разнузданных пиратов; перед их мысленным взором проносятся тучи пиастров, дублонов, жемчуга...

И вот тридцать тысяч озверевших мужчин устремились на абордаж фрегатов и галионов; их поддерживал адский огонь 311 орудий. Беспрецедентное, воистину апокалиптическое сражение! Две сотни кораблей сгрудились борт к борту, без возможности маневра, сцепленные абордажными крючьями; их мачты сломаны, снасти перепутаны...

Французы с испанцами держались под натиском массы людей и ливнем картечи, пока хватало сил. Наконец, неприятель торжествует; защитники гавани почти полностью перебиты. И тогда

Веласко принимает отчаянное решение: отдает команду поджечь галионы. Пусть лучше гордый Серебряный флот затонет со всеми своими богатствами, чем попадет в руки врагов.

И ужасный день завершился ночью, достойной Данте. В бухте горят двадцать галионов и фрегатов; зарево пожара освещает берег, море, острова Сиес. Тонут обугленные остовы кораблей; стекает в море расплавленное золото; льются ослепительно-белой магмой волны серебра; раскаленный воздух дышит ароматами далеких островов, драгоценными пряностями. Кто-кто видел, как испанские матросы бросали за борт ларцы, в которых блестели жемчужины, алмазы и рубины.

Французы потеряли под Виго одиннадцать кораблей и почти десять тысяч человек.

Англичане и голландцы поспешили потушить пожар. Несколько галионов им удалось еще спасти и разграбить. Но бешенство их было велико: большую часть сокровищ накрыли морские волны. Утром 24 октября английские ныряльщики обследовали обломки, кое-что достали, но были обстреляны с суши местными жителями и были принуждены убраться восвояси. Флот Рука вышел обратно в море, уводя за собой пять почти целых галионов.

Считается, что Испания потеряла половину сокровищ Серебряного флота — двести миллионов фунтов стерлингов (двести миллиардов франков). Они и теперь покоятся на илистом дне бухты.

Француз Флоран Раможе искал сокровища Виго с 1945 по 1962 год, преимущественно вокруг островов Сиес. Точно установлено, что именно там 24 октября затонул один из галионов, доставшихся англичанам. Глубина в этом месте тридцать пять—сорок метров, галион полностью затянут илом и невидим. Но Флоран Раможе надеется все же отыскать его. Тогда он будет совершенно вознагражден за все усилия.

А что еще осталось от баснословного сокровища Виго? Скажем, рискуя похоронить легенду и пустить ко дну призраки золотых кораблей: на галионе у острова Сиес находится не меньше половины сохранившихся сокровищ, и второй половины, вероятно, уже не достать. Остается еще миллиардов десять, возможно, — двадцать. Тоже немало.

Хроника сообщает: «По повелению королевы Марии-Луизы адмирал Веласко отправил в Луго 1500 подвод с золотом, а по другим сведениям — три тысячи запряженных быками повозок». Этот обоз был частично разграблен разбойниками, спрятавшими добычу в горах вокруг Понтеведры. Адмирал Чакон, взятый в плен англичанами, полагал, что ко дну пошло от четырех до пяти тысяч подвод с золотом.

Пять тысяч подвод! Вот это клад! Того, что от него осталось, хватит и в наши дни утолить самую ненасытную жажду золота какого-нибудь нового Писарро!

СОКРОВИЩА ИНКОВ

Можно без сомнения утверждать, что стремление человека к поиску олицетворяют три фигуры: Марко Поло, Дон Жуан, Уильям Фипс. Путешествия, женщины, золото — поиск познаний, любви и тайны.

И то, и другое, и третье влекло сэра Уолтера Рейли к знаменитому американскому Эльдorado. Он любил королеву, мечтал о славе; таинственное Золотое Царство манило его горами золота и реками жемчуга.

Уолтер Рейли был настоящим странствующим рыцарем, прирожденным кладоискателем. А был ли в XVI веке клад вожаденнее сокровищ Эльдorado?

Они были у всех на устах. Некоторые говорили, что побывали в Эльдorado и сами видели их. Но показать это место на карте не осмелился бы ни один географ. Его располагали где-то между Амазонкой и Ориноко, под экватором и 68° западной широты. Столица этого государства якобы называлась Маноа, а его властителя именовали то Великий Пайтите, то Великий Мохо, то Великий Пару, то просто Золотой Царь (l'El Dorado).

Сказку об этой райской стране, исполненной всех мыслимых богатств, придумал офицер войска Писарро по имени Орельяна. Испанец Мартинес рассказывал, будто провел в Эльдorado семь месяцев. В подтверждение своих слов он составил карту, на которой Эльдorado окружают три горы: одна из золота, другая из серебра, третья из соли.

Уолтер Рейли, вернувшись из южноамериканского путешествия, тоже не постеснялся выпустить в свет книгу под заглавием «Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвианской державы и великого золотого города Маноа». Там он расписывал дворцы из порфира и алебастра, горы золота и жемчуга, писал о безголовых людях, живущих в глухомани, и о племени амазонок с отрезанной правой грудью... Впрочем, все это он рассказывал со слухов.

Говорили, что, кроме природных богатств, Эльдorado хранит сокровища инков. Там, считали испанцы, скрылся, унеся накопленные перуанской империей богатства, брат инки Атауальпы, убитого конкистадором Писарро.

Конечно, и это легенда. Но если Эльдorado — чистый вымысел, чудесный миф, который, не говоря о волшебном зове золота, будил в людях врожденный многовековой инстинкт идти на Запад за край земли, то клад инков, живший в мечтах многих поколений, — вовсе не миф.

Это действительно огромный клад, равный, быть может, всем прочим сокровищам мира, вместе взятым. Трудно точно оценить его размеры: приходится наугад называть цифры порядка миллиарда миллиардов. Во всяком случае, можно допустить, что золота, скрытого инками в 1533 году, — наследия тысячелетней цивилизации, — было примерно столько же, сколько испанцы добыли в перуанских рудниках с 1532 по 1803 год. Если так, то, согласно историку Бертрану де Жувенелю, за это время в Европу было доставлено 1 232 445 500 пиастров, что приблизительно, с некоторой погрешностью в вычислениях, составляет 1,5 триллиона современных золотых франков. Цифра совершенно невероятная, поражающая разум и воображение.

Говоря о происхождении сокровищ инков, необходимо вкратце рассказать историю их империи до завоевания Франсиско Писарро в 1532 году.

Держава инков простиралась от Чили до Колумбии по обоим склонам Андских Кордильер. Ее основал в XI в. Манко Капак, которому наследовали четырнадцать царей — «инков».

В 1524 году двенадцатый инка Уайна Капак разделил царство между двумя старшими сыновьями. Законный инка Уаскар правил в Куско, а побочный сын Уайны Атауальпа получил Кито. Началась междоусобная война. Атауальпа сверг брата и объявил себя Великим Инкой в том самом 1532 году, когда Писарро отправился на завоевание Южной Америки.

16 ноября 1532 года Атауальпа и конкистадор встретились на севере страны в Кахамарке. Писарро — весьма вероломно, надо признаться, — захватил инку в плен.

Тут начинается знаменитая история о выкупе. Атауальпа, уже успевший убить Уаскара, предложил в уплату за свободу наполнить золотом свою камеру до высоты девяти футов и дважды наполнить серебром соседнюю комнату. Срок выкупа был назначен в два месяца. Писарро, разумеется, согласился. По всей стране отправились индейские гонцы: собирать золото и серебро для выкупа.

Камера, где находился Атауальпа, имела, по сообщению секретаря Писарро Хереса, размеры 17 на 22 фута (5,5 на 7 метров), по словам же самого Писарро, 35 футов в длину и 17 или 18 в ширину. Высота, по условию, — девять футов. Итак, общий объем выкупа достигал 105 м³. Считая, что пустоты в куче занимают четыре пятых объема (не более), получаем чистый объем золота в 20 м³, что составляет четыреста тонн, то есть 200—300 миллиардов франков!

Но Атауальпа, назначая такой выкуп, немного погорячился. Он был всего лишь бастардом-узурпатором, власть его была непрочна. Жрецы его не признавали, вельможи не почитали. Попав в плен к Писарро, он лишился и той власти, что была прежде. Золото текло тоненькой-тоненькой струйкой. Атауальпа собрал всего около 5 тонн из объявленных четырехсот.

18 июня 1533 года испанцы поделили добычу. Переплавив большую часть золота, они все тщательно взвесили. Всего вышло: 1 326 539 золотых песо (около 4500 кг) и 51 610 марок серебра (около 12 900 кг). Отдав какие-то жалкие крохи Альмагро и его небольшому отряду, Писарро взял остальное себе, разделив с 62 всадниками и 102 пехотинцами. Говорят, что на его долю пришлось 57 220 экю и 175 фунтов серебра, на каждого всадника 8800 экю и 180 фунтов серебра, на каждого пехотинца 4400 экю и 90 фунтов серебра. Недурная поклажа для путешествия по южноамериканским горам: самое маленькое — сумочка весом шестьдесят кило!

Кончилось тем, что испанцы убили инку Атауальпу и сбор выкупа прекратился. Говорят, что караваны золота, остановленные в дороге, были укрыты в горах.

Так вот, выкуп Атауальпы и вся история, развернувшаяся в Кахамарке, не имеют никакого отношения к сокровищу инков — кладу, хранящему всевозможные золотые изделия, сокровища храмов и царского дворца, а также вельмож империи. Нет там только монет: индейцы не умели или не желали их чеканить.

Можно предположить, что инки начали копить эти сокровища с XI в., хотя доинкская цивилизация еще древнее. Таким образом, в стране, буквально переполненной золотом, оно собиралось в течение шестисот лет. Стоимость таких сокровищ

вполне может составлять, как мы сказали выше, полтора триллиона франков. Испанцы не нашли этого золота.

Откуда нам знать? Нас же не было в Кахамарке и в Куско, когда их захватили конкистадоры? Но там был Педро Писарро с братьями. Вот что он, как свидетель событий, говорит в своей хронике:

«Теперь опишу, что мы нашли, придя в Куско.

С удивлением мы смотрели на сосуды из драгоценного дерева, золота и серебра, хотя самые ценные вещи индейцы уже увезли. Между прочим, мы нашли там золотую статую. Огорченные индейцы сказали нам, что это статуя основателя династии инков.

Мы увидели также золотые фигуры крабов, сосуды, украшенные изображениями птиц, змей, пауков, ящериц и прочих гадов. Все сии драгоценные вещи мы обнаружили в пещере в окрестностях Куско.

Один индеец сказал нам, что в провале близ Виллаконги есть много золотых слитков, отлитых Уаскаром для украшения дворца. Но через несколько дней этот наш осведомитель пропал бесследно.

Вообще все сокровища так запрятаны, что никак их не отыщешь. Туземцы посылали слуг отнести драгоценности в надежные места. Там их сменяли другие индейцы. Зарывали клады и, по приказу хозяев, тотчас же беспрекословно вешались или бросались в пропасти.

В сей стране находятся бесчисленные сокровища, но одно лишь чудо поможет нам их отыскать».

К этому рассказу надо добавить один факт чрезвычайной важности. Сокровища были спрятаны так, что об их месте знало только несколько посвященных, вероятно, жрецов. Посвященные были, видимо, убиты или убили себя сами. Во всяком

случае, у них не было ни интереса, ни возможности открыть свою тайну, поскольку языческий культ в Перу был немедленно искоренен и заменен христианством.

То, что привозили из Перу в Испанию корабли Серебряного флота, по большей части добывалось на новых разработках. Часть этой руды тут же переплавлялась, из другой части чеканилась монета на монетных дворах Сьюдад де лос Рейес (нынешняя Лима) и Мехико.

Итак, не подлежит никакому сомнению: клады поныне хранятся в своих укрытиях. Как мы уже сказали, это, в основном, сокровища царского дворца и храмов, особенно храмов Солнца в Куско и Титикаке.

С сокровищем Титикаки связана красивая легенда, которую стоит рассказать здесь: легенда о золотом солнце.

Когда испанцы поделили сокровища Кахамарки и Куско, они так разбогатели, так пресытились золотом, что сами не знали, что делать с богатством. Забавы ради они стали играть на свое золото в кости. Говорят, что одному испанцу досталось золотое блюдо с изображением солнца. Писатель Прескот говорит, что это был кабальеро Легисано, а историк Хубер — что солдат Мансио Серра. В ту же ночь он проиграл блюдо в кости. Отсюда пошла испанская поговорка: «Проиграл солнце прежде восхода».

Солнечное блюдо перешло затем к одному кабальеро, который безумно влюбился в инкскую девушку. Она обратила его в религию бога-Солнца и убедила, что блюдо следует отнести жрецам храма Титикака, тогда еще не разрушенного. Влюбленные отправились на юг. Но за ними в погоню один из офицеров Писарро отправил целый отряд.

Беглецы достигли священного озера и собирались отплыть с драгоценным изображением на

лодке к храму, когда их догнали и окружили. Влюбленные знали: пощады им не будет. Тогда они бросили блюдо в озеро. Последний раз блеснуло золотое солнце и погрузилось в волны. Влюбленные обнялись и, обнявшись, тоже бросились в озеро.

Флорану Раможе известна еще одна прекрасная легенда. Она сообщает о двух индейских кладах. К несчастью, этот рассказ весьма недостоверен.

«Эта захватывающая история, — начал свой рассказ Флоран, — врезалась мне в память. К сожалению, я кое-что забыл, в частности, имена героев. Но говорят, что история правдивая. Может, и впрямь так.

Итак, умирал один благородный инка, наследник преданий и великих тайн своих предков. То, что он знал, было чрезвычайно важно и не должно было умереть с ним. Речь шла о двух больших кладах, которые спрятали в Андах жрецы Храма солнца. Клады эти назывались Пес Гранде и Пес Чико.

А у старика был друг испанец, человек высочайших моральных качеств, искренний почитатель местных обычаев (так, по крайней мере, думал индеец), от которого инка много лет ничего, кроме забот и дружбы, не видал. Лучше дружба у него не было. Долго думал инка и решил доверить этому испанцу великую тайну Пес Гранде и Пес Чико.

. Он позвал его к себе и сказал:

— Выслушай меня! Ты меня всегда преданно любил и уважал; я верю в твое великодушие и доброе сердце. Дни мои сочтены. Я должен передать потомству тайну, завещанную мне от предков. Я расскажу тебе, друг мой, где находится клад Пес Чико: в Анде Караайя, на склоне речной долины. Найди там пещеру, вход в которую

освещает самый первый солнечный луч. Вход заложен большими каменными глыбами. Поищи и найдешь такую щелку, чтобы в нее как раз мог протиснуться человек. Подземный ход ведет в глубь горы. Чтобы попасть в тайное святилище, надо пройти через три двери. Первая дверь медная, открывается золотым ключом. Вторая дверь серебряная, открывается медным ключом. Третья золотая, открывается она серебряным ключом.

В святилище ты найдешь огромные богатства; там есть статуи из драгоценных металлов и золотое блюдо. Принеси его мне: я хочу видеть его перед смертью. Потом отнеси его назад в святилище и ни за что не прикасайся ни к единой золотой песчинке оттуда: все это принадлежит богу.

Испанец пообещал индейцу все в точности исполнить и отправился в горы. Но чем дальше он шел, тем больше овладевала им, сводя с ума, золотая лихорадка. Он вошел в пещеру. Замки открывались с большим трудом. Тогда он взорвал все три двери и обчистил святилище. Но его золотая мания от этого только усилилась. Испанцем овладело неодолимое желание раздобыть еще более чудесный клад Пес Гранде.

Он вернулся к старому инке, чтобы любой ценой выведать у него тайну большого клада.

— Нет! — отвечал инка. — Ты обманул мое доверие, ты предал меня. За это ты никогда не узнаешь тайны Пес Гранде.

Старый инка умер под пытками. Перед смертью он шепнул-таки словечко, пробудившее в испанце надежду: «Вход в Пес Гранде под статуей бога-Солнца. Но тебе его не найти.

Испанец помнил эту статую: она стояла в пещере Пес Чико. Он понял — а может быть, ошибочно понял, — что искать надо в этой пещере. Испанец взял кирку с ломом, вернулся в горы и при свете фонаря много часов упорно копал под

статуей. Наконец ему удалось опрокинуть истукан. В ту же минуту своды пещеры обрушились и погребли испанца заживо. Так навсегда погибла тайна Пес Гранде и Пес Чико, а легенда о них какими-то неведомыми путями дошла до нас».

История озера Титикака гораздо вероятней и правдоподобней. Озеро это — нечто вроде внутреннего моря длиной двести километров — тянется вдоль нынешней границы Перу и Боливии на высоте 3919 метров над уровнем моря. Там, на острове, носившем это же имя, на первого царя-инка Манко Капака снизошло великое откровение от бога-Солнца.

Титикака стало местом паломничества, подобно Иерусалиму, Мекке или Бенаресу. Инки построили на острове (ныне на боливийской территории) великолепный храм, облицованный золотыми плитами. В инкской истории и мифологии стены храмов всегда изображаются выложенными золотом, очевидно, так оно и было. Каждый житель государства должен был хотя бы раз в жизни совершить паломничество в этот храм и пожертвовать что-либо золотое или серебряное.

Гарсиласо де ла Вега пишет на сей счет: «Там инки соорудили великолепный храм, со стенами, выложенными золотыми плитами. Все провинции царства ежегодно посылали туда весьма ценные дары золотом и серебром, благодаря бога-Солнце». Отец Блас Валера передает: по словам митимаксов (почетных хранителей священного острова), из золота и серебра, хранящихся на Титикаке, можно выстроить второй такой же храм без всякого камня и цемента. Столько там было золота россыпью, в плитках, слитках, украшениях и статуях, что вот уже двадцать человеческих поколений им бредят! Иными словами, драгоценных металлов на Титикаке было по крайней мере немногим меньше, чем в Куско.

Что же с ними случилось?

Хроникеры утверждают: узнав о нашествии завоевателей, которые в первую очередь алкали золота, митимаки побросали все сокровища в озеро. Испанцы нашли на острове одни голые руины.

Теперь на месте древнего храма стоит церковь Нуэстра Сеньора де Капак Арана. Сокровища же покоятся на самом дне. Глубина озера в иных местах достигает до 185 метров. Озеро Титикака беспокойное, вода в нем холодная. На высоте без малого 4 тысячи метров погрузиться в скафандре можно не глубже двадцати метров, поскольку давление воды на высоте обратно пропорционально атмосферному давлению. Осушить озеро нечего и думать: Титикака — настоящее море. В Перу лишь мечтают пробить тоннель длиной километров 60, чтобы через него подавать воду на электростанции. Так что сокровища Титикаки навечно, надо думать, упокоились на дне священного озера.

Говоря о сокровищах инков, мы имеем в виду не что иное, как сокровища храма Солнца в Куско — столице империи в XVI в. Постепенно этот храм затмил в глазах народа храм Титикаки.

Храм стоял в южной части города на берегу реки Гуатанай. Его окружал священный сад Куриканча, что по-индейски означает «золотой сад».

Испанский историк, иезуит отец Кобо, живший в Перу и в Мексике в XVII в., сообщает, что в саду Куриканча находилось видимо-невидимо золота и серебра, стены здания, в котором стояла статуя бога Солнца, были облицованы золотыми плитами, а все священные сосуды в храме были сделаны из цельного золота. Другой знаменитый испанский хроникер Сьеса де Леон, современник Писарро, находившийся в Куско в 1540 году, писал:

«Стены храма по большей части облицованы листовым золотом; также и стропила двускат-

ной крыши, крытой тонкой соломой, украшены золотом. Из золота в храме сделаны также идо- лы, сосуды и все прочие предметы».

Это о самом храме. А вот что пишет Гарсиласо де ла Вега о Куриканче:

«Верхом же оных чудес казались маисовые поля в натуральном виде со всеми корнями, цветами и початками, коих початки были сделаны из золота, прочее же из серебра и припаяно к золоту; подобно и всем остальным растениям, они были как настоящие, хоть и сделанные из разных металлов. Там же возможно было видеть животных больших и малых, сделанных из золота и серебра, представленных в натуральном виде, как-то: кроликов, крыс, ящериц, змей, бабочек, лис и диких котов, поскольку домашних котов они не имеют.

Были там также птицы всех пород, из коих одни, казалось, пели, сидя на деревьях, а другие словно бы летели с распростертыми крыльями. Были, наконец, и лани, и львы, и тигры, и все виды животных, все как живые и помещенные в приличное каждому место.

В каждом доме была купальня с большими ваннами из золота и серебра, где инки купались, трубы же, по коим подавалась вода, сделаны были из тех же металлов. Притом они украшали многими прекрасными предметами места источников, из коих текла сама собою горячая вода, и в них также купались.

Но среди прочих чудес были у них очаги золотые и серебряные с дровами, представленными в натуральном виде, и сии очаги при необходимости возжигали, чтобы готовить пищу для царского дома.

Большую часть сих богатств индейцы спрятали, как только увидели испанцев, преисполненных неутолимой жаждой обладания золотом и серебром, и так они спрятали их, что и по сию пору ничего не смогли из оных найти и даже непохоже, чтобы открыли сие золото в будущем, разве только случайно.

Ибо очевидно, что ныне индейцы не знают, где находится то золото, и что предки им того знания не передали, дабы не служили сии сокровища никому, кроме их царей, коим одним оно посвящено».

(Сочинения инки Гарсиласо де ла Веги, уроженца Куско, в точности переведенные Ж. Бодуэном. 1633.)

Конечно, Гарсиласо де ла Вега не видал описанной им Куриканчи. Сведения обо всех этих богатствах он получил от матери — инкской принцессы. Она же не могла не знать их прекрасно, но в воспоминаниях, несомненно, кое-что приукрасила. Однако дело это было недавнее. Если Гарсиласо услышал о сокровищах, будучи семи лет, то не прошло еще и восьми с тех пор, как они были спрятаны. Итак, его рассказ почти современен событиям.

Не видел ли он случайно сам знаменитой золотой цепи Уаскара, цепи весом более двух тонн?

Сьеса де Леон пишет о ней:

«Вскоре после того, как явился на свет старший сын Уайаны Капака, узнали, что сей властитель повелел отлить некий канат, или, лучше сказать, некую цепь из золота, столь большую и тяжелую, как передают видевшие ее, что более двухсот индейцев могли поднять ее, и то с великим трудом».

И далее:

«Если бы можно было увидеть все сокровища, скрытые в Перу, невозможно было бы оценить их, и все, что досталось ныне испанцам, лишь весьма малая часть по сравнению с тем, что они могли обрести. Отсюда можно видеть, что в сей стране пропали бесконечно великие сокровища, и, не будь индейцы принуждены приходом испанцев схоронить их, все сии сокровища, без сомнения, были бы пожертвованы дьяволу либо захоронены в гробницах».

Итак, все хронисты согласно подтверждают историческое существование сокровищ инков.

Исходя из преданий и некоторых указаний, можно предположить, что сокровища спрятаны в подземельях крепости Саксауаман к северу от Куско. Предание всегда именно в этой крепости помещало самый большой клад инков. Говорят, что как-то в подземных ходах под крепостью заблудились два мальчика. Три дня спустя они вышли наружу в монастыре Сан Доминго на месте бывшего храма Солнца. Один из мальчиков держал в руке золотой кукурузный початок, который мог происходить только из Куриканчи.

Есть и другие резоны в пользу того, что именно в Саксауамане скрыт главный клад инков. В центре крепости стояла круглая башня Мойок Марка. Ее основание было разгорожено перегородками причудливой конфигурации и соединялось с подземными ходами таким лабиринтом, что выход из него могли найти только знающие проводники. В этих подземельях бил мощный источник. Откуда течет вода, знали только Великие инки и члены Совета старейшин.

Что это за подземные лабиринты? Что это за царская привилегия, связанная с источником? Не имела ли она целью сбить с пути искателей кла-

да, преградить дорогу к пещере — хранилищу величайших сокровищ державы?

Хубер утверждает: испанцы хотели разведать подземелья Саксахуамана. Они знали или подозревали, что там спрятаны огромные богатства. Но им не удалось попасть под землю: во время войны крепость была полностью разрушена и подземные ходы завалены.

Возможно также, что большой клад скрыт в храме Мачу Пикчу, в глубине страны.

Так или иначе, в 1535 году, после гибели Уаскара и Атауальпы, испанцы отправили к последнему инке Манко посла Руиса Диаса. Царь предложил ему необычную сделку.

Манко велел принести полный горшок кукурузы, рассыпал ее по полу, взял одно зернышко и сказал:

— Вот что взяли испанцы из сокровищ инков. А вот сколько осталось — он указал на рассыпанные зерна. — Я могу дать вам все это, если вы от нас уйдете. (Так рассказывает историк Хубер.)

Писарро не согласился: он ведь, кроме всего прочего, был и христианским миссионером. Но этот анекдот говорит о том, что Манко знал, где находится главный клад инков.

Возможно, что про этот клад, и про клад в Куско, и про клад в Мачу Пикчу, и про другие знают еще и теперь туземные жрецы, поклоняющиеся культу Солнца. Возможно, что однажды перед изумленными взорами людей предстанут, выйдя на свет из подземелий и андских пещер, и золотая цепь Уаскара, и листы золота, и золотые початки, львы и тигры, все в натуральном виде, и все неисчислимы богатства Куриканчи.

ПИРАТЫ

Ради золота был открыт неведомый Новый свет. Золото расцветивает также пурпурно-желто-черный роман о пиратах, буканьерах, флибустьерах, людях Берегового братства, корсарах — о великих разбойниках морских больших дорог, владельцах неисчислимых американских богатств.

Иные из этих искателей приключений были настоящими джентльменами, истыми мореходами, открывателями новых земель, которых политические события вовлекли в корсарские войны. Другие искали только наживы. Кто-то окончил свои дни в богатстве и в почете, кто-то в петле, чего и сам вполне ожидал.

Их имена: Дрейк, Фробишер, Гокинс, Левассер, Мансфельд, Легран, Л'Олоннуа, Морган, Монбар-Губитель, Уэйфер, Дэмпир, Дэвис, Лоран де Графф, де Люссан, Кидд...

Когда Серебряный флот в сопровождении множества фрегатов направлялся к Севилье или Кадиксу, пираты, как правило, не смели нападать на него. Но пока флотилия еще не собралась, пока вдоль бразильских и перуанских берегов, в Мексиканском заливе или в Карибском море галионы поодиночке собирали драгоценности, вот тогда свора пиратских бригов — легких, быстрых парусников — накидывалась на добычу!

Сотня пиратов с двадцатью пушками атаковали три сотни матросов с шестьюдесятью орудиями.

И почти всегда бой заканчивался в пользу тех, кто был смелее, ожесточеннее, тех, кому запах наживы придавал силы и ярости.

Особенно большой урон «кораблям сокровищ» наносили английские пираты и корсары, родина которых большую часть времени находилась в состоянии войны с Испанией.

В XVI в. захват кораблей «Сан Фелипе» и «Какафуэго» дал сэру Френсису Дрейку на 2 миллиона долларов золота и серебра. Фрэнсис Фробишер захватил на корабле «Мадре де Дьос», шедшем с Филиппин, богатый груз ковров, черного дерева, слоновой кости, драгоценных камней и монет на 1250 тысяч долларов.

В XVII столетии буканьеры разграбили «Сан Педро», прихватив «21 тысячу пиастров в восьми дубовых сундуках и 16 тысяч в мешках, а также много серебра». Они же взяли Картажену со всей казной: как говорят, 20 миллионов фунтов стерлингов. Пират Авери в 1694 году захватил корабль Великого Могола «Гансвэй» с сотней тысяч пиастров и сотней тысяч цехинов на борту.

Но у этих пиратов и авантюристов были свои законы. По крайней мере, флибустьеры и буканьеры соблюдали элементарные правила ведения войны, а добычу делили по справедливости.

Закон, хотя и не вполне непреложный, был таков:

1. Каждый клянется ничего своевольно не брать себе и не утаивать.
2. Капитану отдается «корабельная доля».
3. Платится жалованье плотнику (от 100 до 150 пиастров).
4. Выделяется доля на продовольствие (200 пиастров).
5. Выделяется жалованье хирургу и выделяется доля на медикаменты (250 пиастров).

6. Возмещаются раны и увечья, выводящие из строя, в зависимости от тяжести увечья: за потерю правой руки — 600 пиастров, левой руки или правой ноги — 500 пиастров, глаза или пальца — 100 пиастров и т. д. (Интересно заметить, что пиастр равен доллару по курсу 1960 года).

7. Из остальной добычи пять или шесть частей отдается капитану, две — помощнику и прочему начальству, одна — рядовым матросам и юнге.

8. Ничего не добыли — ничего не получили.

Из всего этого можно заключить, что груз галионов и, следовательно, добыча пиратов никак не сравнима с огромными сокровищами, скрытыми, по преданиям, под водой и под землей. Поскольку же у нас нет даже приблизительных данных, как мы можем полагаться на безмерно преувеличенные устные легенды! В общем, можно думать, что подземные и подводные клады оцениваются в миллиард долларов или несколько выше.

Пираты, как правило, не могли употребить с пользой свои богатства. Куда эти висельники могли удалиться на покой? Да немногие и доживали до покоя — профессия была, всякому понятно, опасная. Так что лучше было тратить деньги без меры в кабаках пиратских владений — на острове Тортю или на Ямайке.

Тем не менее пираты были осторожны и предусмотрительны, как самые банальные буржуа. Почти никто из них не забывал зарыть на черный день какой-нибудь кладик. В тайники прятались как дублоны и пиастры из чересчур богатой добычи, так и украшения с драгоценными камнями, которые трудно было обратить в наличность.

Многие из таких кладов так и остались нетронутыми после того, как их хозяина убивали или

вешали. Именно эти клады многие теперь лихо-радочно ищут.

В 1932 году из Франции на Галапагос отправилась необычная экспедиция. Баронессу Антуанетту фон Вагнер — австриячку родом, жену французского авиатора Б., — сопровождали три кавалера: Роберт Филипсон, Рудольф Лоренц и доктор Риттер. Эта четверка стремилась навстречу приключениям и любви.

Цель состояла в том, чтобы найти клад пирата Демаре и основать на Галапагосе, на островке Марчена, независимое государство под управлением красавицы-брюнетки баронессы фон Вагнер. Что до любви... о, на этот счет можно только догадываться: ведь из героев этой истории никого не осталось в живых! Полагают, что баронесса хотела воскресить неподражаемые дни Клеопатры и Антония...

Она гуляла по прибрежным зарослям Марчены обнаженная; трое мужчин сопровождали ее. Нудисты в своих изданиях немедленно напечатали, будто баронесса принадлежит к числу их убежденных сторонников. Между тем, когда она содержала магазин игрушек на улице Пикпюс в Париже, то ни в чем подобном не была замечена... ну, разве что в отчаянных романах.

На своем острове Антуанетта фон Вагнер из одежды носила только кожаный пояс. На поясе висели кинжал с карбункулом на эфесе и револьвер с перламутровой рукояткой. Трое мужчин-подданных копали в разных местах острова. Надо полагать, что у них был какой-то план.

Молва о прекрасной государыне привлекла внимание одного норвежского моряка по фамилии Нуггеруд. Он отправился на Марчену. Сначала с ним обошлись сурово: продержали целую ночь в заточении, допытываясь, не клад ли он тут ищет. Нуггеруд заверил, что он — просто поклонник

баронессы. Тогда после некоторых церемоний он был посвящен в нудисты и допущен к галапагосскому двору любви. Для баронессы совсем не лишним был новый любовник, а ее спутникам-землекопам очень даже пригодились еще одни рабочие руки.

Затем к острову пристали два американских яхтсмена, но их обстреляли из ружей и обратили в бегство.

Что случилось на Марчене после 1936 года и был ли найден клад, — неизвестно. В ноябре 1944 года на берегу острова обнаружили трупы Рудольфа Лоренца и Нуггеруда. По одной версии, они умерли, занимаясь любовью, по другой — были убиты. Во всяком случае, они пролежали мертвыми несколько месяцев.

Что случилось с другими обитателями острова? По слухам — возможно, необоснованным, — доктор Риттер был отравлен и похоронен на Флориане, островке к югу от Галапагосского архипелага. Там в 1949 году его могилу кто-то разрыл. Похоже, что незваные гости искали в могиле некий документ. Филипсон с баронессой исчезли — уединились, чтобы наслаждаться любовью вдали от посторонних глаз или отправились прожить клад, все-таки разыскав его? У этой драмы нет ни объяснения, ни развязки.

Весьма возможно, что в южной части Атлантического океана, под 49°38' западной долготы, лежит клад корсара Терракуки, бывшего помощника Поля Л'Олоннуа. Его бриг «Сесарес» был перегружен и сильно пострадал, проходя Магелланов пролив в январе 1751 года. Остановившись на острове Сомпе, Терракука решил зарыть там свою добычу. А было в ней золотых слитков на сто миллионов тогдашних дублонов, добыча, захваченная при осаде Баия-Бланки и сокровища индейцев-магуидов: пять тонн листового золота, содранного с их алтарей.

Восемнадцать человек из экипажа успели **при-**хватить кое-что из этих богатств, но ничего не успели с ними сделать: их косили болезни, особенно цинга. Некоторые из матросов так и умерли на острове, оставив там свою долю золота и серебра. Может статься, что из команды «Сесареса» никто не выжил.

В 1846 году в одной из пещер обнаружили девять скелетов, оружие и листовое золото. Позднее на острове нашли драгоценные украшения и дублоны. В 1896 и 1912 годах на острове побывали экспедиции, открывшие несколько маленьких тайников, а в них дублонов на шесть миллионов долларов. Но большая часть сокровищ все еще скрывается в одной из многочисленных пещер острова.

В Тонкинском заливе на одном из островов Пиратского архипелага, около 21°15' северной широты и 106°5' восточной долготы, в пещере замурован, как сообщает хроника, клад пирата Лаки Банда, который в 1780 году опустошил побережье Бирмы и Сиама и целых два года владел Калькуттой. Именно Лака Банд подарил радже Рампура знаменитый бриллиант «Великий Могол». Он был убит своим соперником Кай Ту, не раскрыв секрета своего клада.

Падает ли человек в пропасть, тонет ли в водовороте, становится ли жертвой каких-либо ужасных обстоятельств — в нем до последнего мига живет надежда на чудо, неизъяснимая вера. Вот он победит земное притяжение, вот остановит обвал, улетит, испарится, обратит время вспять... Но никакое чудо не победит, не остановит косную материю. Сила тяжести бросит человека на скалы, обвал погребет его, водоворот затянет... Физические законы не отступают перед человеческой мыслью.

Но если вы имеете дело с людьми, чудо очень часто бывает возможным. Есть средство для этого чуда, одно-единственное слово, волшебное слово — «клад»!

Вас хочет застрелить гангстер, ваша жизнь в руках врага, общество безразлично смотрит на ваше разорение и гибель? Чтобы спастись, скажите только: «Я знаю, где зарыт клад». Тогда гангстер опустит револьвер, враг пощадит вас, и все добрые люди посмотрят на вас с интересом.

Пока выяснится, правду ли вы сказали, волшебное слово уже окажет свое действие, хотя бы на время. Многие пираты, авантюристы, многие настоящие кладовладельцы испытали на себе его могущество.

Так было с беглецом с корсарского брига, который избежал от петли, раскрыв клад главаря; с заключенным Луиджи Лоренцини, указавшим клад на горе Ора; с Петером Флейгом, объявившим, будто он спрятал сокровища Роммеля; с заключенным флорентийской тюрьмы, знавшим, где скрыл сокровища своего министерства Буффарино Гвиди, с отставным испанским солдатом, знавшим про клад в Аржелесе; с сиднейским нищим, у которого был план тайников на острове Кокос; с радиоэстезистом из Сюлли-сюр-Луар, указавшим ларцы, полные золота и драгоценных документов; с бродягой Пьером Алькье из Перпиньяна, уверявшим, что он проник в склеп к потайным сокровищам Ренн-ле-Шато...

И вот всем стало известно, где клад. Но либо известно не точно, либо изменилась местность вокруг, либо клад в действительности на другом краю света... В общем, всегда что-нибудь да мешает!

В одно прекрасное утро в августе 1710 года трехмачтовик капитана Поре «Вознесение» обогнул остров Гран-Бе и бросил якорь в гавани Сен-Мало. В порту же собралась огромная толпа. Все

знали, что парусник прибыл из Америки с богатым грузом. Может быть, на нем есть диковинные животные или редкие растения?

Зеваки были разочарованы. Они увидели только десятка полтора военнопленных — большей частью англичан, — от которых избавились испанские тюрьмы в Перу, передав их под надзор тюремщиков французских. Для пленников это было большим везением. Все они в большей или меньшей степени были пиратами, достойными доброй веревки.

Тогда еще не работал Международный Красный Крест, но работали здравый смысл и добрая воля. Даже в самый разгар войны между заклятыми врагами — Англией и Францией — действовала вполне официальная служба обмена военнопленными. Их перевозили из Плимута в Сен-Мало и обратно на «кораблях-парламентерах», у которых на бизань-мачте поднимался, как и положено, флаг своей страны, а на грот-мачте — неприятельский.

Итак, в тюрьму форта Сен-Мало англичане поступали только на время, в ожидании ближайшего конвоя. Пленных переписали и объявили, что через несколько дней их отправят в Англию. Тогда один из них, лейтенант Томас Стредлинг, отказался возвращаться на родину. Он попросил, чтобы его отпустили и оставили жить во Франции.

— Это невозможно, — возразил г-н Лемперер, комиссар по кадрам королевского флота, распоряжавшийся регистрацией пленных. — Не хватало нам еще на своей земле кормить англичан! Хотите ли, нет ли, вам придется отправиться в Плимут.

Но Стредлинг настаивал на своем. Пришлось комиссару осведомиться о причинах столь необычного решения.

— Я отплыл из Кинсейла в Ирландии военным корсаром на борту старого фрегата «Пять ворот Галлея». Моя кампания закончилась, как видите, полным провалом, я ничего не привезу своим судовладельцам.

— Превратности моря! — заметил г-н Лемперер.

— Да, но если судовладельцы узнают, как я богат, они от меня не отстанут... они погубят меня!

Понемногу, отвечая на наводящие вопросы, под угрозой насильственного возвращения на родину, Томасу Стредлингу пришлось раскрыть тайну своего клада. Эта история наделала тогда много шума, а г-н Лемперер увидел в ней возможность разбогатеть.

Стредлинг уверял, что зарыл больше ста тысяч пиастров (пятьсот миллионов франков по курсу 1938 года) в известном ему одном месте на острове Ла-Плата (Серебряном).

Г-н Лемперер поверил ему. Верит и автор замечательных сочинений о море Анри Лемаркан, обнаруживший относящиеся к этому делу документы в Военно-морском архиве в Бресте и в Национальной библиотеке.

Быть может, г-н Лемперер был добросовестным чиновником, но в географии смыслил немного. Он послал отчет о рассказе Стредлинга в очень плохом переводе с английского морскому министру графу Жерому де Поншартрену. Из доклада выходило, что заветный остров находится в Уругвае на реке Ла-Плата. На самом деле речь шла об острове Ла-Плата против берегов Перу, чуть южнее экватора.

Министр исправил эту ошибку, но не хотел ничего предпринимать, не известив испанского короля. Г-н Лемперер возмутился. Ссылаясь на ордонансы Кольбера, он доказывал, что клад является военной добычей. Он даже предложил поде-

лить добычу так: одну четверть англичанину, одну — кладоискательской экспедиции, две — министерству. Судовладельцы Сен-Мало и вправду были готовы снарядить экспедицию, и г-н Лемперер знал, что при удачном исходе дела его не обойдут. Но после бесплодной переписки соглашение не состоялось. Стредлинга принудительно отправили домой на парламентарском корабле.

Вот что рассказал Томас Стредлинг, судя по рукописям, изученным Лемарканом.

Он был англичанин из Лондона. В 1703 году, двадцати восьми лет от роду, он отправился из Кинсейла лейтенантом на фрегате «Пять ворот Галлея» на корсарскую операцию в Южные моря. Экспедицию возглавлял знаменитый флибустьер Дэмпир на двадцатипушечном корабле «Святой Георгий».

Кампания была неудачна, к тому же Дэмпир и Стредлинг рассорились. «Пять ворот Галлея» отделился от «Святого Георгия» и отправился в одиночку искать счастья в Панамском заливе. Видно, Стредлинг был неуживчив: вскоре он опять поссорился, на этот раз с боцманом Александром Селкирком. Боцмана высадили одного с ружьем и фунтом пороха на необитаемом острове Хуан Фернандес. Позже Селкирк стал прототипом героя знаменитого романа Даниэля Дефо «Робинзон Крузо».

«Пять ворот» был дурной корабль, изъеденный жучком и червями. Чтобы не затонуть, прогнив насквозь, ему нужен был серьезный ремонт, а значит — хорошая добыча,

Против мыса Бьянка Стредлинг хитростью захватил испанский двенадцатипушечный плашкоут, перебил всю его команду и увидел в судовой ведомости, какой сказочный груз перевозило судно: мешки, ларцы и сундуки под красной печатью — золото, серебро, бриллианты, жемчуг!

Плашкоут тайно вез в Акапулько чье-то личное состояние, чтобы так же тайно переправить ценности в Испанию в обход королевской таможни.

Пираты взяли сокровища, пустили ко дну плашкоут со всеми, кто на нем оставался, и стали думать, куда направиться: к мысу Горн или в Ост-Индию. Но не успели они принять решение, как раздался крик:

— Течь в трюме! Идем ко дну!

Дыру заткнули промасленным брезентом, но теперь надо было все время откачивать воду из трюма и стараться дойти до ближайшего острова. «Пять ворот Галлея» еле-еле плыл наудачу. В довершение невезения, а может быть Божьего наказания, на судне начался тиф.

Наконец, изможденные, погибающие от эпидемии пираты пристали к острову Альбемарле на Галапагосах. В живых осталось тридцать человек, потом двадцать. Ничего похожего на сухой док на острове не было. Дыру кое-как заделали и отплыли. Но тут же открылась новая течь, еще сильнее. Исправить такое повреждение было уже невозможно. Англичане, владевшие сокровищем стоимостью от ста до двухсот тысяч пиастров, поняли: им не удастся добраться до Кинсейла.

Но они так богаты! Неужели им суждено погибнуть вместе с прогнившим фрегатом и всеми сундуками сокровищ?

Сначала они побросали в воду вместо балласта пушки. Затем пришлось искать спасения на сколоченном наспех плоту и единственной бывшей на борту шлюпке. «Пять ворот Галлея» затонул. Пираты пустились в свободное плавание по волнам. Избежав множества опасностей, им удалось причалить к маленькому необитаемому острову. Как они полагали, это был остров Ла-Плата. Сокровище спрятали в пещере на берегу рядом с местом

высадки. Выбываясь из сил, пираты притащили туда огромные камни и завалили вход.

Тиф свирепствовал все сильнее. Природа на острове была донельзя скудной: ни воды, ни плодов, ни дичи — впрочем, охотиться у англичан и сил не было. Что ни день, то новый покойник: кто-нибудь умирал от болезни, от голода, от истощения. Когда в живых остались всего четыре человека, Стредлинг поднял сигнал бедствия: уж лучше попасть в плен к испанцам, чем зря подохнуть.

Англичане впали в прострацию от голода и жара. Но Стредлинг, желая во что бы то ни стало сохранить клад, собрал последние силы, завалил вход в пещеру, взорвал перед ним два бочонка пороха и запомнил приметку: скалистый пик в шестидесяти шагах от входа.

Когда пираты уже теряли последние силы, к острову подошел испанский корабль и подобрал их. Умирующие бормотали что-то бессвязное про клад, пиастры и жемчуга, но по-английски. Да испанцы и не поверили бы их лихорадочному бреду. Через несколько дней три пирата скончались. Выжил один Стредлинг. Он провел некоторое время в перуанских темницах, а потом попал в Сен-Мало. Только он точно знал, как разыскать баснословный клад.

Говорят, что, вернувшись на родину, Стредлинг тотчас записался на какое-то маленькое судно, надеялся, наверное, попасть поближе к своему сокровищу. Вскоре суденышко со всей командой затонуло у берегов Ньюфаундленда. А сто или двести тысяч проклятых пиастров с испанского плашкоута так и лежат в своих сундуках под каменными завалами на таинственном острове.

Кто хочет попытать счастья — пожалуйста. Вот координаты острова Ла-Плата в Тихом океане: $1^{\circ}15'$ южной широты и $81^{\circ}10'$ западной долготы.

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ОСТРОВЕ КОКОС

Клад острова Кокос занимает первое место среди всех пиратских кладов, о которых есть какие-либо сведения, а среди всех кладов мира вообще — второе, сразу вслед за сокровищами инков. Сведения о событиях, про которые мы расскажем, основаны на источниках, далеких от строгой исторической достоверности. Но остров Кокос среди прочих посещали такие почетные гости, как президент Франклин Рузвельт, адмирал Николсон, Малькольм Кэмпбел, капитан Тони Манжель. Поэтому его патент на благородство несомненен и неоспорим.

Остров Кокос принадлежит республике Коста-Рика. Он находится в Тихом океане, посреди открытого моря, вдали от обычных морских путей, северней экватора, на траверсе колумбийского побережья. Его координаты: 5°32' северной широты и 87°10' западной долготы.

Длина острова около 8 километров, ширина — 4 километра. Он представляет собой скалистое плато, над которым возвышаются три вулканических пика: Западная гора, Большая гора (850 м) и Южный конус (480 м). На восточном берегу над морем отвесно высится скалистый барьер высотой от 60 до 180 метров. На острове два источника пресной воды: в бухте Уэйфера и в бухте Чэтема. Есть еще два пересыхающих ручейка, водопадом низвергающихся в море. Один течет на юге, в бухте Надежды, другой в километре с четвертью к востоку от нее.

Остров необитаем и, по слухам, кишит змеями. Но капитан Тони Манжель побывал там дважды и уверяет, что никаких змей не видел.

Хроники полуисторического характера утверждают, что на острове Кокос зарыто несколько кладов общей стоимостью до 20 миллиардов франков. Крупнейший из них, бесспорно, — клад с «Милой Мэри» стоимостью более десяти миллиардов.

В начале XIX в. южноамериканские государства начали ряд войн за свою независимость. В 1820 году генерал Сан-Мартин на суше и лорд Кохрэн на море выступили из лагеря на боливийском побережье походом на Лиму, которой тогда владели испанцы под управлением вице-короля Песуэлы. Победоносный марш Сан-Мартина увенчался взятием аванпорта Лимы, Кальяо, где лорд Кохрэн запер эскадру из двадцати семи кораблей и шлюпов с большим фрегатом «Эсмеральда» во главе, поддержанную огнем трехсот крепостных орудий.

Богатые испанцы, не дожидаясь решительного штурма города, бежали из Лимы и, конечно, захватили с собой сокровища, все, что могли унести. Свободная дорога оставалась одна — морем. Но в порту Кальяо был только один корабль, способный совершить переход от Америки до Испании, — «Эсмеральда». А у нее был строгий приказ защищать порт.

Недурной на вид бриг «Милая Мэри» под командой шотландца Томпсона собирался выйти в море, уклонясь от боя. Купцы и духовенство Лимы за большие деньги зафрахтовали его.

Два дня на борт грузили все, что было в городе ценного: пиастры, дукаты, луидоры, драгоценные камни, золотую утварь из собора, прочую золотую и серебряную посуду, книги, архивы, произведения искусства...

Томпсон не был отъявленным пиратом. Но вид сокровищ буквально свел его с ума. Он взял на

борт пассажиров и снялся с якоря. Однако Томпсон вовсе не думал направляться ни в Кадикс, ни в какой другой испанский порт. Капитан взял курс на север, а вскоре экипаж склонил его к соучастию в преступлении. Пассажиров однажды ночью перерезали, выбросили за борт, и «Милая Мэри», превратившаяся в пиратское судно, на всех парусах полетела к острову Кокос. Этот одинокий остров, лежащий вдали от путей сторожевых судов, уже несколько столетий привлекал флибустьеров Южных морей.

Добычу пришлось зарыть на острове. Все порты уже были оповещены о случившемся на «Милой Мэри». У брига не было никаких шансов пристать к берегу: в любом порту, перед любым цивилизованным народом экипажу пришлось бы держать ответ, и суровый ответ. На дворе был XIX век; международные соглашения действовали неукоснительно; пиратство признавалось преступлением и каралось смертью.

Куда было направиться пиратам? К мысу Горн не пробиться: этот путь шел вдоль берегов Колумбии, Перу и Чили, где нес неусыпную вахту флот южноамериканских повстанцев. Пересечь Тихий океан? Тоже опасно. И как решиться бросить на дальнем острове сокровище, за которым едва ли придется еще вернуться!

Томпсон принял иное решение. Он подошел к берегам Центральной Америки, сжег свой бриг и высадил команду на шлюпках. Они собирались выдать себя за потерпевших кораблекрушение.

Но хитрость не удалась: трупы убитых уже выловили в море. Матросов хорошенько допросили, накинув на шею петли и подсыпав горячих углей под босые пятки. Они рассказали все подробности, включая местонахождение своих личных кладов. Все эти клады, несомненно, потом вырыли.

К сожалению для нравственности и к счастью для интереса повествования, капитан Томпсон ускользнул от правосудия, видимо, за хорошую пригоршню пиастров. Он поселился в Канаде, в Новой Шотландии. Возможно, он даже возвращался на остров Кокос к своим несметным сокровищам, но если что и взял из них, то немного.

На смертном одре, желая облегчить совесть и помочь одному из своих друзей, он рассказал ему про точное местонахождение клада. Звали этого человека Китинг. Томпсон передал ему план с пояснением, которое, по преданию, гласит:

«Высадись в бухте Надежды между двумя островами, в месте, где глубина десять ярдов. Иди вдоль ручья 350 шагов, потом на норд-норд-ост 850 ярдов, увидишь пик. При заходящем солнце тень от пика похожа на орла с расправленными крыльями. На границе тени и света грот, отмеченный крестом. В том гроте клад».

Китинг отправился на остров и за три путешествия привез оттуда более пятисот миллионов франков. Но это было еще далеко не все: до главной части клада Китинг не добрался. Затем он передал план судовому старшине по имени Николас Фицджеральд. Но тот был очень беден и поехать на остров не смог.

Полуниций Фицджеральд доживал свои дни в Мельбурне. Почувствовав, что умирает и секрет пропадает зря, он решил написать о нем в письме капитану Керзону Хоу, который некогда спас старшине жизнь. Керзон Хоу на остров тоже не поехал.

От этих приключений сохранились документы: планы, карты, съемки местности. В течение десятилетий они переходили из рук в руки: их завещали, дарили, продавали, похищали...

Письмо Фицджеральда, в котором он сообщает записи Китинга, хранится ныне в Сиднейском клубе моряков и путешественников (номер по описи 18755). Там даны такие указания:

«В двух кабельтовах к югу от последнего источника, против трех остроконечных скал. Тот грот, что под второй скалой. Его искали Кристи, Нед и Антон, но никто из них не вернулся. Нырнув в четвертый раз, Нед нашел вход на глубине двенадцать брассов; нырнул в пятый раз и не вынырнул. Спрутов там нет, но есть акулы. Нужно найти ход с запада. Думаю, вход завален оползнем».

Другой оригинальный документ обнаружен в музее Каракаса. Это опись, составленная Фицджеральдом в Коибе. В 1835 году бумага досталась Хоу. Вот она:

«Мы зарыли на четыре фута в красной земле:
сундук: парчовые ризы, золотые дароносицы и чаши, в них 1244 камня;
сундук: два золотых реликвария весом 120 фунтов, в них 654 топаза, сердолика и изумруда, 12 бриллиантов;
сундук: три литых реликвария весом 160 фунтов, в них 860 рубинов и других камней, 19 бриллиантов;
сундук: 4000 испанских дублонов, 5000 мексиканских крон, 124 шпаги, 64 кинжала, 120 перевязей, 28 щитов.
И в двадцати восьми футах к норд-весту, на восемь футов в желтом песке семь сундуков: 22 золотых и серебряных подсвечника весом 250 фунтов, в их ножках 164 рубина.
И в двенадцати брассах к западу, на десять футов в красной земле: двухметровую золо-

тую статую Богоматери с Младенцем с венцом на голове и в покрывале весом 780 фунтов, на ней 1684 камня, в том числе на покрывале три изумруда величиной по четыре дюйма и на венце шесть топазов величиной по шесть дюймов. Семь бриллиантовых крестов».

Итак, насчет местонахождения клада Томпсона существует несколько документов, подробных, но явно противоречащих друг другу.

Но увь! То ли бумаги неточны, то ли при устной передаче кто-то что-то неверно запомнил, только те, кто знает остров Кокос, вынуждены принимать все эти сведения с большими поправками.

Если понимать письмо Фицджеральда буквально, то «первый» источник на острове — это ключ в бухте Чэтема, где обычно бросают якорь корабли, а «второй», соответственно, — в бухте Уэйфера. Других источников пресной воды на острове нет. Но «в двух кабельтовах (370,4 м) к югу» и от того, и от другого ключа нет ни «трех скал», ни «глубины двенадцать брассов» по той простой причине, что эти точки находятся на суше.

Но на юге острова есть еще одна гавань, в бухте Надежды, и там можно с натяжкой назвать «источником» водопад, который падает в море в сезон дождей. По отношению к северным источникам он действительно будет «последним».

Кроме того, если считать, что двенадцать брассов — это 21,84 м, то таких глубин нет ни вблизи бухты Чэтема, ни вблизи бухты Уэйфера. Там глубина колеблется от трех до четырех метров, дно песчаное и нет никаких скал с гротами. Двухметровые глубины есть только близ острова Нуэс к северу от источников, между этим островом и мысом Кольнета, а на юге — у острова Сахарной Головы и на берегу против острова Жернова.

Но можно предположить, что имеются в виду не обычные, а «нырляльные» брассы, что соответствует глубине от девяти до двенадцати метров.

В самом деле, трудно представить себе, чтобы нырляльщики-любители погрузились на 21 метр — рекордную глубину. Мировой рекорд, установленный в 1933 году русским из Ниццы Георгием Крамаренко, равнялся как раз двадцати одному метру. Даже на десять метров может нырнуть только превосходный нырляльщик. Невероятно, чтобы клад схоронили на такой глубине, где положить или достать сундук с сокровищем может только нырляльщик экстра-класса. Все специалисты в этой области утверждают, что пираты могли совершить такую работу на глубине не больше шести—восьми метров, а то и меньше.

Никак иначе быть физически не может. Значит, мы приходим к такому разумному заключению: сундуки Томпсона и Китинга затоплены на глубине шести — восьми метров в бухте Надежды примерно в 370 метрах от «последнего источника» — водопада. Еще там должен быть желтый песок к северо-западу и красная земля к западу. Такое толкование письма и описи подтверждается планом Китинга (собственность Клуба кладоискателей), обозначения которого примерно совпадают с отрывочными и загадочными указаниями письма Фицджеральда. Тогда облегчить задачу должно описание «трех остроконечных скал». Что касается описи, она, несомненно, неверна и преувеличена, но это для описей кладов обычное дело.

Опираясь на эти догадки, в 1927 году решился попытать счастья Тони Манжель — великий кладоискатель перед Господом и немного пират перед дьяволом. Он тогда путешествовал в окрестностях Бассова пролива на яхте «Перхэпс I».

«Я зашел в Сиднейский клуб моряков и путешественников, — вспоминает он. — Меня порази-

ли два документа, висевшие на стене под стеклом с пояснительным текстом при них: знаменитое письмо Китинга за номером 18 755 и еще один, неизвестного происхождения. Я попросил скопировать их. Остров Кокос находился не слишком далеко от моего возвратного маршрута. Я решил завернуть туда.

У меня с собой ничего не было: я ехал только на разведку. Мне хотелось проверить, есть ли такое место, где тень от вершины на закате похожа на голову орла.

На острове я высадился, как и все, в бухте Уэйфера: там лучшая гавань и источник воды.

Остров Кокос — это скалистое плато, постепенно опускающееся к северу и западу. Над ним возвышаются три хорошо известных вулканических вершины.

Я запасся водой и направился нехоженными тропами к югу. Идти было не слишком трудно: вся дорога усыпана щебнем, кругом растут кокосовые пальмы.

Желая увидеть эту самую тень, я подумал прежде всего о Большой горе. Действительно, в первый же вечер я заметил, что в самый последний час заката тень от ее вершины чем-то напоминает голову кондора. Стоял сентябрь, и тень падала на сушу. Концы с концами не сходились.

Дело в том, что Томпсон делал свои наблюдения в другое время года. Клад он зарывал в сентябре, но записи делал зимой, когда солнце встает на юго-востоке, а садится на северо-западе. Вероятно, в это время тень от Большой горы падает в бухту Надежды.

Поняв все это, я составил план острова, для приличия немного покопал и отплыл домой. Вновь я вернулся на остров Кокос в 1929 году.

На этот раз я тщательно подготовился: запас кирки, лопаты, динамит. Но прежде всего я изу-

чил план Томпсона и понял, что он неверен. Да, неверен, все дело в этом!

Неверен он был потому, что мы в XX столетии для определения координат пользуемся секстантом, точнейшими хронометрами и учитываем магнитное склонение от полюса. Томпсон же, зарывший сокровища в 1823 году, а план составивший примерно год спустя, при втором посещении острова, пользовался октантом, значительно менее точными часами и компасом, указывающим точно на магнитный полюс. Стало быть, следовало пересчитать вычисления Томпсона с учетом этих погрешностей, опираясь на данные морских таблиц между 1820 и 1823 годами. В результате я вычислил точные координаты: $5^{\circ}30'17''$ северной широты и $87^{\circ}0'40''$ западной долготы. Это дает нам местонахождение клада с точностью до ста метров.

Короче, вычисления показали, что тайник находится у южной оконечности бухты Надежды. Там я нашел грот, который в отлив остается над водой примерно в течение часа.

В нем я чуть не утонул: отправляться на остров Кокос в одиночку было, оказывается, неосмотрительно.

В тот день против грота было очень сильное течение. Я поставил яхту на якорь, спустил шлюпку, привязал ее к яхте канатом, и течение понесло меня в грот, в глубине которого белела полоска песка. В полумраке я стал ощупывать почву, потом копать: под песком было что-то твердое, и это давало мне надежду. Но место находилось на самом краю воды, и, сколько я ни копал, волны опять заносили яму песком. С полчаса я вел эту бессмысленную борьбу, пока не понял: без опалубки я не углублюсь ни на метр, да что там: ни на штык! А море между тем прибывало, вода все больше заливала пещеру. Надо было удирать, да поживее!

И тут меня ждал страшный удар: мою лодочку приливом занесло в узкую расщелину скалы, где она и застряла. Я изо всех сил старался ее вытащить, но прилив мешал мне. Вода все прибывала. Я застрял в этой пещере, как в мышеловке. Неужели мне суждено было погибнуть рядом со всеми сокровищами, так и не взглянув на них.

Я уже подумал о том, что всех кладоискателей преследует проклятие... Но тут в грот ворвалась особенно большая волна. Меня подбросило, шлюпку ударом опустило, она освободилась, и я ее вытащил. Ух, пронесло!

В пещеру я уже не возвращался, но подорвал в нескольких местах скалу динамитом и не нашел ни дуката. Я вернулся во Францию очень разочарованный и решил бросить эту затею, стоившую мне кучу денег».

А напрасно: ведь капитан Тони Манжель буквально прошел по тоннам золота и серебра. Еще чуть-чуть удачи, и он нашел бы сокровища с «Милой Мэри». Ведь в 1931 году бельгиец Бергманс, опираясь на данные Тони Манжеля, нашел в бухте Надежды статуэтку Мадонны высотой 60 сантиметров. Он продал ее в Нью-Йорке за 11000 долларов.

Прочие сокровища острова Кокос отважно отразили все попытки овладеть ими. Но лихорадка кладоискателей не утихала. Их становится все больше, и у всех есть планы, считающиеся совершенно подлинными.

Один из планов, найденный в Индокитае, стал собственностью моряка Луи Ребийяра де Динара, который кое-что сообщил о нем Международному клубу кладоискателей. Другой план принадлежит Тони Манжелю, а еще один — богатому садоводу из Лос-Анджелеса Джеймсу Форбсу.

Форбс утверждает, что у него есть письма Томпсона, доставшиеся ему по наследству от да-

леких предков. Он считает, что клад укрыт грудой тряпья и полуметровым слоем щебня. Форбс отправил на остров пять разорительных экспедиций, оснащенных по последнему слову техники, и ничего не нашел.

В 1962 году три француза, Жан Портель, Клод Шальес и Робер Вернь, отправились на остров Кокос с планом, предоставленным в их распоряжение Клубом кладоискателей. 21 декабря того же года Жан Портель и Клод Шальес пропали без вести, совершая рекогносцировку вокруг острова. Домой вернулся только Робер Вернь.

Реликварии, подсвечники, двухметровая статуя Богородицы, отлитая, как и Младенец, из чистого золота, с удивительным покрывалом, украшенным рубинами, топазами и изумрудами, серьги и брошки прекрасных сеньор из Лимы, убитых на «Милой Мэри», покоятся в красной земле и желтом песке пиратского острова. Над ними парит кондор, расправив крылья, и лишь ясновидящий глаз хищной птицы может разглядеть, как мерцают под землей дивные россыпи драгоценных металлов и камней, манящие к себе столько охотников.

КЛАДЫ РЕВОЛЮЦИИ

Однажды во Франции случилась Великая революция. Все учебники истории пишут, что это было очень важное событие.

Мы не будем вдаваться в политические рассуждения по этому поводу. Но вот что для нас в этой информации любопытно. Ведь революции — войны без правил — порождают бессчетное множество всевозможных кладов. Тайная цель победителя в любой революции — ограбить побежденного, а тот, разумеется, всеми способами старается уйти от несчастья.

С 1789 по 1793 год сотни тысяч французов — знатных вельмож, могущественных прелатов, перепуганных буржуа и простых людей — покинули родину или были казнены. Но многие из них предварительно спрятали свое состояние; кто большое, кто скромное.

В Вандее Белые скрыли свое золото в тысячах тайников, и ни огнем, ни железом, ни страхом гильотины не удалось заставить их говорить. Те, кто избежал смерти, в частности, хозяева замков, потом потихоньку забрали свое припрятанное добро. Многие умерли в изгнании, оставив планы своих тайников. Но доказано: через десять лет вероятность найти клад уменьшается до пятидесяти процентов, а через двадцать пять уже семь шансов из десяти, что клад не будет отыскан: за это время все кругом совершенно меняет-

ся. Вот почему множество кладов, спрятанных в Революцию, так и не нашли своих хозяев.

Все это достаточно драматично, но о том, что так бывает, хорошо известно. А вот в городках Конк и Сент-Антонен (и это не единичные случаи) происходило кое-что действительно поражающее воображение.

В церкви Конка в 1789 году находились великолепные драгоценные реликвии, которыми теперь можно любоваться в музее этого живописного овернского городка. Все эти вещи, датированные X в., оправлены в золото, украшены эмалью и камнями; к ним подвешены вместо печатей резные изумруды, сердолики и бериллы.

В 1792 году пронеслось известие, что в Конк направляются войска Конвента с очевидным намерением конфисковать церковные сокровища. Все население города единодушно решило не отдавать их. Ночью несколько человек взяли из церкви все сокровища, разделили их на сорок частей и распределили по сорока домам. Когда пришли революционеры, они застали жителей в крайнем недоумении и возмущении: кто это, дескать, обворовал нашу церковь? Никак цыгане?

Никакие допросы и поиски не дали результата. Войска Конвента вернулись в Париж несолоно хлебавши. Из нескольких тысяч жителей Конка не проболтался ни один! Представьте только себе: в 1792 году в городе не было ни одного республиканца!

Как только опасность миновала, все сокровища, целые и невредимые, вернулись на место.

Такая же история случилась в Сент-Антонене (Тарн и Гаронна), может быть, с тем же самым отрядом. Там хотели снять церковные колокола на переплавку. Чтобы надежно укрыть большие колокола, пробили стену дома на Большой улице, вырыли подземелье, замуровали его... За одни сутки

колокола были спрятаны. Как и в Конке, не нашлось ни одного предателя, никто не сказал ни слова. Были колокола, да сплыли.

Но спрятали их так хорошо, что четыре колокола не нашли до сих пор — это так называемый «Серебряно-бронзовый клад Сент-Антонена». А ведь запись, составленная в 1825 году, дает вроде бы совершенно точные указания:

«Колокола бывшей Сент-Антоненской церкви находятся у мадам Алье, вдовы, в подземелье под Большой улицей, вход через погреб. Подземелье без дверей, но в фундаменте стены, выходящей на улицу, есть два больших камня, которые легко вынимаются, и через это отверстие попадают в погреб, где на стропилах висят колокола. Два других колокола в погребке г-на Бардона в подземелье также под Большой улицей, вход через погреб».

Революционеры 1789 года были весьма падки на клады, но упустили один, который сам шел им в руки: сокровища мадам Дюбарри!

Вот что рассказывает об этом весьма республиканский «Большой Ларусс» в семнадцати томах:

«По настоятельным представлениям муниципалитета и Народного общества квартала Люсьен Комитет общественной безопасности дал, наконец, санкцию на ее (г-жи Дюбарри — авт.) арест. Между тем главные деятели этих органов местной власти были слугами графини и знали, в каких местах дворца она спрятала остатки своих сокровищ, не считая того, что эти патриоты в ливреях украли сами». И далее: «Она постепенно рассказала, где находятся все ее тайники с сокровищами: у нее еще оставалось немало драгоценностей. Возможно, некоторые из них

до сих пор не найдены. Это продлило ей жизнь на одну ночь».

Но нет — Дюбарри открыла не все тайники. О самом главном кладе она молчала до конца, желая обменять на него свою жизнь. Однако санкюлоты отвергли сделку: то ли они думали, что все уже открыли, то ли желанней всех сокровищ им было видеть, как покатится с эшафота по-прежнему прекрасная голова бывшей королевской фаворитки. По преданию, восходящему к графу Анри де Рошфору, лучшие драгоценности графини и ящик с золотыми монетами зарыты в парке Со.

Та же судьба и по той же причине постигла капитана Анри Камилля де Кольмона, владельца поместья близ Шалона. В 1762 году он неудачно сватался к Мари Корнель, воспитаннице Вольтера, а в 1779 женился на богатой наследнице из Вильфранша (Рона).

«Когда разразилась Революция, ему удалось в самом начале смутных времен зарыть в одном из партеров своего парка пятьсот или шестьсот ливидоров. Соседи не любили его. На него донесли как на аристократа и (ложно) как на эмигранта. Кольмона арестовали, выпустили, потом снова арестовали. Неправый суд революционеров, желавших завладеть сокровищами, приговорил его с женой к смертной казни».

Кольмон умер, не раскрыв своей тайны. Революционеры напрасно перерыли весь парк. Суд был столь очевидно пристрастным, что самих судей потом осудили и гильотинировали. Клад же может находиться либо в бывшем поместье семьи Жаке де Лаколонж в Вильфранше, либо в замке Ла Крузий в приходе Шатне-ле-Руаяль.

К счастью, многие подвергшиеся преследованиям спаслись от слепой, необузданной ярости народных масс. К счастью, между прочим, и для кладоискателей, потому что сокровища этих людей стали ничейными: кто-то умер в изгнании, кто-то не решился вернуться во Францию.

Так было с г-ном де Ламбула, бывшим богачом из-под Муассака. Поскольку он не мог увезти в Испанию все свое состояние, он зарыл у себя в поместье «полную бычью шкуру» золотых и серебряных монет. Умирая в изгнании, г-н де Ламбула завещал верному слуге, сопровождавшему его, тайну и место клада: «В пойме ручья близ замка, под большой ивой». Через несколько лет слуга вернулся и начал поиски в долине Люк. Но прошло уже слишком много времени: пойма заболотилась, ивняк разросся... Поиски оказались тщетными. Как и бывший хозяин, на смертном одре он поделился секретом, посвятив в свою тайну братство святого Матфея при муассакской церкви святого Петра. Ныне секретом владеет семья Баре, огородников в Муассаке.

Другой клад лежит под деревом в Буа-Шарман (Приморская Шаранта). Это дерево найти легче, чем иву в долине Люк, ибо у него есть особая примета: оно «всегда зеленое»! Очевидно, какая-то елка или сосна... В Буа-Шаррюо, недалеко от города Ла Романь, клад, зарытый в 1789 году, можно найти по следующим указаниям, сказать правду, довольно тарабарским: *«Сто шагов вперед, сто шагов назад, бочка золота, бочка серебра, две скрещенные шпаги укажут место».*

Можно перечислить еще несколько кладов того же времени: кувшины с золотом, зарытые в замке Бурдей (Дордонь); полтора миллиона золотых ливров «в особняке маркиза де Шамбре на улице Регар в Париже». Клад сеньоров де Болон зарыт в их замке в Алье и охраняется пятью красными

гадюками, они ужалят того, кто посмеет рыть землю; клад аббатства Жюмьеж под тисом в монастырском дворике; два миллиарда, зарытые Людовиком XVI в Лувре в 1789 году; изумруд размером с человеческое сердце из замка Маликорн (Сарт); коровья шкура, полная золота, оставленная хозяевами замка с привидениями Мирандоль (Ло). Есть еще сокровища в подземельях: золото и бронзовые колокола в аббатстве Сен-Ашель (Па-Де-Кале), реликварии, драгоценности и шкатулки с золотом в подвалах почти всех разрушенных замков.

Монахи аббатства Фэз (Жиронда) отправились навстречу революционерам с драгоценными вещами и казной аббатства. Они вошли в подземный ход, выходящий наружу в Люссаке, а когда вышли, у них ничего не было, а в подземелье вдруг устремилась вода. Так оно до сих пор и остается затопленным.

Доказано, что в подземелье находится клад в Ле-Мане. Он вполне достоверен: его существование подтверждается документами и многочисленными исследованиями. Среди занимавшихся им — замечательный эрудит Андре Бутон, видный историк, специалист по археологии Ле-Мане.

3 вандемьера I года Единой, неделимой и Первой Французской Республики (24 сентября 1792 г.) богатый и влиятельный монастырь урсулинок в Ле-Мане был в ужасе: они боялись террора. Стоял террор. Три года монахини как-то просуществовали, но теперь им грозило закрытие монастыря и (полагали сестры) страшные пытки и казни. На самом деле речь шла только о том, чтобы превратить монастырь в тюрьму (тюрем во Франции катастрофически не хватало), а монастырское серебро на монетных дворах — в монеты по пятнадцать и по тридцать су (в монетах Конвент тоже весьма нуждался).

Разумеется, монахини во главе с аббатисой Луизой Депорт предприняли все возможное, чтобы спасти достояние общины. Так создавался клад урсулинок Ле-Мане.

Однажды поздно вечером священники собора Сен-Жюльен известили аббатису, что муниципальные чиновники Шевро, Франше и Туссен Гарган явятся на другой день в девять утра. Ночью аббатиса приняла свои меры. На большом столе в трапезной стояли пять открытых сундуков, куда наиболее доверенные сестры ссыпали и складывали главные сокровища монастыря.

Вот что примерно было спрятано: серебряные чаши, кубки, сосуды и столовые приборы; серебряные ковчежцы и подсвечники, золотое Распятие; чаши для святой воды, кадила, реликварии; документы древние и современные; золотые монеты.

Говорят, что там были еще три небольших колокола с часовни: вермелевый, серебряный и стальной.

Едва сундуки наполнились, вошла сестра привратница с докладом:

— К нам стучится человек с ужасным лицом... чиновник!

— Впустите, — приказала Луиза Депорт.

Сестра в ужасе поглядела на сундуки на столе, но аббатисса повторила приказ.

Вошел чиновник, при тесаке, в огромной треуголке с султаном. Он нес огромный мешок, «при виде которого монахини побледнели» («Друг закона», июнь 1836 г.).

Сестры оставили аббатису наедине с чиновником. Та вдруг запросто обратилась к нему:

— Жан, вы должны мне помочь. Только клянитесь: никому ни слова.

Мнимый чиновник — а это был некий каменщик по имени Жан Доризон — почтительно поклонился:

— Вам не нужна моя клятва, сударыня. Вы оказали столько благодеяний нашей семье, я буду вам предан до смерти.

— Прекрасно! Итак, начнем работу немедленно. Эти сундуки надо быстро отнести в подземелье и там замуровать. Берите сундук и идите за мной.

Она закрыла ставни, зажгла свечу и открыла вход в подземелье. Вместе с каменщиком они спустились в подземный ход, который, по одним сведениям, вел в сад Газонфьер, по другим — в сад самих урсулинок близ монастыря. Каменщик с аббатисой шли долго. Может быть, госпожа Депорт пошла в обход, чтобы сбить Жана с пути. Наконец, она остановилась и приказала:

— Вот здесь. Я сочла, сколько шагов до этого места.

Так пять раз каменщик ходил за сундуками, а потом при слабом свете свечи долбил ломом правую сторону подземного хода. Он выдолбил большую нишу, поставил туда все сундуки, а потом заделал отверстие так умело, что, и приглядевшись, ничего нельзя было найти. Когда все кончилось, аббатиса пометила место крестом и другим путем вывела каменщика наружу.

У самой лесенки в трапезную они услышали шум наверху. Из криков урсулинок стало понятно, что явились наконец настоящие чиновники. Аббатиса так заторопилась, что уронила свечку. Свечка погасла, лезть вверх пришлось уже в полной темноте.

Вот, в общем, все, что сохранилось о тайне Ле-Мане в достоверных источниках. В прошлом веке монастырь снесли, на его месте были разбиты сады Таше. Все там переменялось: нет больше ни церкви, ни трапезной, ни подземного хода.

Жан Доризон прожил еще долго, но ни словом, ни намеком никому ничего не выдал. Аббатиса Депорт переехала в Вир в Нормандии. Граф

де Таше (родственник Жозефины Богарне) был кладоискатель. Он приехал к аббатисе, но та уже оглохла, ослепла и вообще одряхла, так что не могла сказать ничего вразумительного. Впрочем, она вспомнила, что свечка упала недалеко от тайника. А так как известно, что они с Жаном были в это время близ выхода, получается, что и клад был спрятан не так далеко от трапезной. Долгие блуждания под землей — либо чистый вымысел, либо они были предприняты монахиней для отвода глаз. Мы склонны думать, что вымысел. Трудно себе представить, что Луиза Депорт хотела одурачить каменщика: он был в аббатстве свой человек и все ходы и выходы знал не хуже аббатисы. Более того: рассказы о «долгих» подземных блужданиях как раз и наводят на мысль, что шли они недолго, да и сам тоннель был короткий.

Граф де Таше начал длительные, дорогостоящие поиски, обращался без всякой пользы к сомнительному искусству радиоэстетистов и, чтобы найти клад стоимостью 4—5 миллионов золотых франков, потратил сто тысяч эку.

Достоин примечания: городские власти нашли под землей свечку. Секрет же тайника не был утрачен. Известно, что в прошлом веке кто-то из видных чиновников Ле-Мане очень хорошо знал, где спрятаны пять сундуков. В наши дни планы тайника должны находиться у одной его наследницы. Удивительно, что при всем том клад до сих пор не нашли.

Может быть, владелец земли (государство или сьер Гарган) за все время так и не дал достаточных гарантий, что обнаруженный клад будет возвращен церковным властям. Может быть, его место теперь недоступно. Может быть, клад уже похитили. Рассказывают, что около 1875 года какой-то иностранец снял дом на улице Шангарро

(ныне улица Альбера Меньяна), копал там в погребке и таинственно исчез. Не нашел ли он сундуки? Но это маловероятно.

Клуб кладоискателей, а именно гг. Лежен и Буде из Ле-Мане, тщательно изучил все предания и современное состояние местности. Представляется, что клад спрятан в старом подземном ходе, называвшемся прежде тоннель Арены или тоннель Урсулинок. Он соединяет монастырь с садом за соседней стеной. Длина туннеля около 30 м, ширина 4,52 м, высота свода 3,5 м. Он был замощен, по нему могла проехать большая повозка. Закрывался тоннель крепкой решеткой.

Теперь он проходит под площадью Звезды между улицами Арены и Урсулинок. Тоннель должен существовать до сих пор: на него наткнулись в 1906 году, когда прокладывали водопровод. Его следы обнаруживаются под подвалами Французского банка, под улицами Альбера Меньяна, Гужар и Урсулинок. Где-то там и лежит клад — то ли в обвалившейся галерее, то ли в подвале одного из домов вокруг площади Звезды.

Таких кладов времен Революции во французской земле тысячи. Мало найдется дворцов, аббатств или старых построек, чтобы предания либо документы не сообщали о спрятанных в них богатствах.

К числу самых знаменитых (и самых сомнительных) принадлежит клад Людовика XVI. Его помещают в самых разных местах Франции и даже за границей. Идут разговоры о двух миллиардах, которые король якобы зарыл в Лувре. Но слухи о сокровищах «Телемаха» более достоверны.

Бриг «Телемах», замаскированный под торговый корабль, затонул 3 января 1790 году близ Кийбёфа. Длина брига была 26 метров, водоизмещение 130 тонн. Командира звали Адриен Кемен (или Камминг). Бриг направлялся из Руана в Лон-

дон с грузом битума и строевого леса. Он бросил якорь в Кийбёфе, пережидая прилив, но ночью сорвался с якоря и затонул, разбившись о скалы против маяка.

«Телемах» сопровождала шхуна, захваченная революционерами. На шхуне обнаружилось королевское серебро. На бриге же, как утверждают, были спрятаны личные сокровища Людовика XVI и бриллианты Марии-Антуанетты. Точнее, там находились:

два с половиной миллиона золотых ливров (собственность короля);

бриллиантовое кольцо Марии-Антуанетты стоимостью полтора миллиона ливров;

другие ювелирные изделия;

серебряная и другая церковная утварь из аббатств Жюмьеж и Сен-Мартен-де Бошвиль;

на пятьсот тысяч франков луидоров;

достояние пяти аббатств и двадцати «весьма высокопоставленных» эмигрантов.

Духовник короля и один из монахов Жюмьежского аббатства подтвердили существование большей части этих сокровищ.

Обломки «Телемаха» нашли в илистом дне на глубине семнадцати метров. Между 1830 и 1850 годами его было подняли, но канаты оборвались, и судно опять погрузилось на дно.

Поиски возобновили в 1939 году, но нашли только пять медных факелов и пряжку от туфли. Нет, впрочем, никакой уверенности, что найденные вещи были именно с затонувшего «Телемаха». Правда, за существование самого клада ручались многочисленные свидетели, среди прочих — потомок камердинера Людовика XVI.

Согласно другим (сомнительным) документам, часть королевских драгоценностей была в 1795 году зарыта у берегов Новой Шотландии на Дубовом острове (Оук Айленд). Начиная с 1800 года поиски

клада велись несколько раз и всегда безуспешно. В 1909 году Франклин Рузвельт — весьма неудачливый кладоискатель — участвовал в одной из таких экспедиций, завершившейся полным провалом.

В Вердене, в священной земле, нашпигованной железом и пропитавшейся кровью, слышавшей предсмертный шепот мальчишек 1914—1918 годов, по преданию, спрятаны сокровища «Верденских дев».

Говорят, что в 1794 году республиканцы казнили двенадцать верденских девушек, кажется, за то, что они подарили коробку конфет герцогу Брауншвейгскому. Ламартин писал об этом:

«Их доставили в Париж, где они предстали перед Трибуналом. Ни юные годы, ни красота, ни давность преступления, ни победы Республики, уничтожившие его опасность, не были сочтены смягчающими обстоятельствами. Их отправили на эшафот за преступления отцов (они были эмигрантами). Самой старшей исполнилось 18 лет. Все они были в белых платьях. Повозка, в которой девушки ехали на казнь, походила на корзину белых лилий, качающихся головками на ветру».

Было казнено одиннадцать девушек и молодых женщин. В числе жертв были сестры Ватрен: Анна 25 лет, Генриетта 23 лет и Элен 22 лет, дочери бывшего начальника верденской полиции и племянницы красавицы баронессы де ла Ланс, также казненной, и сестры Анри: Сюзанна 26 лет и Габриэль 25 лет.

Говорят, что Анна Ватрен перед арестом зарыла в конюшне своего дома десять тысяч ливров собственного приданого. Сюзанна и Габриэль Анри тоже зарыли у себя в саду небольшой клад в пять тысяч экю; должно быть, он там и теперь.

А сколько есть историй про вандейские клады!

Лучше всех знает местные тайны и анекдоты краевед Жан Ланьо из Борепера. Истинный шуан в благороднейшем смысле этого слова, горделивый патриот вандейского знамени «с двумя сердцами под короной и христианским крестом», г-н Ланьо любит под вечерок рассказать замечательные истории про клады из Бокажа и Маре. Каштановые дрова потрескивают в камине, льются сидр и сладкое вино... В этой мирной атмосфере ясней оживают жестокие сражения старых повстанцев.

«Все, у кого было хоть что-нибудь, спрятали свое добро от Синих (революционеров — пер.). Кто прятал клад под очагом, кто зарывал под деревом. Класть деньги под пол или на чердак не имело смысла: дома часто сжигали. Республиканцы убили триста тысяч человек. Истребляли целыми семьями: отца, мать, детей... Иногда из всей семьи не оставалось никого, чтобы забрать клад.

В Маре, в деревне Суллан, вся семья Пивуен убежала за границу, кроме отца семейства, Поля. Он остался сторожить свое добро. Поскольку он был зажиточный буржуа, его сочли подозрительным. И вот к нему пришли из Революционного комитета.

— Ты богат, — сказал один из санкюлотов, — а мы бедны. Надо бы убить тебя, но мы тебя пощадим, если скажешь, где твои деньги.

— Вся родня бежала, — ответил шуан, — увезли все с собой.

— А с чего бежать добрым людям?

Санкюлоты все обыскали, перешарили напрасно все углы в доме, взбесились и взялись за дело всерьез. Поля Пивуена связали, разули и босыми ногами поставили на горячие угли в большом камине — он и до сих пор цел. Но Поль был не менее упрям, чем его враги. Он не раскрыл рта. Наконец, один из санкюлотов всадил ему пулю в лоб, чтобы не оставлять в живых свидетеля с

обожженными ногами. А клад так и не нашли. Некоторые считают, будто он лежал под теми самыми угольями, на которых мучили Поля Пивуена, да и теперь клад еще там».

Г-н Ланьо рассказал и другое предание из деревни Фонтене близ Фонтене-ле-Конт: «В дворянском собрании Ложи многие владельцы поместий спрятали в 1793 году золото и серебро. Дьявольские колонны сожгли здание, а клад никто так и не нашел».

Вы, конечно, поняли: как для старых шуанов, так и ныне для тех, кто сохранил вандейский дух, «дьявольские колонны» — это республиканские войска. Мы сохраняем местные особенности, симпатичную и безобидную пристрастность рассказов нашего рассказчика. Вот еще:

«Кое-кто хочет найти церковные врата из чеканного золота и дарохранильницу из церкви в Эпессах. Их надо искать под полом церкви или в склепе. Если только их не украл деревенский нотариус, который во время Вандейских войн вдруг страшно разбогател».

Великолепная, тяжелая статуя Христа из литого золота, бывшая в замке Жирара де Борепера, до сих пор спрятана в подземелье, ведущем из замка в соседнюю церковь.

«Потомки одной служанки из замка Ла Бушри близ Ланд-Женюссона рассказывают, что передали им предки. Эта служанка по фамилии Тесто в 1793 году помогала хозяевам прятать клад. Там были кошельки и ларцы, полные золота и серебра, драгоценные кубки, столовое серебро и прочее. Все это аккуратно сложили в большую бочку, окованную железом, а бочку ночью с величайшими предосторожностями унесли из замка куда-то в сторону мельницы. Где это место, теперь неизвестно. Никто так и не нашел бочку, набитую золотом и серебром.

В том же году, на другой день после боя под Гобретьером, вандейцы подвели все свои силы для штурма большой деревни Лез Эрбье. Это было в ночь с 10 на 11 марта. Благородный господин Пьер Проспер де Буази маркиз де Ландбодьер, предчувствуя, что схватка будет смертельной, сложил в железный сундук все свои ценности: деньги, столовое серебро, ювелирные изделия. Вдвоем с управляющим Сен-Полем они погрузили сундук на тележку и отвезли на одну из принадлежавших маркизу ферм. А в январе 1794 года адские войска расстреляли маркиза и его слугу на площади в Нуармутье».

Продолжим. Клад с тех пор так и лежит нетронутый. Замок Ландбодьер вместе со всеми фермами продан. Но в купчей предусмотрено, что клад, будь он найден, становится собственностью рода Буази.

У Шаретта, которого историк Ленотр называл «королем Вандеи», — командира королевских частей в окрестностях Сабль д'Олонн близ Нанта — была большая походная казна, пополнявшаяся за счет англичан.

В 1794 году Шаретт укрывался в лесах Ла Шез и Грала. На одной из полян леса Грала по обоим берегам ручья тогда вырос целый город из шалашей. Поляна и поныне называется Рефюж («Убежище»). Г-н Ланьо рассказывает: «На большие кольца укладывали шатром стволы деревьев и накрывали сверху ветками — это была крыша, а стены «строили» из переплетенных веток, законопаченных дерном. С дальнего расстояния улицы этого города казались рядами густой травы. Городок снабжался водой из двух каменных колодцев. Они целы и поныне, но воды в них нет, одна жидкая грязь. Эти колодцы в истории сокровищ Шаретта играют главную роль».

В июле 1795 года генерал Гош написал генералам Траво и Делажу: «У Шаретта есть шесть тысяч луидоров. Пообещайте их тому, кто доставит его живым или мертвым». Гошу совсем не хотелось вступать с Шареттом в бой: тот не раз уже отражал его атаки с большими потерями для генерала.

Траво и Делаж с великим достоинством ответили: «В том, что мы пймаем Шаретта, нет сомнения. Если же мы найдем и его луидоры, то, с Вашего позволения, справедливо разделим их между госпиталями в Анже, Нанте и Сабль д'Олонн. Английским золотом мы оплатим лекарства для наших раненых солдат».

Три месяца спустя в лесу Грала разразился жаркий бой. Белые не выдержали мощной атаки Синих и в беспорядке бежали. Шаретт приказал навьючить на лошадей перекидные сумы с продовольствием, боеприпасами и документами. Но оставались еще два больших железных сундука с казной Шаретта. Казначей отряда спросил, что с ними делать.

— Золото не портится, — ответил Шаретт.

Один сундук все же погрузили на лошадь, а другой бросили в колодец.

Вандейцы и немцы-наемники сражались отважно, но Шаретту пришлось отступить, побросав все, что только можно. В общем, проходя через деревню Андриер возле Сен-Дени-ла-Шевасс, в деревенский колодец бросили и второй сундук с золотом.

— Мы еще вернемся за ним, — сказал командир доверенным людям.

Но все до единого были убиты. Золото так бы и осталось лежать в колодце, да его (говорят) вытащил один человек, которому жена изменила с Шареттом... Но кто знает, может, сундуки с золотом повстанцев до сих пор покоятся в колодцах

Рефюжа и Андриера. Ведь о том, как их туда кидали, есть достоверные сведения, а о том, как доставали, — нет никаких.

Некоторые клады потом нашли:

«Дьяволы не нашли клада г-на Жубера дю Ландро. Его отыскиали после. Клад лежал в камине фермы Меансьер на горе Алуэтт в Верхнем Божже, за заслонкой. Там же поблизости один фермер из деревни Ла Сеньери, папаша Рондо, около 1900 года работал в поле у дороги, ведущей из Гобретьера в Базош. Вдруг остановилась богатая коляска. Из нее вышли два изысканно одетых господина, подошли к крестьянину и спросили, где находится Крестовое поле и на прежнем ли месте там крест. Рондо отвел их на место. Там сохранились остатки гранитного креста на большом столбе, какие ставят обычно на перекрестках дорог.

Незнакомцы поблагодарили фермера и уехали. Но несколько дней спустя, проходя по Крестовому полю, Рондо с удивлением увидел, что в основании креста пробита дыра и внутри открылась каменная ниша. Ниша была пуста. Надо полагать, это наследники бывшего эмигранта ночью забрали старый клад».

В Ньель-ле-Долане сохранились руины замка шевалье Жозефа Робера, сеньора де Шаон-ла-Морсьер де Вильдор и прочая. В 1660 году шевалье подрался на дуэли с сеньором де ла Бюрсери. Поединок был жестокий; соперники убили друг друга.

Богатств сира де Шаона не нашли. Предание гласит, что на ферме Вильдор лежат в колодце «золотые кегли», отлитые по приказу могущественного сеньора.

В 1950 году хозяин фермы спустился в колодец якобы для чистки, но больше из любопытства. На глубине 2,7 метра он увидел в стене колодца отверстие, забранное огромными дубовыми брусья-

ми. Фермер просунул между брусьями длинную палку, но не достал до стены и ничего не нашупал. Может быть, «золотые кегли» были спрятаны там, может быть, — в пруду под каменными плитами, а может, — в подземном ходе возле дома, ныне заложеном.

Во всяком случае, рассказывают, что в свое время другой вильдорский фермер нашел в земле какую-то совершенно невзрачную с виду железяку и отнес к кузнецу сковать из нее сошник. Каково же было изумление кузнеца, когда он увидел, что «железяка» из чистого золота! Говорят еще, что раз в амбаре на ферме заночевали бродяги и нашли там пластинки из какого-то металла. Бродяги сделали из них набойки на башмаки. А набоечки-то оказались золотые...

Похожая история существует и о сокровище Шаретта. Есть и такая версия: будто бы, разбитый Синими в лесу Грала и отступая, он сложил все свои богатства в прочный мешок, который водрузили на два скрещенных шеста, а концы шестов на спину четырех лошадей. Там были не только монеты, но и кое-какие украшения, в том числе несколько ожерелий из золотых пластинок.

На одном из болот погоня настигла Шаретта. Тогда он перерубил шесты, и мешок упал в воду.

Какой-то слуга с фермы семьи Линдро нашел эти ожерелья, отодрал несколько пластинок и подбил ими башмаки. Хозяин его оказался пошмысленей. Он понял, что это золото, сделал хорошие стальные набойки и предложил слуге поменяться. Слуга согласился. Затем Линдро разузнал у слуги, где тот нашел ожерелья, пошел туда и похитил клад Шаретта. Вскоре он умер. Говорят, те, кто ночью читал псалмы у его тела, видели, как из окна комнаты вылетела огромная черная птица, а тело вдруг пропало. Чтобы никто не прознал про эту чертовщину, в гроб положили дрова.

Говорят... говорят... Конечно, все это вздор или вымысел. Но разве может быть, чтобы в Вандее — в Сулане, Борепере, Эпессах, Ньель-ле-Долане и на ферме с красноречивым названием Вильдор¹ — не появлялись время от времени сундуки с луидорами, орошенными голубой кровью аристократов, которую столетия республиканизма превратили в грязно-красную ржавчину?

¹ Точный перевод затруднителен, но ясно звучит «d'or» — золотой. — *Прим. пер.*

ЦЕРКОВНЫЕ СОКРОВИЩА

Во Франции почти все клады священных предметов, вероятно, прямо связаны с 1789 годом, так же, как вандейские, как сокровища казненных или принужденных навсегда покинуть родину аристократов.

В Южной Америке борьба за «Индепенденсию» (независимость) тоже многих сподобила захоронить свои богатства, и в описях кладов нередко встречаются потиры, дароносицы и священные статуи.

К этим основным причинам можно прибавить некоторые особые случаи: взаимные преследования религиозных партий, клады катаров, иезуитов и тех же тамплиеров.

Необычный и достойный упоминания факт: в Испании кладов священных предметов почти нет. Дело в том, что в этой стране, ко всеобщему счастью (говорим без всякой иронии), действовала инквизиция. Поэтому до 1936 года Испания не страдала от катастрофических войн и буйств народных мятежей.

Вообще-то говоря, существование самых больших кладов — катарских, иезуитских, тамплиерских — не доказано. Весьма удивительно, что из таких больших обществ не осталось никого, кто мог бы открыть место, где спрятаны сокровища!

В 1243 году сенешаль Каркасона осадил последних альбигойцев (они же катары) в замке Монсегюр на реке Аръеж к югу от Лавлане, на отвесной скале высотой 1207 метров над уровнем моря.

В 1244 году католикам, смело взобравшимся на скалу, удалось захватить часть крепости. Катары решили, что все кончено. Самые фанатичные разожгли огромный костер и бросились в него. Множество других сгорели заживо при штурме замка.

Утверждали, что альбигойцы располагали огромными богатствами, которыми вовсе не дорожили. Перед штурмом крепости они их вывезли. Арман Роже де Мирпуа — свидетель этих трагических событий — сообщает, что сокровища оставались в замке до февраля 1244 года. Потом темной ночью три еретика по имени Амиель, Экар и Гуго спустились со скалы на веревках, чтобы переправить сокровища секты в надежное место. Но они не смогли пробиться через порядки осаждающих и зарыли клад не то в лесах Серрлонги, не то в пещере Ломбрив близ Орнолака, выше купален Юсса. В этой пещере со многими коридорами общей длиной в несколько километров катары построили тайную церковь. Сотни еретиков с епископом во главе замуrowались там и предпочли умереть от голода, но не отречься от веры.

Но в окрестностях Монсеюра сохранились и другие предания. Сокровища якобы бросили в глубокий источник, находившийся в замке и позднее заваленный, или спрятали в обширных подземельях Монсеюра. Историк Наполеон Пейра утверждает, быть может, слишком доверяясь рассказам местных пастухов, что под скалой находится целый подземный город со множеством галерей. Винтовая лестница внутри горы ведет в деревню, а то и к реке Эр, что уж совсем невероятно. Под лестницей будто бы находятся огромные подземные залы, в одном из которых хранится сам Святой Грааль!

Кладоискатель из Бордо г-н Арно начал было раскопки в тридцати метрах от замка, чтобы найти пресловутую лестницу или одну из подземных галерей. Но вскоре он убедился, что эта колос-

сальная работа бесполезна, и бросил ее. Кажется все же вероятным, что сокровища катаров действительно спрятаны либо неподалеку от Монсегюра, либо в Ренн-ле-Шато (Од).

К другой религиозной войне относят Кренский клад. Уже потом легенда расписала эту историю диковинными вензелями про защиту потусторонних сил, которые чрезвычайно добродетельным образом охраняют сокровище от нечестивых посягательств. Клад сторожит Белая дама... Но кто направится к кладу с чистыми помыслами, к тому она будет благосклонна.

Эта история началась в трагическую ночь 27 сентября 1567 года, когда гугеноты взяли Оссер, перебили всех католиков и в безумной ярости опустошили храмы. Разумеется, рядом с военными и с религиозными фанатиками там находились и простые бандиты. Среди них одним из самых яростных грабителей был Жак де Лорон, владелец замка Мезон-Бланш де Крен.

Аббат Лебеф в «Истории взятия Оссера» подробно рассказывает об этом и перечисляет реликвии, сосуды и украшения, указанные в описях Оссерского собора.

«В Большой сокровищнице: драгоценный крест, миниатюрная часовенка с частицей челюсти святого Лаврентия, реликварий с изображением Марии и Саломеи, распятие с частицей подлинного Древа Креста Христова, другой реликварий... все сии вещи бесценные, позолоченного серебра; статуи апостола Петра и апостола Иоанна Богослова, окованные позолоченным серебром.

В Малом сокровище: ключи святого Аматра Епископа и святого Юста Младенца (кто такие?), оправленные позолоченным серебром, ладанки, реликварии, столовые приборы, кресты, подсвечники, потиры, дароносицы, ризы, стихари, покровы и прочая».

Все это было разграблено, разодрано, выкинуто на улицу вместе с карбункулами, гранатами, сапфирами, аметистами и другими драгоценными камнями — дарами всех епископов, в течение веков занимавших Оссерскую кафедру, а также многих бывавших там проездом князей и королей Франции. Колокола расплавили, раки раскрыли и ободрали медную облицовку; свинец со столпов, бронзовые паникадила и чаши перелили на пули и пушки.

Хроники свидетельствуют, что г-н Лорон де Крен нагрузил «десять или одиннадцать возов» ценностями (главным образом из аббатства Сен-Жермен) и без промедления направил их к себе в Мезон-Бланш. Что находится в Кренском кладе, мы в точности знаем из свидетельства Клодины Равье, служанки замка. 15 декабря 1610 года она давала официальные показания Жану Лану, помощнику бальи в Донзьюа.

В 1567 году г-н де Лорон жил в своем замке вместе с женой, двумя сыновьями, дочерью и довольно многочисленной челядью. Среди слуг была и Клодина Равье, которой было тогда одиннадцать лет. Клодина видела, как в Мезон-Бланш в сопровождении сотни солдат въехали «десять или одиннадцать» возов, доверху нагруженных драгоценными крестами, сосудами, подсвечниками. Была там и золотая рака святого Германа Оксеррского. Все золотые и серебряные вещи сгрузили и рассортировали по степени ценности. Возможно, что часть их раздали «окрестным бандитам и оборванцам», помогавшим грабить аббатство.

Лучшую часть г-н де Лорон, несомненно, оставил себе, в том числе золотую раку: он хотел, чтобы оксеррский ювелир распилил ее и переплавил. Но это было делом нелегким. Тогда хозяин решил схоронить раку — по показаниям Клодины Равье, в саду, по другим сведениям — в подземелье.

Девочка-служанка запомнила, что раку закопали именно в саду, для чего позвали каменщика из Клампси по имени мэтр Дени, и тот за двадцать экю вырыл погреб. И вот хозяин решил, что «гробница» достаточно глубока. Поздно вечером г-н де Лорон, его жена и мэтр Дени взяли раку и понесли в погреб. Клодина с факелом освещала им дорогу...

Тут Клодине — и, без сомнения, только ей одной — явилось видение. Таинственным образом перед ней предстала Белая Дама, которая изо всех сил старалась не дать опустить раку в землю. Однако три нечестивца все-таки добились своего. Но когда Дени стал засыпать «гробницу», дама в исступлении принялась выгребать из нее землю. Остолбеневшая девочка в ужасе на все это глядела. Наконец, привидение сдалось и с громким отчаянным воплем исчезло.

Погреб засыпали, раку надежно спрятали. Действующие лица драмы вернулись в замок и сели за стол. Рядом с каменщиком сидел аркебузец, его знакомый, который после ужина пошел его проводить до дороги, шагов на двести от замка.

Вдруг раздался выстрел. Клодина невольно вскрикнула:

— Ой-ой-ой! Паписты!

— Помолчи лучше, — грубо прикрикнул на нее Лорон, — а то и с тобой то же будет, что с этим!

Наутро на дороге нашли труп каменщика. Клодина уже с вечера заподозрила неладное, а теперь убедилась, что совершилось преступление. Лорон решил убрать свидетеля темного дела. Клодину он тоже считал ненадежной, но хозяйка вступилась за нее. Жестокий хозяин сохранил девочке жизнь, но изрезал ей язык ножом. Так, думал он, служаночка точно не проболтается.

Клодина долго не могла ни говорить, ни есть как следует. Но в конце концов раны на языке

зажили. Девочка благополучно вернулась в дом отца, Жюля Равье, в Арси-сюр-Кюр, где и прожила до замужества.

Шесть лет спустя Лорона повесили католики. Ходят слухи, что перед тем он вырыл раку и перепрятал ее вместе с другими ценностями в подземельях замка. Клодина, желая облегчить душу — она считала себя невольным сообщником, — рассказала сыновьям Лорона, что она видела в 1567 году. Но сыновья умерли несовершеннолетними, и замок остался без наследника. Впервые Клодина рассказала о кладе г-ну де Домси, женившемуся на дочери Лорона, а потом своему мужу Клоду Вилену, землекопу, проживавшему в Сен-Мартен-дю-Пре-ле-Донзи в Ниверне. Вилен убедил ее поставить в известность правосудие.

Но Клодина так и не припомнила точного места в саду, где зарывали раку, что вполне естественно: девочка тогда сильно перепугалась, а сад за сорок три года так изменился, что не осталось никаких примет.

Вероятно, однако, что золотая рака святого Германа Оксеррского так и находится до сих пор в Мезон-Бланш. Жители Крена, часто просто фантазируя, указывают и на другие клады, зарытые или замурованные в подземельях. Говорят еще, что возле колодца в саду зарыта золотая курица с двенадцатью цыплятами. Как всегда, легенда не замедлила обогатить историческую или якобы историческую истину!

Около 1900 года Генриетта Мари Сесиль Рабе, происходившая от г-на Лорона, решила искупить святотатство своего предка и начала раскопки, но они не дали никакого результата. Радиоэстезисты и ясновидящие несколько раз устанавливали, где лежит рака и другие сокровища. Но каждый раз их утверждения оказывались ложны-

ми: искали и ничего не находили. Генриетта Рабе умерла в 1940 году, а замок Мезон-Бланш завещала приюту в Куланже.

В 1957 году старый замок купила парижская радиоэстетистка и ясновидящая г-жа Озанн. Перед тем ей приснился любопытный сон.

«В ночь на 6 апреля 1957 года я чувствовала депрессию и обратилась с молитвой о мирном сне к Божьей Матери Сиракузской, которую особенно почитаю. Ночью мне приснился сон, будто я смотрела кино, так ясно все события проходили перед моим мысленным взором. Я поехала в департамент Ионны, чтобы проверить свои видения.

В Крене я увидела женщину, развешивающую белье, как оно и было в сновидении. Эта женщина мне рассказала, что замок Мезон-Бланш продается и что в нем замурован или закопан клад. Словом, все, как и было мне явлено.

Я продала все свое имущество, все ценные бумаги — и вот замок мой! Я хочу найти раку и вернуть Церкви. Кажется, я знаю, где она: около фасада замка, под окном. Я вычислила это место: там, где у окна висят часы. Надеюсь, что Белая Дама поможет мне. Только время еще, наверное, не пришло. Когда пробьет час, Дама подаст мне знак, а на месте клада расцветет розовый куст».

А пока г-жа Озанн с тревогой ожидает чуда и с надеждой встречает каждую новую весну...

Французские монахи-картезианцы устава святого Бруно имели обители в Париже, Гренобле, Марселе, Вильнев-лез-Авиньон. В Революцию им пришлось бежать оттуда. Здания монастырей были национализированы, затем по большей части снесены или распроданы по частям. Так случилось и с прекрасной обителью Вильнев-лез-Авиньон. Республика XX в., в противоположность республике

1790 года, пытается спасти ее от полного разрушения и восстановить эти по-прежнему грандиозные развалины.

Вот в этом-то полуразрушенном, перестроенном месте, которое уже почти два столетия используется как обычный жилой дом, по преданию, находится клад. Это предание скрупулезно записал местный краевед Лоран Коммюн.

Предание действительно опирается на солидные исторические данные. Есть некоторые документы, которые пока содержатся в тайне, но когда-нибудь помогут обнаружить клад золотых монет стоимостью около полумиллиарда франков.

В 1792 году Конвент нуждался в золоте, чтобы чеканить монету, в серебре, чтобы содержать армию, сражавшуюся со всей Европой, и в бронзе, чтобы отливать пушки. Конвент разослал по всей Франции эмиссаров с поручением выгрести ценности из монастырей, церквей и прочих мест, связанных с религией. Но собрано было намного меньше, чем рассчитывали революционеры. Везде в провинции взбудораженный народ, плохо понимавший новую власть и не любивший ее, встречал эмиссаров в штыки. Ладно, дескать, что эти парижане с марсельцами играют в свою революцию. Но зачем забирать потиры из алтарей, подсвечники из ризниц, снимать колокола с колоколен? До простого французского народа все это никак не доходило.

Может быть, те же самые революционеры, которые так прокололись с реликвиями в Конке и с колоколами в Сент-Антонене, в конце 1792 года явились в мирный городок Вильнев-лез-Авиньон, откуда только что бежали картезианцы. Взбешенные (еще бы!) эмиссары твердо решили на сей раз в дураках не оставаться. И опять остались, если верить описи монастырского имущества, которое они получили:

«В двух шкафах с двадцатью семью ящиками в каждом мы нашли: 120 золотых монет, 935 серебряных монет, 2188 медных монет».

К этому надо добавить: колокола; картины известных мастеров, как-то: Легид, Миньяр, Гершен и др, находившиеся частью в зале коллегіума, частью в богадельне; 9200 томов книг (распроданных и растерянных в 1812 году, включая редчайшие издания Библии и бесценный экземпляр Талмуда).

Что-то кажется маловато для могущественной обители, получавшей доходы от многочисленных владений, приоратов, амбаров, прудов в Рошфоре и Пюжо, наконец, получавшей пожертвования и завещанное имущество, а ими, когда папский двор был в Авиньоне, приближенных к папе аббатов буквально осыпали.

Что же все-таки случилось с драгоценными чашами, крестами, подсвечниками, ризой Иннокентия VI и другими реликвиями? Конечно, все это было спрятано так тщательно и с такими предосторожностями, что с тех пор так никому и не удалось найти эти тайники — так же, как и сент-антоненские колокола. Однако кое-кто знает с точностью до нескольких метров место, где зарыты миллионы. У этих людей есть даже план.

В 1790 году приор обители пришел к одному почтенному человеку, жившему на ферме Шабрель, по имени Давид, а по прозвищу «из Мейнарга».

— Друг мой, — сказал пастырь, — мы давно знаем друг друга. Я могу положиться на твою преданность и поручить тебе одно тайное дело. За это я дам тебе ферму Гран-Бастид в обмен всего лишь на пару волов.

— Боже упаси! — ответил Давид. — Я рад вам служить, ничего мне за это не надо. Бог пусть меня вознаградит.

— Это по-христиански, — сказал приор, — но ты напрасно отказываешься от фермы. Скоро и она, и все другие наши фермы перейдут за бесценнок Бог знает в чьи руки. А дело я тебе хочу поручить весьма важное и секретное. Не старайся ничего понять, только знай, что творишь его во славу Всевышнего...

Давиду из Мейнарга поручено было как зеницу ока стеречь несколько межевых камней, недавно поставленных на границе земель обители и помеченных ее гербом. Ни под каким видом эти камни нельзя давать переносить на новое место. Если же паче чаяния такое случится, следует как можно точнее заметить и подробно зарисовать это новое место.

Через год все картезианцы оставили обитель, кроме одного брата по имени Луи. То ли он был слишком дряхл, то ли, как и Давид, выполнял секретное поручение... Брат Луи поселился в пещере Кабрион; дети Давида потихоньку приносили ему туда еду. Два года спустя монах умер на руках своих благодетелей, перед смертью прошептал только: «У Четырех Дорог».

Прочие монахи переселились в Сарагосу. В 1807 году туда пришли солдаты Наполеона, и бывший приор с удивлением узнал в одном кавалеристе вильневца Паскаля по прозвищу Буфиг. Приор давно знал Паскаля и знал, что это свой человек. Он пригласил солдата к себе и угостил, нарушив ради этого случая орденский обет молчания. Разговор получился дружелюбный, тем более что дело было на чужбине. Под конец трапезы приор произнес самое главное:

— Когда вернешься в Вильнев, походи к Давиду из Мейнарга и скажи, чтобы он продолжал неукоснительно исполнять то, что я ему приказал.

Кавалерист было заговорил с тревогой о том, что случится с монастырем. Приор ответил:

— Об этом не беспокойся. Даже если нашу любезную обитель сравниют с землей, золота у нас хватит, чтобы трижды отстроить такую же.

Дома Паскаль сделал то, что ему сказали. Все межевые камни стояли тогда на месте, только один г-н Тома Давид выкопал и сделал из него воротный столб. Разумеется, и старое, и новое место камня были в точности отмечены.

О чем говорят все эти факты? Они, конечно, загадочны, но об одном позволяют говорить почти с уверенностью: место клада как-то связано с положением межевых камней. Некоторые решительно утверждают, что они служат знаками, указывающими на подземный ход, ведущий из обители к Четырем Дорогам. Этот перекресток может служить приметой в случае, если сам ход будет почему-либо завален.

Любопытно, что в том же самом 1790 году точно так же поступили в аббатстве Фэз в Жиронде. За двести лет и в Фэз, и в Вильнев несколько раз приезжали какие-то загадочные личности, то ли разведать клад, то ли убедиться, что приметы все на месте. Ведь история клада Вильнев-лез-Авиньон не окончена. За окрестностями Четырех Дорог кто-то все время наблюдает, неприметно, но неусыпно.

Давид из Мейнарга в точности передал наставления приора своим детям и внукам. Один из его потомков, хорошо известный в городе г-н Канонж, не скрывает, что получил их тоже. Значит, он и владеет тайной клада!

Говорят, что в 1850 году один пастух гнал в сумерках стадо домой. Вдруг перед ним невесть откуда возник монах-картезианец.

— Пастух, — сказал призрак, — закажи по мне мессу, да не медли: дело идет о спасении моей души!

С этими словами монах исчез так же внезапно, как появился. Пастух пожал плечами и решил, что все ему померещилось. Он никому ничего не рассказал да и вообще больше об этом не думал, но на другую ночь призрак явился вновь, еще страшней и несчастней. Утром пастух поспешил в Авиньон, заказал там мессу, и с тех пор призрак его не тревожил.

Около 1920 года сторож бывшего монастыря по фамилии Валла перебрался в замок Визий, где и прожил до своей кончины. Незадолго перед тем к нему приехал некий незнакомец, не назвавший имени, а представившийся родственником последнего главы ордена. Он вежливо попросил провести его в «Приорский дом». Сторож пошел с ним и увидел, что в главной зале гость повел себя странно: примерился, затем подошел к какому-то стенному шкафу, открыл его и пощупал заднюю стенку.

Потом гость попросил сторожа на денек оставить его одного в комнате. Г-н Валла отказал. Гость опять посмотрел на шкаф, как будто искал на нем какой-то знак, уехал и больше не возвращался.

Г-н Канонж заходил иногда вечером к сторожу поболтать. Тот рассказал ему про случай с таинственным гостем. Канонж заинтересовался, нашел стенной шкаф и убедился: шкаф был сколочен на скорую руку из тонких досок, явно чтобы что-то скрыть от глаз. Канонж разломал доски, и на свет явилась капитальная стена. На ней был вычерчен план, который в декабре 1957 года перевели на бумагу.

На плане, как и на межевых камнях, был виден угол. Вместе эти углы, вероятно, показывают начало и направление подземных ходов. Но все эти знаки надо еще объяснить — связать с самим планом и со съемкой местности.

Вот примерно и все, что известно о Вильневлез-Авиньон, вернее, все, о чем можно сейчас

рассказать. На самом деле сохранившиеся сведения гораздо подробнее.

Приор уверял, что на золото (вероятно, в лундорах) из клада можно трижды построить новый монастырь. Итак, стоимость клада можно оценить примерно в пять сотен миллионов — это целая тонна! Под тонким слоем земли лежит тонна золота, до которой можно добраться и с поверхности, и через подземный ход. Что еще нужно, чтобы разгорячить воображение!

Жители Вильнева много раз искали в своих погребах начало подземного хода. Они нашли галереи, ведущие, как утверждают, в склеп под часовней. Другие ответвления, кажется, приводят на кухню монастырской гостиницы, в маслобойню, в соседние дворцы... Колдуны ходят по ним, призывая на помощь свои «волшебные» палочки, а настоящие кладоискатели — свое серое вещество. Вообще-то вход в подземелье найти должно быть нетрудно, особенно если знать элементарные основы устройства тайников. А если ходы завалены? Тогда остается план, межевые камни с начертанными знаками, Четыре Дороги... Вот какая удивительная тайна завораживает жителей Вильнева!

Подобно тамплиерам во времена Филиппа Красивого, иезуиты в XVIII веке представляли собой государство в государстве. У этой суверенной державы было все, что составляет мощь нации: торговый флот, армия, школы и казна, намного превосходившая казну любого из европейских королей.

За могущество, гордость, да и за богатство их невзлюбили в Старом Свете. Иезуитов изгнали из Англии, из России, из Испании, из Франции, из Италии... Тогда они обосновались главным образом в Южной Америке. Но их враги не успокоились,

и буллой «Dominus ac Redemptor noster» от 21 июля 1773 года папа Климент XIV объявил о запрете ордена.

Тогда иезуиты открыто взбунтовались против Ватикана и правительств.

В 1778 году боливийские иезуиты объявили войну королю Испании, отнявшему у них право управления золотыми, серебряными и алмазными приисками в Южной Америке. Предчувствуя опалу, они с 1767 по 1778 год утаивали большую часть дохода от рудников (что, со своей стороны, повлияло и на решение короля). Говорят, что все эти огромные сокровища иезуиты прятали в подземных ходах, пробитых в скале. Шестьсот пятьдесят индейцев занимались этой работой больше двух лет.

Овладев иезуитским укреплением, солдаты ничего там не нашли. Напрасно они пытали туземцев, заподозренных в причастности к устройству тайника.

Но по неосторожным обрывкам речей стало известно, что сокровища, которые оценивают в двенадцать миллиардов золотых франков, замурованы в пещерах. Главная галерея, которая туда ведет, имеет в длину 188 метров, а в ширину местами доходит до сорока. Узнали также, что подземелье, чтобы сбить с толку охотников за сокровищем, представляет собой огромный лабиринт с ложными ходами, тупиками, поворотами, толстыми перегородками, а под холмом, где лежат сокровища, хитроумнейшим образом устроена еще одна сеть галерей.

В 1903 году английский инженер Проджерс повсгребал в Боливийской Юре донью Корину Сан Роман, племянницу преподобного отца Сан Романа. Перед кончиной тот передал брату, бывшему тогда префектом Калао, один документ, относящийся к сокровищам иезуитов. Он гласит:

«Найдите крутой лесистый холм с плоской лужайкой на вершине. С вершины с трех сторон видна река Сакамбая. Когда найдете, ищите там большой овальный камень, такой большой, что на вершину его катили не менее пятисот индейцев.

Копайте под камнем на пять ярдов, и найдете свод огромной пещеры — пятьсот индейцев копали ее два с половиной года. Диаметр свода семьдесят ярдов. В пещере есть две двери. Длинный узкий ход ведет в комнату на восток от главного входа на расстоянии двести ярдов. Дверь этой комнаты открывайте очень осторожно. Дверь большая, железная. Сразу за порогом вы увидите золотую статую высотой три фута с глазами из двух великолепных алмазов. Она водружена в этом месте на благо человечеству.

Если пойдете дальше по коридору, увидите в первой комнате тридцать пять больших золотых сосудов, груды украшений из серебра и золота с драгоценными камнями. Во второй комнате в правом углу увидите сундук, в котором лежит 90 000 серебряных долларов (серебряных пиастров 910-й пробы).

Входя в эти комнаты, будьте осторожны: там распылено столько яда, что можно отравить целый полк.

В нишах по обеим сторонам тоннеля и в обеих комнатах спрятаны сто шестьдесят три золотые вазы стоимостью не меньше 60 миллионов долларов. Стены комнат укреплены большими гранитными блоками; от пола до потолка можно намерять пять ярдов.

По вершине свода — три отдельных яруса. Их тщательно зарыли пятью ярдами земли и большими булыжниками.

Когда дойдете до места, где высота двадцать футов, а по ширине могут разъехаться пять

всадников, перейдете реку и попадете в церковь, монастырь и другие строения».

Очевидно, автор этого документа написал — намеренно или нечаянно — порядочную галиматью, если только текст не испорчен переписчиками и переводчиками.

С 1903 по 1930 год этот клад упорно и тщетно искали. Находится он под холмом Куцая Кобыла на слиянии рек Като и Сакамбая. Его приблизительная стоимость — двенадцать миллиардов.

ЗОЛОТО, ПОХОТЬ, БЕЗУМИЕ

Америка — самый удивительный континент на планете, потому что на этой новой, необитаемой, как считали много тысячелетий, земле, жили такие люди и процветали такие цивилизации, которые не хотели и не могли существовать в ритме разумной эволюции.

История Северной Америки, проходившая под английским, французским, немецким, итальянским влиянием, прозаична. Но жизнь в Центральной и Южной Америке, получивших прививку испанского мозга, была анархична, лихорадочна и красочна, полна приключений, нищеты и величия, любви и нечеловеческой жестокости.

У истории сокровищ в этом новом разношерстном мире, простирающемся от полюса до полюса, есть свои излюбленные места действия. Она выбрала центр и юг — Мексику майя, Перу инков, Аргентину и Венесуэлу революционеров девятнадцатого столетия. По мере того как сельва и пампа теряли девственность, приключения становились менее удивительными и грандиозными. Но в конце прошлого века герои этой истории были еще полны жизни. Один из них, Хуан Факундо Кирога, был подсобным рабочим, потом солдатом, потом бандитом, потом губернатором и, наконец, стал президентом Республики Аргентина, правда, в смутные времена войн за Независимость.

Около 1829 года Кирога был бандитом и держал в страхе провинцию Риоха. Перед каждым походом он прятал у себя в Риохе ружья, порох и немного золота, что-то вроде неприкосновенного запаса. Говорят, что в каждом из таких тайников было по триста—четыреста награбленных пиастров. После войны Кирога собирался все это забрать. Но в 1835 году его убил один гаучо, и секрет кладов остался нераскрытым.

В конце войны, в которой столкнулись с одной стороны Парагвай, с другой — Бразилия, Аргентина и Уругвай, экс-президент Парагвая Франсиско Солано Лопес (еще один президент!) после героического сопротивления был вынужден бежать с горсткой сторонников на юг страны. В 1870 году он был убит в сражении против генерала Камары.

Предание утверждает, будто Лопес переправил в аргентинский город Посадас на границе с Парагваем воинскую казну — сорок тонн чистого золота на сорока (!) возах.

И вот погружение в неведомое, куда нас зовет необычайная история сокровища Катамарки, относящаяся к тем временам, когда Кирога с бандой отребья наступал на город Кордову в Аргентинской республике. Унитаристские войска Хосе Паса, защищавшие город, казались ненадежными. Поэтому, опасаясь худшего, епископ дон Бальбоа решил бежать, забрав с собой сокровища из собора.

Это безумное решение поразило город, но никто не посмел возражать. И вот однажды ночью, отслужив прощальную мессу, дон Бальбоа с маленьким отрядом из своей паствы направился на северо-запад, в Сьерру, через болотистые пустоши Салинас Грандес. Караван мулов вез сокровища, извлеченные из надежного укрытия в подземелье, ход в которое находился под главным алтарем собора. Согласно хронике, сокровища эти были бесценны: тринадцать золотых канделябров; несколь-

ко рак с мощами, украшенных драгоценными камнями; золотые потиры и дароносицы, золотые сосуды с чеканкой; парчовые ризы и епитрахили; епископские драгоценные вещи; сундуки с деньгами прелата и его свиты; наконец, большое византийское золотое Распятие. Говорили, что это Распятие доставили в Америку Кортес и Альмагро; его несли перед войском, а по ночам конкистадоры отдыхали под его божественной защитой.

Но вот что было особенно подозрительно в этой процессии, и без того необычной. Ее проводником стал мулат-авантюрист, всем известный колдун, прозванный за рыжие волосы Колорадо (Красный).

Беглецы миновали Сан Педро и остановились в деревне Амбаргаста. Тут до них дошла весть, что войска Хосе Паса, против всякого ожидания, разбили федералистов Кироги. Разумней было остановиться, чем идти по труднопроходимым долинам, выводящим к неприступным Кордильерам (их шеститысячные вершины уже виднелись на горизонте). Епископ созвал совет. Но проводник убедил его, что известие о победе Паса — просто ловушка, чтобы не дать каравану уйти. Колорадо уверял, что знает дорогу к побережью Тихого океана.

Дон Бальбоа приказал идти на запад через Салинас Грандес. Никто не смог его переубедить. Некоторые и сейчас еще думают, что он сошел с ума или поддался колдовству.

Караван пошел. Куда? Никто не знал. Привалы епископ разрешал только ради уставных богослужений. Через несколько дней дошли до живописной горы в форме цирка в горах у Катамарки, где некогда стоял индейский храм Солнца. В глубину этого цирка вела гигантская лестница, высеченная в скале; внизу на платформе возвышались пирамидальные руины.

Что случилось с путниками потом, можно только догадываться: никто их больше никогда не видел. Какие-то путешественники вскоре рассказывали, что видели в цирке тринадцать расставленных в ряд канделябров и воткнутое в землю золотое Распятие, на котором болталась человеческая голова. Но это сообщение весьма недостоверно.

Надо думать, Колорадо сознательно завел Бальбоа и его спутников в этот каменный цирк. Там индейцы их перебили, а сокровища из собора спрятали в горной пещере рядом с бывшим храмом, где-то возле деревни Гуямака. Весь клад — церковная утварь, реликвии, драгоценные камни и монеты — может быть оценен примерно в миллиард франков. Храм находится около 29° южной широты и 69° западной долготы.

С тайной и безумием мы встретимся и в необычайной истории сокровища Красного Холма. Тут мы увидим и ларцы с драгоценными камнями, и живое, соблазнительное золото — ненасытно похотливую девицу. Эту историю знают по поэме поэта Мориса Магра. Но она была бы очень недостоверна, если бы в 1826 году не была подтверждена материалами следственного дела полиции Маракайбо. Кроме того, друг Клуба кладоискателей Жан Легран, путешествуя по Центральной Америке, собрал факты, вполне соответствующие поэме. Изменено только имя героини: Морис Магр назвал ее Вандой, но местные жители помнят ее под именем Росита, что правдоподобнее.

«Дети до 16 лет не допускаются» — так можно было бы предварить историю об этом сокровище. Здесь мы встретим всегда обнаженную красавицу и священника, явно предавшегося сатанинским обольщениям... Но к фактам!

К северу от Маракаибо (Венесуэла), в нескольких милях от мыса Сан-Роман, есть остров Аруба, а на нем бухта, окаймленная красными скалами — Красный Холм (Серрита Колорадо). Ведет туда только узкая опасная протока. В этих скалах поп-расстрига Доминго Муньос, ставший пиратом, прятал от людских глаз свои сокровища и свою безумную страсть.

Муньос начал свою буйную жизнь приходским священником в Кито, ныне столице Эквадора, тогда испанской колонии. Он был весьма ревностным священником и, без сомнения, так и прожил бы жизнь, преданный своему служению. Но среди его прихожанок была одна прекрасная сеньора по имени Росита. Она была замужем за каким-то человеком, о котором нечего сказать хорошего, кроме того, что он был горький пьяница.

Юная дама, пылкая и легкомысленная, без зазрения совести обманывала мужа. Но она была верующая католичка, а потому после каждой новой шалости приходила на исповедь к падре Муньосу. Согласно с учением Церкви, но с большим ущербом для собственной души, он отпускал ей грехи.

Росита была очень красива, а больше всего соблазняли любовников ее прекрасные белокурые волосы, падавшие до пят. Падре вначале гневался на прихожанку, снедаемую демоном похоти, но со временем сменил гнев на более смутные, хотя поначалу и тайные чувства.

Однажды, поссорившись с мужем, Росита выскочила из дома нагая и бежала по городу, кое-как скрывая свои прелести под копной волос. Муж, спотыкаясь, гнался за ней с кинжалом. Молодая женщина вбежала в дом к священнику, где ее встретил смущенный Доминго Муньос. Священник еще никогда не видел обнаженной белокожей женщины. Сквозь волосы просвечивала грудь и точеные ножки... Муньос совладал с собой и произнес:

— Росита, оденься и иди домой.

Это было в 1820 году. На случай с Роситой никто не обратил внимания: страну тогда сотрясала смута; испанцы еле-еле успевали усмирять мятежи, поднимавшиеся во всех городах провинции Кито.

Доминго Муньос стал заступником грешницы перед мужем, и вскоре все успокоилось. Но, к несчастью, дьявол подстроил новое злоключение, на сей раз с трагическим исходом, и священник не устоял.

Однажды ночью Росита вновь постучалась в его дом. Муньос открыл дверь; совершенно обнаженная красавица ворвалась в прихожую. Ее сотрясала дрожь.

— Падре, — воскликнула Росита, — я убила мужа! Я не виновата, я защищалась!

Движение борцов за независимость в это время достигло высшей точки. Эквадор и Новая Гранада объявили о создании федерации; испанцы с трудом отбивались от революционеров на всех фронтах. Горожане устремились в порты, надеясь отплыть в Испанию; во всей провинции царил анархия. Муньос тоже сидел на чемоданах и ждал только повода, чтобы бежать от ярости восставших. И вот красотка с дьявольской помощью как раз дала ему такой повод.

— Хорошо, поехали! — сказал священник. — Теперь в Кито нельзя оставаться ни мне, ни тебе.

Под покровом ночи Муньос с Белокурой Роситой (которая то ли не нашла одежды, то ли не захотела одеваться) добрались до предместья. Они пробирались глухими переулками, избегая республиканских патрулей. Быть может, Муньосу пришлось даже стрелять из пистолета: дороги были опасны, кишели всяким сбродом, убивавшим и грабившим, не разбирая, кто за кого воюет.

Представьте себе такую картину: священник весь в черном и нагая белая женщина с копной волос, летящих по ветру. Зрелище не для слабонервных!

История умалчивает о том, что происходило с нашей парой в течение двух следующих лет. Потом их след обнаруживается на южном побережье Антильского моря, на побережье Венесуэлы. Там свершился решительный поворот, толкнувший их на путь греха, точнее, на путь, караемый законами всех государств. Муньос стал главарем пиратов, а Белокурая Росита — его подругой и сообщницей. Она была по-прежнему белокура, по-прежнему прекрасна и по-прежнему неодета, как и в день бегства из Кито. Вероятно, какая-то неодолимая сила влекла ее к нудизму. Все, кто видел Роситу в эти годы, свидетельствуют: она ходила в одном коротеньком платьице, распахнутом на груди, открывавшем ноги до самых ляжек и позволявшем угадывать, а то и видеть самые потаенные прелести. А часто Росита раздевалась догола, и тогда браслеты и блестящие кольца на руках и ногах делали ее еще прекраснее.

Муньос ходил в море на пиратском бриге. Под началом у него было два десятка на все готовых головорезов. Иногда они брали на абордаж богатый торговый корабль, забирали себе груз, истребляли команду и, чтобы замести следы, сжигали обчищенное судно. Если же на море дела шли плохо, пираты совершали набеги на берега Венесуэлы. В любом случае всю добычу они складывали в укромном месте — в пещере на Красном Холме.

Там они жили спокойно: им не грозила опасность с суши, а протока была труднодоступна, причем пираты владели господствующей высотой. Празднуя очередную победу, пираты жгли огромные костры и предавались оргиям. О них потом рассказал слуга Муньоса, негр по имени Конго,

попавший в плен. Его рассказ — единственное свидетельство о пиратах с Красного Холма.

Может быть, еще сохраняя остатки веры, а вернее — по внушению нечистого духа, Муньос устроил нечто вроде часовни. Там находился каменный алтарь, на нем — священные предметы, награбленные пиратами. Оргии неизменно начинались с обильного застолья, где всего было вдоволь — и вкусной еды, и редких вин, и дорогой посуды. Во главе стола на резном кресле восседала, сверкая драгоценными украшениями, нагая Росита. Пираты кланялись ей и делали дорогие подарки. Кто подносил их по доброй воле, кто из угождения главарю, но принести дар обязан был каждый. Сам Муньос первым клал к ногам подруги самые дорогие ожерелья и серьги. Нет сомнения, что в нем жила искренняя, хотя странная и извращенная, любовь, даже страсть.

После пира все отправлялись в часовню. Некоторые, правда, оставались лежать на земле с ножом в груди: кровавые стычки были на Красном Холме частым и любимым развлечением. В часовне Муньос служил по-латыни мессу, но кому — сказать затруднительно. По всей вероятности, Сатане, а может быть, самой Росите, которая лежала нагая на алтаре как божество и жертва одновременно. Пираты подходили к алтарю и на коленях поклонялись Росите. Наконец, в довершение кощунственного исступления, Муньос отдавал ее распаленным бандитам. Так, во всяком случае, рассказывал Конго. Видимо, он не врал.

Нравились ли Росите эти оргии? Кем она была на них: всемогущей владычицей или обожаемой рабыней? И то, и то, наверное...

Моряки потом рассказывали, как видели ее на пиратском бриге — полуодетую, прикованную к мачте железной цепью с большим золотым кольцом на лодыжке. Она была все так же хороша,

золотые волосы волной струились по бедрам, но взгляд ее был пуст и безумен. Быть может, она потеряла рассудок?

Муњос вскоре впал в самую мрачную мизантропию. Он оставил ремесло пирата и вдвоем с Роситой укрылся на Красном Холме. Банда распалась. Тогда-то Конго, оставшись один и растратив свою долю добычи, попался федеральной полиции и был брошен в тюрьму. Его показания позволили восстановить картину последних лет этого любовного и разбойничьего романа. В них также есть точное свидетельство о существовании клада.

— Когда хозяин уходил в море, — рассказывал арестованный, — он оставлял сеньору на мое попечение, я не должен был никуда от нее отлучаться. Если бы хозяин не вернулся, я должен был вырыть клад и отдать сеньоре. Но где он спрятан, знала только она.

Когда Конго видел Роситу в последний раз, она стояла у входа в пещеру неподвижно, как статуя. На ней не было никакой одежды, лишь от макушки до пят бесчисленное множество золотых украшений и драгоценных камней. Она казалась каким-то языческим идолом, украшенным ради жертвоприношения. Необыкновенные изумрудные глаза Роситы были широко раскрыты. Будто в экстазе, она глядела на небо и море, куда-то за горизонт. А вокруг этой белокожей статуи струилось и мерцало, как раскаленный поток, золото длинных волос.

Конго с трудом мог выразить изумление, смущение и страх, охватившие его при этом зрелище, оно и в камере преследовало негра.

— Росита была неживая, — так говорил Конго. — Это ее призрак вышел из пещеры.

В 1826 году на основании этих показаний полиция Конго окружила остров Аруба. В пещере нико-

го не было, но люди ушли оттуда совсем недавно — костер был еще теплый. Подземная часовня оказалась нетронутой. Алтарь, окруженный серебряными подсвечниками и золотыми, по большей части, сосудами, был украшен живыми цветами. Но Муньос и Росита исчезли. Исчезли и сокровища, хотя повсюду в пещере и в подземных ходах, прорытых в холме, их долго искали. Теперь клад — плод четырехлетнего разбоя — со всеми драгоценностями, поднесенными прекрасной белокурой рабыне-владычице, достанется тому, кто его найдет.

Муньоса с Роситой еще видали в лесу Парагуана. Туземцы говорят, что там они и умерли в конце того же 1826 года, так и не попытавшись вернуть себе сокровища Красного Холма.

ВОЕННЫЕ КЛАДЫ (II). ПЯТЬ ТОНН ЗОЛОТА НА ДНЕ БАЙКАЛА

Если поразмыслить, то все или почти все клады произошли из-за войны или в связи с войной. Из-за войны сокровища складывают и прячут, из-за войн гибнут суда. Это относится и к храмовым сокровищам, и к кладам тамплиеров, и к революционным кладам, и к пиратским... По совести, трудно даже сказать, к каким кладам это не относится!

Итак, «военными кладками» мы условно называем только те, которые образовались в результате недавних войн, или те, которые служат резервом для войн будущих.

Крупнейшее из таких «военных депо», место которого известно, хотя и строго засекречено, — это (вернемся немного назад) сокровища инков. Полагают, что частичка этих сокровищ послужила в 1915 году, чтобы поддержать мятеж в Перу. И не толкнет ли в подобающее время золото Атауальпы кордильерских пещер, чтобы вооружить индейских повстанцев? В таком предположении нет ничего удивительного.

Во время отступления Великой армии Наполеона ее казна была, по русским источникам, зарыта в Каунасе, в Литве. Президент Южно-Африканской республики Пауль Крюгер в 1900 году спрятал между Преторией и Питерсбургом пятнадцать миллионов золотом. Планом этого клада владеют сыновья героя бурской войны генерала Девета, скончавшегося в 1922 году.

Пять миллионов франков в серебряных слитках в 1920 году зарыл близ Темосачика (штат Чиуауа) знаменитый Панчо Вилья. В 1917 году русский полковник Икатуров спрятал в Армении недалеко от персидской границы клад стоимостью 80 миллионов золотом по тогдашнему курсу. В 1933 году этот клад тщетно разыскивала английская экспедиция. В 1939 году туда же собирався отправиться г-н Гаалон из Канн вместе с сыном подполковника Чернявского, но война сорвала эти планы. От г-на Гаалона мы знаем, что находится в этом депо:

«Золотая ваза, предположительно времен царя Соломона, восьмигранная, с огромным алмазом в 80 карат на каждой грани. Внутри вазы, также на каждой грани, — изумруд весом от 70 до 80 карат. Один изумруд утрачен.

70 килограммов золотого лома. 2 килограмма платины. 50000 фунтов стерлингов. 2 миллиона турецких лир. Большой кожаный кисет, полный драгоценных камней: бриллиантов, рубинов, сапфиров и изумрудов.

Все эти сокровища турки захватили в разграбленном монастыре, а казаки под командой полковника Икатурова отбили у них. Окруженный вновь турками, казачий отряд понес большие потери. Полковник был убит, а подполковник Чернявский положил сокровища в два свертка, свертки спрятал в солдатских мешках и схоронил в горах».

Еще одна нераскрытая тайна — сокровища русских царей.

13 ноября 1919 года адмирал Александр Васильевич Колчак отступил из Омска в направлении Восточной Сибири. За ним тянулись неисчислимые толпы беженцев — 1 миллион 250 тысяч несчастных людей, которые боялись зверств революционеров больше, чем ужасов скитаний среди жестокой зимы по степям и лесам на протяжении

трех тысяч километров. В их числе шли и пятьсот тысяч солдат — отступавшая армия Колчака. Солдаты охраняли бронепоезд из двадцати восьми вагонов, перевозивший пятьсот тонн золота из императорской казны.

Адмирал предупредил три четверти миллиона человек, ушедших с ним, что не может взять их на свое попечение, а отвечает лишь за содержание войска. Но обыватели были так напуганы рассказами о зверствах, доходившими с запада, что предпочитали смерть от голода в дороге мясорубке гражданской войны.

Зима 1919/20 года была необычайно суровой. В Сибири градусник нередко опускался до 60 градусов мороза. На каждом переходе сотни, а позже — тысячи беженцев умирали от голода, холода и измождения. Скорбная колонна растягивалась на сотни километров, отмечая путь горами мертвых тел, вокруг которых грызлись из-за добычи голодные волки.

Путь отступления шел вдоль Транссибирской железной дороги. Бронепоезд в среднем преодолевал от силы тридцать километров в сутки: местные революционеры, хотя и не смели открыто атаковать отступающую армию, во многих местах разбирали рельсы.

Через три месяца этого крестного пути, полного непередаваемых мучений, почти все гражданские погибли. Волки так наелись мертвечины, что отстали от выживших. Наконец, 250 тысяч бледных теней, еще державшихся на ногах, добрались до Байкала. А миллион несчастных уснули вечным сном в самой большой в мире братской могиле.

Для выживших двухсот пятидесяти тысяч Байкал был последней остановкой перед обетованной землей. Оставалось лишь пересечь озеро, дойти до манчжурской границы — и кошмар кончится.

Берег вокруг всего Байкала горист. Транссибирская магистраль делает там петлю в южном направлении от Иркутска к Мысовой, что удлиняет путь на сто пятьдесят километров.

Железнодорожники в Иркутске саботировали приказы Колчака. Тогда адмирал решил переходить озеро санным путем, так было короче. Впрочем, зимой это было обычным делом: ведь толщина льда от двух до четырех метров.

Пятьсот тонн золота сняли с поезда, и беженцы отважно устремились в двадцатичетырехкилометровый путь через Байкал. Дул ветер, валил снег, крепчал мороз. В непроглядной снежной пелене адмирал по компасу определял маршрут. Под бескрайним ледяным простором ревела подводная буря, словно волны хотели сломать ледяную клетку. Явление известное, но устрашающее.

Тяжелые сани шли медленно. На каждом шагу приходилось останавливаться, расчищать дорогу, а то и пробивать тоннели в огромных сугробах, гряда за грядой лежавших на льду. Ни одному каравану еще не приходилось бороться с такой сатанинской яростью слепых стихий! Слепленные вьюгой, обмороженные, до костей продрогшие люди двигались в полубессознательном состоянии, уже похожем на смерть. И вот авангард встал, поредевшая колонна собралась вокруг него — и в трагической тишине жизнь всех беженцев оборвалась, словно в одну минуту по какому-то волшебству остановились на четверти миллиона часов четверть миллиона матников...

Армия Колчака застыла вокруг своего сокровища и превратилась в гигантскую дантовскую диораму, созерцаемую безжалостным оком Провидения. Ни крика, ни стоны... Подобно механизму, исчерпавшему ресурс, 250 тысяч человек замерзли и вошли в безмолвный рай небытия. Ве-

тер всех их укрыл, как саваном, снеговой горой, а поминки справляла только торжествующая лютая зима.

В начале мая Байкал растаял, и вся армия адмирала Колчака, застывшая во льду, вся разом пошла ко дну, подобно оловянным солдатикам, а с ней и золото. Вот что говорит предание, близкое к истине, но кое в чем наверняка неточное.

Во всяком случае, из этого ада кое-кто вышел живым, конечно, немногие. Среди них сам адмирал, расстрелянный большевиками уже в 1920 году, и некий штабс-капитан Слава Богданов, который в 1938 году жил в Соединенных Штатах. Так вот, этот Богданов рассказал удивительную историю, может быть, и подлинную:

«Царское золото вовсе не утонуло в Байкале. Пятьсот тонн золота в слитках. Слишком непосильным оказался груз. Задолго до Иркутска мы решили втайне от Колчака (а впрочем, он только притворялся, что ничего не знает) захоронить его. Стало уже ясно, что шансов дойти до Маньчжурии нет почти никаких. Так зачем было обременять себя тоннами металла, которые все равно не доедут до места? Как ни гляди, закопать клад было лучше всего.

Я руководил этой операцией вместе с другим офицером по фамилии Дранкович. Сорок пять солдат спрятали золото в подвале одной часовни. Потом мы с Дранковичем отвели их в карьер и всех расстреляли из пулемета: нельзя же было доверить важнейшую тайну царских сокровищ сорока пяти языкам сразу!

Как только мы вернулись, я понял: Дранкович хочет убрать и меня. Я опередил его: выстрелил первым и убил. Потери людей никто не заметил: каждый день умирали многие сотни, кто хватится каких-то сорока шести человек! Так я остался единственным обладателем секрета...»

В 1959 году, воспользовавшись амнистией для белогвардейцев, Слава Богданов приехал в Россию. В городе Магнитогорске он встретил одного американского инженера, с которым был знаком еще в Калифорнии. Богданов предложил американцу забрать часть сокровищ и вместе бежать из СССР. С ними была еще девушка Таня. Они втроем сели на джип и отправились на поиски клада. Они нашли его целым и невредимым в часовне в трех километрах от Транссиба, где-то между Томском и Енисейском. Из горы аккуратно сложенных слитков длиной шесть метров, шириной три метра и высотой два метра с половиной, друзья забрали полтораста килограммов золота. Так утверждал Богданов.

Затем они проехали через всю Россию и попытались пересечь границу в Грузии, но там нарвались на заставу. Богданов был убит автоматной очередью. Американец с Таней прорвались, но с пустыми руками, оставив и джип, и золото пограничникам.

Итак, тайной клада завладели некая Таня и американец, настоящее имя которого неизвестно — он скрывался под псевдонимом Джон Смит. Остается выяснить, не придумал ли этот самый таинственный Джон Смит все детективное завершение истории от начала до конца... Возможно — и верней всего, — что пятьсот тонн золота все-таки покоятся в ясных, но ледяных водах Байкала на глубине не меньше сотни метров...

Вот еще один клад. И тут речь идет о тоннах золота; и его искали тысячи людей и среди них — французский министр г-н Жюль Мок и члены Клуба кладоискателей. Речь идет о кладе испанских республиканцев, зарытом в песке на пляже где-то около деревни Сен-Сиприен в Восточных

Пиренеях. Клад очень, очень большой. Это золото первоначально предназначалось для партизан-коммунистов; о нем знали восемь человек. Потом разразилась вторая мировая война. Некоторые владельцы секрета были убиты, а оставшиеся не смогли найти потайное место.

Вы скажете, это невероятно? Отчего же. Представьте себе этот пляж: полоса голого песка и на заднем плане редкие кустики и деревца, среди которых почти нет приметных. Прибавьте к этому, что приливы и наводнения два раза в год смывают все кругом, заливая даже прибрежную деревушку. Тогда вы поймете, почему испанцы, приехав в 1946 году туда, где они спрятали некогда золото и драгоценные камни, не узнали этого места.

Все переменялось! Там, где стояли бараки и росли деревья, разбили спортплощадку; на месте старых, чуть ли не средневековых домов, построились современные виллы, на месте сада — базарная площадь... Испанцы не только зря потратили собственные деньги, но убедились, что и партийная казна пропала.

Навсегда? Может быть, и нет. Золото зарыто на глубине около двух метров. Кто знает: возможно, когда-нибудь землекопы, роя фундамент, и наткнутся на самый огромный из кладов, сокрытых в нашем столетии.

Военных кладов тысячи и тысячи. Их прятали в парижских подвалах и евреи в 1940 году, и коллаборационисты в 1945: первые, отправляясь в лагеря смерти, вторые — в вечное изгнание. В Сен-Шероне (Сена и Уаза) на вилле по дороге в Дурдан полицаи Массюи и Бассомпьер 15 августа 1944 года зарыли клад стоимостью около двухсот миллионов франков. Политик Марсель Деа бросил в воду на глубину около двадцати метров в бухте Эз шкатулку с золотыми монетами.

Вообще смутное время с 1940 по 1945 год было на редкость богато на спрятанные и утерянные сокровища, особенно в Западной Европе.

«Юнкерс-81», перевозивший сто шестьдесят шесть миллионов золотых франков, упал на ледник к северу от Санкт-Морица; его так и не нашли. Когда-нибудь ледник унесет сокровище в долину, где оно и явится на свет, к невероятному удивлению нашедших. На горе Дора в Адидже (Италия) начальник немецкой колонны, эскортировавшей золото, попал под американскую бомбежку и спрятал свой груз — пять больших железных баков с центнером золота в каждом — в пещере. Но клад охраняется: каждый бак окружен цепочкой гранат. Перед смертью офицер рассказал обо всем своему соседу по камере, уголовнику по имени Луиджи Лоренци.

Не слишком ли часто в наших историях повторяются слова «перед смертью»? Пожалуй... Но пока человек сохраняет надежду выжить и достать сокровище — он крепко оберегает свой секрет...

Другой заключенный флорентийской тюрьмы рассказал, что министр Буффарино Гвида, расстрелянный антифашистами, перед смертью рассказал ему: казна его министерства затоплена у скал Калафуриа на глубине сорока метров.

Что случилось с казной самого Муссолини, известной под именем «сокровища Донго», мы знаем почти все. Как было установлено в ходе процесса, по праву названного «зловещим маскарадом», его разграбили экстремистски настроенные партизаны. Близ Донго, в озере Комо, вряд ли осталось что-нибудь ценное. Но, видимо, другого мнения придерживался канцлер Аденауэр — завзятый кладоискатель! Ведь г-н Аденауэр почему-то всегда ехал в отпуск именно в те места, которые больше всего привлекают искателей сокровищ: например, в замок Сен-Мартен в

Вансе (Приморские Альпы), где владельцы ищут клад тамплиеров, или на озеро Комо, где должны лежать сундуки, полные итальянского золота...

Сокровище подлодки «U-435» на Маркизских островах, если оно только существует, — это сюжет для настоящей корнелевой трагедии о борьбе любви и долга. Мы давно условились, что, как правило, не судим о достоверности дошедших до нас интересных историй. Поэтому и дело субмарины «U-435» мы перескажем, точно следуя версии ее радиста по имени Вольфганг.

В мае 1943 года в Париже с Вольфгангом подружился швейцарец Макс Штадлер — вольнонаемный служащий оккупационных войск. После войны Макс вернулся домой в Цюрих. В 1947 году к нему неожиданно явился Вольфганг и попросил приюта.

В уплату за гостеприимство бывший радист, страдавший неизлечимой болезнью, доверил другу тайну сокровища, погребенного на одном из островов Маркизского архипелага в Тихом океане:

«В 1945 году я служил на подводной лодке «U-435», которая вышла из Гамбургского порта и направилась в Японию. Командовал лодкой капитан Гельмут. Мы взяли на борт несколько пассажиров, среди них жену капитана и еще четырех женщин. Субмарина должна была спасти национальное достояние: на нее погрузили золото, ювелирные изделия и три полотна Ван Дейка из Бременского музея. Все это хранилось в трех ящиках и было оценено приблизительно в полмиллиарда.

Мы обогнули мыс Горн. Тут разразился страшный скандал. Фрау Гельмут призналась мужу, что беременна, и не от него, потому что капитан все время был в плавании. Силой он заставил жену сознаться, что ее любовником был я.

Бог знает, что бы случилось, но тут мы неожиданно узнали о капитуляции Японии. Это меня спасло. Капитан не знал, что ему делать. «U-435» продолжала следовать на северо-восток. Наконец, Гельмут — убежденный патриот и гитлеровец, — решил затопить лодку. Мы были тогда у Маркизских островов.

В этот момент капитан показал себя великодушным и смелым человеком. Он высадил на берег всех, кто решил сохранить себе жизнь, а сам с несколькими другими верными гитлеровцами навсегда ушел под воду. Но до этого между нами произошла еще одна поразительная сцена.

Все взвесив и приняв окончательное решение, капитан Гельмут вызвал меня в капитанскую рубку и там с глазу на глаз сказал мне следующее:

— Вольфганг, вы подлец. Я должен был бы пустить вам пулю в лоб. Но я солдат фюрера и люблю свою жену. Как капитан, я должен потопить судно и погибнуть вместе с ним. Как муж, я прощаю Марте и хочу, чтобы невинный младенец мог жить. Я не убью вас. Живите. Вы должны спрятать сокровища с лодки и при первой возможности вернуть их правительству Германии. Но среди этого золота есть мои личные два миллиона рейхсмарок. Сохраните их для новорожденного. Вы искупите свою вину, если будете хорошим немцем и хорошим отцом. Я требую от вас, чтобы так и было.

Я поклялся исполнить его требование, попросил у капитана прощения и сошел на берег, взяв сокровища. На берегу осталась и Марта, и еще многие из экипажа. Втайне от всех я зарыл все три ящика в одном очень приметном месте, и мы стали кое-как обустраиваться на острове».

Вольфганг оставил Максу Штадлеру точное описание тайника, а несколько дней спустя скончался в Цюрихской больнице.

Достоверно известно, что люди с «U-435» действительно несколько месяцев прожили на одном из Маркизских островов среди туземцев и что фрау Гельмут родила там девочку, но вскоре умерла. Немцы попали в плен к французам и вскоре были возвращены на родину. Но ребенка оставили на воспитание какой-то туземке с острова Фатухива.

Вольфганг потребовал от друга, чтобы тот разыскал девочку (ее назвали Мартой, как и мать), попытался найти клад и в случае успеха передал Марте два миллиона рейхсмарок. 9 апреля 1957 года швейцарец вместе с американцем Джоном Р. Мозесом и французом Эдуаром Дезанфаном отплыл из Италии на яхте «Янута». Они решили найти и Марту, и сокровище, но больше никто не получал от них никаких известий.

ВОЕННЫЕ КЛАДЫ (2). НЕМЕЦКОЕ ЗОЛОТО В ВЫСОКИХ ГОРАХ

Как бы люди ни верили в науку и в социальный прогресс, они не могут ожидать конца XX столетия без трепета. Что нам удивляться страху, который в Средневековье вызывал 1000 год, когда на мир, сжатый в тисках холодных войн, уже готов нахлынуть год 2000?

Уже многие светлые головы в Азии думают, как уничтожить Европу, чтобы напустить в нее излишек желтой расы. Другие светлые головы в Европе и в Америке вынашивают свои планы: как уничтожить миллиард желтых, чтобы белые зажили спокойно.

Успеют ли все миллионы и миллиарды людей, потенциальные жертвы, спрятать свои богатства? Смогут ли стертые с лица земли народы, вычеркнутые из истории правительства в последние минуты своего существования создать военные клады, чтобы финансировать будущий реванш?

Наступал 1945 год. Германия Адольфа Гитлера, на несколько месяцев опоздавшая сокрушить весь мир в молниеносной войне, теперь сама рушилась под ударом объединенных русско-американских и англо-французских сил. Гитлеровцы, для которых ничто в мире уже не имело смысла, пытались спрятать последнее, что еще оставалось в их стране, что еще оставалось от когда-то неиссякаемых богатств.

Впервые в истории Европы побежденное государство хоронило свои сокровища.

Речь идет, строго говоря, о двух кладах. Один из них — клад Великого Рейха — совершенно достоверен, его существование доказано, он практически находится под контролем. Другой — клад «Волчьего логова» — более загадочен. Десятки людей уже заплатили жизнью не то что за дерзкие попытки поиска, а только за то, что краем уха что-то слышали о нем.

Изучая эту удивительную историю, где перемешаны политика, смерть и даже оккультизм, мы случайно натолкнулись на поразительные факты, связывающие золото из Польши и Австрии с некоей тайной деятельностью, знать о которой, безусловно, опасно.

Американская армия и ФБР до сих пор ищут сокровище в австрийском озере Топлиц и частично уже нашли: в июле 1959 года немецкие изыскатели, вооруженные ультразвуковыми зондами и подводными телекамерами, установили местонахождение шестнадцати ящиков на глубине 70—80 метров. Некоторые из них достали. В них оказались превосходно подделанные фунты стерлингов на десять миллиардов франков. Эти фальшивые банкноты, изготовленные в лагере Заксенхаузен специально отобранными по всем тюрьмам немецкими фальшивомонетчиками, были главной частью «операции Бернгардт» по подрыву экономики союзников. Но бывший австрийский партизан Альбрехт Гайсвинклер, действовавший в окрестностях озера, утверждает: на дне его лежат не только фальшивые банкноты, но и слитки золота.

Однако настоящее сокровище не там. Оно переезжает с места на место, строго охраняется, и почти невероятно, чтобы оно могло попасть в чужие руки. Эти тайники, хранящие около пятисот миллиардов золотых франков, находятся вокруг

городка Аусзее, километрах в шестидесяти по прямой линии от Зальцбурга, на юго-западной оконечности цепочки из двух горных озер, соединенных речкой, притоком Трауна.

Аусзее был одним из последних форпостов обороны фашистов в конце войны. Ему отводилось важное место в плане, задуманном Гитлером в конце 1944 года. За пять месяцев до капитуляции Германии фюрер объявил приближенным:

«Наше окончательное поражение неизбежно. Англия отказалась от перемирия. Черчилль несет ответственность перед потомками как главный виновник гибели Запада. В грядущей войне Европа погибнет в один день. Если немецкий народ переживет эту катастрофу, он должен подхватить угасший факел цивилизации и восстановить европейскую элиту. Я хочу оставить средства, которые послужат будущему Великого Рейха».

Эти слова донесли до нас французские коллаборационисты, приговоренные к расстрелу в Испании в 1947 году. Они слышали их от одной высокопоставленной персоны, а эта персона — от самого Гитлера.

Итак, незадолго до окончательного разгрома все ценности, которые еще можно было найти в Германии, под вывеской «национального достояния» свезли в Аусзее. В апреле 1945 года более тысячи грузовиков вывезли ценности Немецкого банка, составлявшие тогда 350 миллиардов франков, не считая огромного количества золота в слитках, драгоценных камней в изделиях и россыпью, личного достояния нацистских вождей, церковных сокровищ, ценностей, отобраанных у евреев в Италии, в Югославии, в Греции, в Чехословакии, наконец, множество культурных ценностей — полотна старых мастеров, статуй, книг.

Часть этих кладов уже нашли. Прежде всего, уже в мае 1945 года открыли очень важный тай-

ник в Альтаусзее в соляном руднике (сто миллиардов). Нашли клад шефа СС Кальтенбруннера в саду виллы Керри в Аусзее (миллиард), а в 1946 году — клад барона Гельмута фон Гиммеля, адъютанта Мартина Бормана, в подвалах архиепископского дворца в Зальцбурге. Затем последовала находка в замурованных подвалах замка Фельденштейн под Нюрнбергом, где спрятал свои сокровища маршал Геринг: тридцать шесть золотых канделябров, серебряная ванна, картины великих мастеров, редчайшие коньяки и проч.

На Нюрнбергском процессе ценности, спрятанные в районе Аусзее, были оценены в двести миллионов марок (семнадцать с половиной миллиардов франков).

В 1946 году бывший лейтенант Франц Готтлих — участник этой операции — сообщил, что большие ценности были зарыты под Лендом. «Я был там, — имел он неосторожность сказать. — Там видел тридцать ящиков. Их зарывали русские пленные, которые уже никому ничего не скажут».

Готтлих немного успел рассказать об этом кладе — несколько дней спустя он загадочным образом исчез. Брат его возбудил дело об исчезновении лейтенанта, но получил столь же загадочный совет дело это бросить.

В том же году кладоискатели Гельмут Майр и Людвиг Пихлер, раздобыв точные планы, отправились в австрийские Альпы. Их нашли там убитыми. У Майра сердце, легкие и желудок были вырваны и рассованы по карманам. Создалось впечатление, что убийцы хотели найти и уничтожить проглоченный Майром документ. Недалеко от места, где лежали трупы, нашли вскрытые пустые тайники. Это значит, что клады из предосторожности вынули и перезахоронили в другом месте.

В 1952 году француз Жан Ле Сос, учитель географии из Ла-Флеша, несомненно, нашел клад и

был убит. В следующем году его тело нашли на горе Риффлькопф, а рядом обнаружили восемь вскрытых тайников.

В августе 1952 года двум спортсменам пришла в голову странная мысль покататься на байдарке по озеру Топлиц. На уме у них, конечно, было другое... Один из байдарочников, Герт Геренс, погиб, сорвавшись в пропасть. Следствию такая смерть показалась подозрительной, тем более что его спутник, бывший солдат СС Ганс Келлер, бесследно исчез.

Служащий банка в Ленде Эммануэль Верба решил попытаться счастья на горе Гастайн. Там и нашли его обезглавленный труп. Ничего не известно о Йозефе Маттейсе: на горе Риффлькопф все в том же роковом 1952 году нашли только его туристское снаряжение.

А что это за два мнимых ботаника, которые в 1950 году вытащили из озера Топлиц десять ящиков, предварительно связав (впрочем, не причинив вреда) свидетеля — лесника?

Все эти таинственные убийства и несчастные случаи ясно показывают, что сокровища австрийских Альп строго контролируются и охраняются тайными отрядами коммандос. И это богатство колоссально. У одного немца, которого американцы задержали как подозрительную личность, нашли следующую опись, заверенную по всей форме и подписанную генералом СС Фрелихом:

«166 250 000 швейцарских франков;
299 018 300 американских банкнот;
31 351 250 000 золотых слитков;
2 949 100 алмазов;
93 450 000 произведений искусства и коллекционных предметов;
5 425 000 000 наркотиков».

Что это за миллионы и миллиарды — марки, франки, доллары, фунты? Неизвестно.

Адольф Эйхман, приговоренный к смерти Нюрнбергским трибуналом и арестованный в Израиле в 1960 году, зарыл на альпийских лугах Бלאа Альм 19 миллиардов франков.

Предполагают, что на озере Топлиц, на высоте 2000 метров над уровнем моря, еще в 1945 году существовал центр исследования секретного оружия. Там-то и было затоплено более двадцати ящиков, где, кроме фальшивых фунтов, находились драгоценные камни, золото и искусственные бриллианты.

Главные тайники находятся в горах, в частности, в окрестностях Гастайна, Зальцбурга и Зальцкаммергута. Два больших сундука под надзором офицера СС Завада были зарыты на току в деревне Файстенау около замка Фуски. Теперь золото и драгоценности бывшего Министерства иностранных дел скрыты под бетонной площадкой.

Так спасутся ли разбросанные и строго охраняемые сокровища Третьего Рейха от времени и кладоискателей? Федеральное правительство Западной Германии и правительство Австрии пытаются сейчас раздобыть эти сокровища. За ними охотятся также секретные службы Франции, Англии, России, Израиля. И в самом деле, трудно сказать, кому оно юридически должно принадлежать.

Вот все о кладе Великого Рейха — первом из двух больших немецких кладов. История другого — клада Волчьего Логова — полна неожиданных поворотов и вызывает поразительные, почти невероятные догадки.

В Польше (бывшей Восточной Пруссии) на реке Губер, берущей начало неподалеку от Рынского озера, стоит городок Кетцин, бывший Растенбург. Его примерные координаты: 54°5' северной широты и 19°1' восточной долготы по Парижскому

меридиану. В 1938 году Адольф Гитлер приказал построить в этих местах невероятные подземные укрепления для своей штаб-квартиры. Это место назвали Вольфшанце (Волчье Логово). Бункера — настоящий бетонный город — устроены на глубине двадцать метров под землей. Их защищает двадцать дотов и непроходимая сеть минных полей и мин-ловушек.

Уже много лет Растенбург остается запретной зоной, строго охраняемой польскими властями. Дело в том, что с 1939 по 1944 год в Волчьем Логове находилась главная ставка гитлеровского командования. Там разрабатывались не только военные планы, но и планы социальных экспериментов на европейских нациях. Говорят, что местные жители много знают о Волчьем Логове. Но, немцы телом и душой, они молча хранят все секреты и даже все вымыслы.

Известно, что Волчье Логово строили десять тысяч рабочих. Ходят слухи, что сразу же по окончании работ все десять тысяч были расстреляны, а архитекторов и инженеров отправили на самолете в Берлин. Сразу после взлета самолет по неизвестной причине — и очень кстати — взорвался. Все это домыслы и чистая выдумка. Вообще непонятно, сколько в разговорах о Волчьем Логове правды и сколько лжи.

Но «тайна Волчьего Логова», несомненно, существует. Точно установлено также, что в Вольфшанце было множество самых разных сооружений иногда на глубине до пятидесяти метров: кабинеты, жилые комнаты, библиотеки, архивохранилища, общежития, казармы, столовые, игровые и гимнастические залы, бассейны, электроцентраль, обеспечивавшая освещение, отопление и вентиляцию воздуха, железнодорожная станция на ветке от магистрали Кенигсберг—Элк, аэродром, больница, автострада.

Менее достоверно то, что нас интересует больше всего: что в Волчьем Логове были также монетный двор (на нем якобы и печатались фальшивые доллары с фунтами, найденные в озере Топлиц) и банк, в котором фашисты хранили значительные суммы в золоте, серебре и других ценностях. Эти сокровища должны быть прочно скрыты и храниться до того момента, когда в конце XX века (как полагали гитлеровцы-оптимисты) пробьет час Великого Рейха.

История этого тщательно охраняемого сокровища, кажется, тесно связана с оккультизмом. Политический оккультизм жил в голове фюрера и должен был служить катализатором для того, чтобы история национал-социализма теснее сплывалась с легендой. Ради этого Гитлер воссоздал Тевтонский орден с учебными центрами в восточно-прусском Кенигсберге, австрийском Зальцбурге, на Рейне и в некоторых заграничных замках.

В защиту этого тезиса мы можем привести один любопытный и даже тревожный факт. В 1949 году автор этих строк, человек совершенно беспартийный, работал репортером. Его на определенных условиях допустили на праздник летнего солнцестояния во Франции.

Мы узнали, что у французских гитлеровцев («Третьей черной силы») — впрочем, немногочисленных — есть обычай справлять Иванов день по древнегерманским языческим ритуалам. Они собирались на какой-нибудь горе или холме и зажигали большие костры во славу как солнечного божества, так и новой гитлеровской мифологии, которую тесно связывали с культом тевтонских рыцарей.

И вот в ночь на субботу 24 июня 1949 года профессиональный долг привел нас к костру, разожженному на холме возле Озуар-ла-Феррьер в

департаменте Сена-и-Марна. Там было много молодых людей обоюго пола; они пели песни «Господин де Шаретт приказал нам», «Я убил своего капитана», «Мы дойдем до Урала», читали наизусть отрывки из «Учителя из Сантьяго» Монтерлана и «Антигоны» Ануя. Вокруг костра стоял почетный караул, вооруженный палицами, в обычной позе немецких часовых: ноги шире плеч.

Юноша, сопровождавший нас, был занят разговором в одном из кружков. Зашла речь о политическом будущем Европы. Тут-то мы и услышали весьма многозначительные слова. Один из участников праздника сказал (цитируем по памяти, не дословно):

— Приказ отдадут в Зальцбурге и Кенигсберге.

Тут же другой молодой человек сделал неспешный, но властный знак рукой и присвистнул, призывая к молчанию. Наступила недолгая, но напряженная пауза, как будто только что разболтали важный секрет и тому, кто это сделал, грозит беда.

В отчете о ночном сборе французских гитлеровцев («Франс-Диманш», №149, 10 июля 1949 г.) мы не упомянули об этом эпизоде, но он остался у нас в памяти. Тогда еще наш товарищ и друг Ги Гужон, главный редактор «Франс-Диманш» не поверил нашему отчету и послал в Озуар одного заурядного интервьюера. Тот вернулся и объявил, что там действительно происходил ночной сбор... скаутов! Ги Гужон потребовал от нас объяснений. Пришлось свести его в баре на улице Реомюра с неким известным коллаборационистом, заочно приговоренным к смерти, которого Ги Гужон знал. Тот подтвердил, что репортаж верен и французские гитлеровцы действительно существуют.

Не будем строить опасных догадок, лишь отметим следующие совпадения.

Зальцбург расположен в шестидесяти километрах от Аусзее, где есть секретные укрепления и где в горах у озера по специальному приказу Гитлера хранится для будущих жителей Великого Рейха огромное богатство. Кенигсберг находится в девяноста километрах от секретных укреплений и клада в Вольфшанце. Совпадение, казалось бы, странное. Теперь вспомним, что доказано: клад в Аусзее находится под охраной: в горной крепости сидят гитлеровцы. Значит, клад Волчьего Логова (если он существует) тоже охраняется гитлеровцами, живущими в тайном городе!

В самом деле: электростанция Вольфшанце еще десять лет спустя после войны подавала ток на объекты, которые остались связаны с подземной крепостью. Но ни полякам, ни русским никогда не удавалось войти в нее: они не могли пробиться через многочисленные завалы, ловушки и минные поля. Остается одно: предположить, что в Волчьем Логове до сих пор кто-то живет! Кто же, если не немцы, превосходно знающие оборонительную систему и план лабиринта крепости?

Предание — и это важно — говорит, что в холодильники подземелий свозили огромные запасы еды. Но еще проще предположить, что существуют потайные ходы, выходящие на поверхность в двадцати и более километрах от Волчьего Логова. Предположение это тем логичнее, что поляки раскопали один (всего один) длинный, пятнадцатикилометровый коридор, из которого извлечено около тридцати тысяч мин.

Итак, Волжье Логово донине хранит тайну. Нет надежды, что она скоро откроется. Ведь это не только требует гигантских трудов, но и связано с огромным риском, брать на себя который никто не торопится. Видимо, потайные ходы известны узкому кругу посвященных, среди которых могут быть и французы, и бельгийцы, и австрийцы, и испанцы.

Французский журналист И.К.Франк сообщил (газета «Сюд-Уэст» от 9 ноября 1957 г.), что в 1955 году поляки нашли у входа в разминированный дот обезображенный труп без документов. По татуировке под мышкой в нем опознали эсэсовца. Таким образом, либо потайные ходы небезопасны, либо эсэсовец погиб в результате сведения счетов.

Клад Волчьего Логова, как бы он ни был велик, никогда не подвергался инвентаризации. Поэтому цифра в несколько миллиардов золотых франков называется совершенно наугад.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КЛАДЫ (II). ИГРА ВООБРАЖЕНИЯ И ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

Загадочные истории о кладях перевернули много жизней, питали много иллюзий, смутили многие умы. Ведь ничего нет легче, как возбудить в человеке алчность и заставить поверить в химеру.

На всех континентах большинство легенд выдумали чародеи, кладоискатели и другие оккультисты, привыкшие жить в мире горячечных видений, не поверяемых рассудком. Бывает также, что какой-нибудь сказитель, журналист или писатель пустит в свет историю про зарытые дукаты или сапфиры, которые сторожит не то дракон, не то черт, не то еще какая-то нечистая сила. И вот новый клад родился — и уже не умрет, потому что ничто не может теперь разуверить людей.

Бывает, кто-нибудь скажет просто в шутку: вонде в том старом замке зарыт клад. Клады ведь всегда бывают в руинах, подземельях и старых замках. Сначала все понимают, что это шутка. Но проходит время, кто-то поверит или просто повторит эти слова — и уже кто-то начинает думать: «А вдруг правда?» Посторонний человек подхватывает рассказ, и чья-то выдумка становится словно бы доказанным фактом, а ее происхождение все больше и больше скрывается в дымке времен.

Но в наши дни главные изобретатели мнимых кладов — радиоэстезисты. Покажите какой угодно план одному из этих маньяков — и они сразу укажут вам пять, десять точек, где клад «дает излучение». Без всяких вопросов с вашей стороны

они даже укажут точное место, вес, глубину и дату захоронения клада!

Тысячи легковверных, соблазненных обманными речами и надеждой на легкое богатство, перерывали тонны земли, ломали стены, пробивали штольни, спускали все состояние до последнего су.

Маркиза Б., владелица великолепного замка — памятника истории Сюлли-сюр-Луар, вступив в эту опасную игру с легкой руки одного радиоэстезиста, напрасно истратила в 1952 году 18 миллионов. Но и этот сокрушительный провал не поколебал ее уверенности в том, что в стенах замка скрыто сокровище.

Майор Л. С. из Ла Димресс близ Мессе (Сена и Марна) на основании собственных радиоэстетических данных и домыслов еще сорока таких же мастеров вырыл такие ямы, что туда поместилось бы десять автобусов. Средств было потрачено видимо-невидимо, результат нулевой, но хозяин так и не расстался с надеждой.

В 1953 году — опять же с подачи радиоэстетиста — мэрия Люзиньяна (Вьенна) чуть было не начала искать клад феи Мелюзины!

Можно было бы припомнить сотни таких историй. Все они начинались с раскачивания радиоэстетического маятника и раскручивания бредовых догадок, и все кончались провалом.

Но вот что примечательно: хотя все три басни — Сюлли-сюр-Луар, Ла Димресс и Люзиньян — изобретены в течение трех лет с небольшим, теперь они уже навечно вписаны в историю. Покуда мир стоит, в несуществующие клады будут верить многие мечтатели, а заодно с ними — и немало людей здравомыслящих.

Иногда еще легенда зиждется на врожденной тяге к чудесному, которой тешат себя пессимисты, противники прогресса и люди, страдающие от плохого социального положения. Еще чаще по-

рождают легенды выдумки, имеющие вполне рациональную цель, постепенно вырождающиеся в нелепые предания. Например: повадились дети в какое-нибудь опасное место — в развалины, грозящие обвалом, или к провалу, или на глубокое озеро, или к заброшенному колодцу. Чтобы их отвадить, матери и придумывают: дескать, в развалинах живет ядовитая змея... а в провале сидит страшная-престрашная ведьма... а кто подойдет к озеру, того черт утащит... а в колодце какой-нибудь василиск... Ну и, само собой, рано или поздно всякие шутники, сказочники или глупые старухи прибавят ко всей этой чертовщине еще и клад.

Люди, правду говоря, настолько легковерны, что их и обманывать специально не приходится. А уж если речь идет о кладах и нечистой силе — тут сойдет любая ложь, хоть с трехэтажный дом!

Такова выдумка о корабле «Доверие».

В Вандее говорят, будто в ночь под Рождество 1821 года этот корабль затонул где-то у острова Ре. На борту были капитан Дюпре, три матроса и хозяйка судна, красавица мадам Шарье. Корабль шел в Бордо, конечно, из Америки. Весь экипаж вместе с хозяйкой сошел на берег прослушать Рождественскую полуночную мессу в Сен-Мартен-де-Ре. Ночь была бурная. «Доверие» сорвало с якоря и унесло отливом. Где-то между мысом Арсэ и Фот-сюр-Мер судно затонуло.

Может, на корабле и были какие-то ценности, пошедшие ко дну вместе с ним. Но совершенно невероятна выдумка, будто бы у мачты «Доверия» стояла бочка золота, брошенная без присмотра на всю Рождественскую ночь!

А теперь в этом месте суша наступает на море — и начались разговоры, будто сокровище лежит на самом мысу. Радиоэстезистка Жермена Б. вычислила его в винограднике г-жи Мади на глубине тридцати метров. Ее волшебная палочка обещала целые

тонны золота. Там копали и в 1953, и в 1957 году — разумеется, ничего не нашли. Вообще-то сокровища могли бы выйти на сушу лишь при условии, что побережье Вандеи подымается на 25 метров в столетие. Но тогда в 2960 году оно станет горным хребтом высотой 2500 метров, а из Ла-Рошели до Нью-Йорка можно будет доехать посуху!

Иногда, напротив, бывает, что самые невероятные легенды отражают действительность. Например, сокровище маркиза де Карабаса, возможно, отличнейшим образом существует.

Говорят, что прототипом для «Кота в сапогах» Перро служил главный конюший Франциска I Клод Гуфье, носивший титул графа де Карава. Этот граф, в сказке превратившийся в маркиза де Карабаса, по смерти оставил огромное состояние, которое так никто и не нашел. Его сокровище, должно быть, спрятано в графском замке Уарон близ Эрво (Де-Севр).

Зато известный из истории клад гаитянского короля Кристофа может оказаться просто легендой.

Негр Анри Кристоф, бывший раб, в 1811 году провозгласил себя королем Гаити под именем Генриха I. Он выстроил себе дворец (ничего, впрочем, особенного, дворец как дворец), а своим сподвижникам начал раздавать пышные титулы, которые кажутся издевательской иллюстрацией к нашей истории: маркиз де Мармелад, граф де Лимонад, князь дю Клистир... В 1820 году Генриха I свергли с престола. Он застрелился и, говорят, оставил в саду дворца Сан-Суси в Порт-о-Пренсе зарытый клад. Это, скорее всего, вымысел. Но, может быть, история осуждена вечно платить дань легенде — своему прямому предку, а часто неразлучному спутнику?

Легенды исторического характера всегда любили связывать какой-нибудь клад с именем знаменитой личности: князя, царя или героя. Есть десятка два кладов царя Соломона, два или три —

царицы Савской; есть клады Карла Великого, Людовика XVI, Наполеона... Но шедевр в своем роде — это миф о кладе королевы Берты.

Сын Гуго Капета, наследник французского престола Роберт, в 996 году женился на красавице Берте Бургундской — дочери герцога Конрада Миролюбивого и вдове графа Эвда Шартрского. Но когда Роберт стал королем Робертом II Благочестивым, Церковь не утвердила его брак под предлогом, что Берта приходилась ему родственницей в четвертом колене. Роберт был вправду благочестивым и верным сыном Церкви. Но он так любил молодую жену, что на сей раз возмутился, взбунтовался и отказался давать Берте развод. Папа Григорий V отлучил Роберта от Церкви — в те времена хуже наказания не было. Весь двор покинул своего государя, и тому скрепя сердце пришлось уступить.

Такова история.

Легенда прибавляет к этому, что сына королевы при рождении подменили каким-то уродом. Таким образом люди X столетия хотели склонить Роберта к разводу, доказав, что Берта состоит в связи с дьяволом. После же развода Берта унесла с собой большой клад и зарыла его на горе Семар, которая несколько столетий спустя превратилась в живописный квартал Муфтар. Там же она воспитала своего настоящего сына, рожденного от короля. Уверяют, что в том парижском округе до сих пор полным-полно колдунов и живут прямые потомки Берты.

А клад и посейчас цел. Где он находится, про то знают «Муфские старейшины» — нечто вроде Большого Совета, в который входят старцы, прожившие несколько сот лет. Их долголетие связано с часами, которые на улице Гран-Дегре делают часовщики-чародеи. Часовщик Бибе в XIV в. изобрел часы, которые идут не по часовой стрелке, а против. Так этот Бибе — не кто иной, как граф

Сен-Жермен, а Сен-Жермен воплотился в часовщика Сири-ла М***, который в наши дни держит лавку на улице Гран-Дегре. Этот-то удивительный человек вместе с Большим Муфским Советом и есть якобы хранитель клада королевы Берты.

Писатель Жак Ионне в книге «Очарованный Париж» рассказывает об удивительной жизни Муфтара, об обрядах и магии тайных обществ, неприметно для постороннего глаза управляющих неким народом...

История клада знаменитого Самюэля Шамплена, основателя Квебека и губернатора Новой Франции, сохранившаяся в устном предании, тоже плохо соотносится с историческими фактами, но многие канадцы уверяют, что она подлинная.

Итак, по преданию, Самюэль Шамплен, когда правительство долго не пересылало ему средств, решил раздобыть денег, снарядив корсарский корабль — не то против испанцев, не то англичан. Он раздобыл на триста миллионов чистого золота.

В 1627 году, когда английская армия осадила Квебек, Шамплен с помощью нескольких надежных солдат закопал свое сокровище на пустынном берегу Нового Брауншвейга в Мельничной бухте (ныне Милл Коу). Вырыли яму, опустили туда дубовые сундуки с золотом и начали закапывать. Вдруг появилась какая-то женщина. Решив, что перед ней воры и разбойники, она стала ругать солдат последними словами. Один солдат, взбесившись, снес ей саблей голову с плеч — Шамплен не успел и слова сказать.

Тут только в женщине признали молодую монахиню из Квебекского монастыря. Над ней прочитали молитву и закопали вместе с сундуками. Огорченный Шамплен поручил невинной жертве сторожить клад.

В 1628 году после героической обороны Квебек капитулировал. Шамплен уехал во Францию. В 1633

году он вернулся в Квебек, но не пытался достать проклятое сокровище. Скончался Шамплен в 1635 году. В память о нем ни солдаты, ни индейцы даже не приближались к Мельничной бухте.

Прошли века, и случилось так, что некие фермеры из Ньюкасла стали копать землю в той стороне, где лежит сокровище. Вдруг один землекоп увидал, как прямо на него движется огненный корабль, и несчастный потерял рассудок. Искали клад два американца: один упал и разбился насмерть, другой утонул. Всякий, кто знает секрет, говорят канадцы, неминуемо гибнет. Проклятие Обезглавленной Монахини надежно стережет триста миллионов, и ничто не снимет этого заклятия.

Иногда, чтобы достать клад, надо строго следовать определенным правилам.

Видите ли, клады обычно стерегут феи, домовые, черти, черные псы или рыцари с длинным мечом. В определенные дни чары снимаются, а камни, скалы и дольмены, укрывающие клад, сдвигаются с места. Чаще всего это бывает в Рождественскую ночь, в момент возношения даров на мессе.

Вот в эти-то несколько секунд и надо уложиться. Бывает, что за это время нужно пробежать какое-то расстояние, не проронив ни слова — иначе камень снова упадет и похоронит неосторожного охотника, наказав за жадность и медлительность. Например, именно на Рождество, в момент, когда священник возносит гостию над чашей, можно раздобыть клад из Монтобанского замка.

В Шампе (Верхняя Сона), в лесу, к северу от деревни есть огромная глыба песчаника по прозвищу «Камень-Перевертыш». Говорят, что раз в сто лет, на Рождество, эта глыба переворачивается. Кому повезет, тот может быстро-быстро схватить в этот момент сокровище друидов и священный золотой серп.

Чего только не выдумают про эти клады!

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КЛАДЫ (2). ВОЛШЕБНЫЕ ЖИВОТНЫЕ И БЕЛЫЕ ДАМЫ

В легендах о волшебных сокровищах есть свой типичный инвентарь и свой бестиарий. Зарывают золотые кегли, трубки, жаровни, ванны, бочки, полные золота, набитые монетами шкуры животных, золотых коровок и козочек, курочек и цыплят. А сторожат все это белые дамы, драконы или другие диковинные звери.

Но самыми первыми животными, охранявшими сокровища, были собаки. Как показали раскопки в Абидосе и Фивах, в Египте их убивали и мумифицировали: на том свете друзья человека должны были по-прежнему охранять покой своих хозяев, стеречь оставленные в гробнице богатства. Иногда (в Ком Омбо) в гробницу клали также мумии ядовитых змей — не из религиозных соображений, а также для охраны.

В Китае, на островах Индийского океана, в Америке, во Франции вместе с кладами не раз находили собачьи скелеты. Их магическая роль очевидна.

Змеи — животные, которых человек боится больше всего, — послужили прообразом для многих сказочных животных: василисков, грифонов, драконов, химер, а отчасти даже сирен и единорогов.

Ведь если разобраться, то собака — животное, конечно, верное и зоркое, но страшного в ней ничего нет. С самых древнейших времен собака стала лучшим другом человека — даже рань-

ше северного оленя. Вот почему вместо нее в хранителя сокровищ превратили животное грозное, ужасное и несущее смерть — змею.

Страшной всех змей, конечно, василиск, родящийся из петушиного яйца, насиженного жабой. У этой гигантской змеи ядовитые зубы, но гораздо страшней зубов его взгляд, убивающий любого — даже самого василиска, если он видел себя в зеркало. Другой замечательный страж сокровищ — грифон с львиным туловищем, орлиной головой и крыльями и со змеиным хвостом. Это невероятное чудовище (между тем, почти все античные писатели уверяли, что видели его) чрезвычайно любит золото. Грифоны умели и находить его, и защищать от людей.

В средние века еще более знаменит стал дракон — нечто вроде крылатого полоза, изрыгающего пламя и заражающего воздух зловонным дыханием. Дракон — это хранитель сокровищ, столь зоркий, что обмануть его невозможно. Само слово «дракон» происходит от санскритского *drkkarna* — «ухоглазый».

В Пуатье дракона, охранявшего клады, называли Грангуль, в Руане — Гаргуй (Химера), в Провене — Ящер, в Тарасконе — Тараска, в Манье (Два Севра) и Соммьер-дю-Клене (Вьенна) он так и назывался драконом. В Юре дракон превратился в вуивру или гивру — необыкновенную змею, которая отыскивает и сторожит клады в развалинах старых замков. Иногда ее рисуют как змею с женским торсом, и всегда у этой гивры во лбу горит красный карбункул или рубин. Если вырвать этот камень, она отдаст свой клад. Но горе тому, чья попытка будет неудачна: гивра жестоко отомстит. Красный карбункул сияет во тьме так ярко, что по нему часто замечают, где прячется гивра, а с ней и клад.

У единорога туловище лошадиное, а голова оленья, но хвост иногда бывает змеиный; изображают единорога и с женской грудью. Нечего и говорить о знаменитом волшебном разноцветном роге, который у единорога растет посреди лба. Змея-единорог в Пуату называется «Рогатая» и живет в колодцах. Она тоже охраняет сокровища; ее часто смешивают с Мелюзиной из Люзиньяна.

Но, кроме фантастических животных, в историях про сокровища участвует много реальных. Прежде всего, это золотые тельцы, столь популярные у древних евреев, и золотые козы. Повсюду ходят рассказы, что они спрятаны где-то в развалинах, но в эти рассказы верится с трудом. Впрочем, надо заметить, что во время террора 1793 года многие из «бывших» прежде, чем отправиться на гильотину, прятали сокровища в коровьей, телячьей или козьей шкуре. Таковы клады в Габри (Буш-дю-Рон), Ламбурла (Тарн и Гаронна), Мирандоле (Дордонь) и др.

В развалинах и подземельях находят также золотых барашков. Этот обычай связан, очевидно, с тем, что при святом Людовике были выбиты монеты с изображением пасхального Агнца. Их так и называли «барашками» или «ягнятками». В Кре-не (Ионна), как утверждает хроника, в замке г-жи Озанн спрятаны «курица с дюжиной цыплят», отлитые из золота.

Клад сеньоров де Болон (Алье) спрятан в руинах их замка. На того, кто к нему приблизится, набросятся пять красных гадюк — стражи этого клада. Юрская гивра охраняет клады в Вогренане, Валанпульере, Арле, Тур-де-Ме, Драмле и проч.

В Шато-Сен-Поле (Нижний Рейн) в полдень Страстной Пятницы можно увидеть у источника черного пса. В зубах у него ключ от потайной двери в скале. Смелый человек может взять этот ключ и войти в подземный ход. Если все делать молча,

то ничего не будет. В скале смельчак найдет пещеру, а в ней сундук и другого черного пса с золотым ключом в страшных клыках. У кого душа отважна, помыслы чисты и руки не обгажены кровью, — тот может взять этот ключ, открыть сундук и забрать золота с самоцветами, сколько душа пожелает.

В шестидесяти пяти километрах к северо-востоку от Сфакса в Тунисе, в урочище Хебба, есть клад, охраняемый черной собакой. Ее надо три раза позвать: «Дулерб, Дулерб, Дулерб!». В Каире жемчуг, изумруды и другие драгоценности спрятаны в колодце. Чтобы достать их, надо исполнить следующий ритуал:

«Напишите такие-то и такие-то волшебные слова на куске сырой глины. Обкурите его и бросьте в колодец. Колодец сразу высохнет, и вы увидите сокровище. Но чтобы добыть его, надо убить сторожа с собачьей головой».

Но в реальной жизни, не только в легендах, животные часто помогают или мешают нам искать сокровища.

В Ренн-ле-Шато в XVI веке коза, заблудившись в пещере, указала пастуху Игнасу Парису баснословный клад, вновь обнаруженный в 1897 году кюре Беранже Соньером.

А вот снова о змеях. В Южной Африке в провале Гадье Айбип около Пелли и Оранжевой реки есть клад бриллиантов. Его несколько раз грабили, но весь так и не вынесли. В 1925 году там искал сокровище некий Герт, но его укусила гадюка, и ему пришлось вернуться. В 1958 году там же погибли от укусов змей, кишащих в провале, кладоискатели Ян Голланд, Петер Кампион и Артур Руст.

Большая опасность для кладоискателей — мурены. Это естественно: ведь они часто живут сре-

ди обломков затонувших кораблей. Говорят, что знаменитые обломки галиона «Сан Фернандо» у острова Санта Лусия стережет «черноволосое чудовище».

А кто часто помогает подводным кладоискателям добиться цели? Представьте себе: осьминоги!

Наш друг Флоран Раможе, великий ныряльщик перед Господом, член Клуба кладоискателей, уже много лет страстно охотится за сокровищами, затонувшими у Виго в 1702 году. Он ловит спрутов и смотрит, нет ли у них на присосках золотых монет. Ведь осьминог хватает все блестящее — стало быть, и золото с затонувшего корабля. Это помогает установить, где лежит судно.

Всякий знает, кто такие осьминоги. А в существование Белых дам не всякий поверит.

Но почему бы и не верить в фей? В Вивиану, в Гюона из Бордо, в короля Артура, в Мелюзину? В рыцарские легенды, сказки про чертей и магические заклятия, которые так хорошо слушать вечером у камина, где трещат дубовые поленья из зачарованного леса? Почему бы не поверить и в прекрасных кротких Белых дам?

В Кёпфле (Нижний Рейн) многие добрые люди в полуденный час видали, как Белая дама со связкой золотых ключей спускается с холма в овраг. Улыбаясь каждому встречному, она идет на берег реки Илл к мельнице Биссмюль. Там, плача и стеная, дама мочит волосы, умывает лицо и прекрасные белые ноги. Потом возвращается на холм и чудесным образом исчезает. Крестьяне говорят, что по ночам в этом месте светятся большие голубоватые огни. Говорят, что в холме зарыт клад, который многие искали, но не нашли.

Там, где ныне мельница Биссмюль, стоял некогда замок. В 1452 году его сожгли жители города Мюльхаузена. Может быть, и сохранился подземный ход от этого места к холму?

Юрская легенда говорит, что в Монбарре Белая дама пляшет по ночам на том месте, где зарыты золотые слитки, монеты и столовое серебро. В руках у прекрасного призрака факел, а продолжается ее пляска до двух часов пополуночи. Кто увидит ее, должен стоять, не двигаясь, и заметить, в каком точно месте она чертит ножками круг. Там-то и лежит сокровище. Как только дама пропадет, можно копать.

Был когда-то один замок, а в нем жила госпожа де Монброн — красавица писаная, но гордая и жестокая. Она ненавидела детей. Бог ее и наказал: она родила шестерых близнецов.

Ночью злодейка положила бедных деток в корзину и утопила в глубоком колодце. Но скоро она раскаялась, разорвала одежды, сняла все золотые кольца и ожерелья и бросила в тот же колодец, а после ушла жить в глухие леса и так, проклятая всеми, умерла. Крестьяне много раз хотели осушить колодец и достать золото. Но каждый раз поднималась страшная буря, а потом со всеми искателями клада случалось несчастье.

Колодец этот где-то между Монброном и Рузедом (Шаранта).

Раз в семь лет на лугу в Ильзахе, на северной окраине Мюлуза, на западном склоне холма Рен, является прекрасная белокурая девушка. На шее и на груди у нее блестящие золотые ожерелья. В одной руке она держит связку ключей, а другой рукой манит за собой.

Кто ее встретит, тому повезло. Надо идти за ней. Она приведет счастливого к горящим углям и растворится в их дыму. Нужно накрыть угли простыней, а когда потухнут — раскопать и пройти через подземный ход в сводчатый зал. Там белокурую красавицу сторожат два беса: один —

черный, другой — с телом жабы. А она сидит и ждет своего избавителя... В награду герой получит два больших сундука, полных драгоценностей. Только за все время нельзя проронить ни слова.

Вообще полезно знать: кто хочет добыть сокровище, тот должен держать язык за зубами. Доказательство (если поверите) — клад из Квадратной Дыры возле Гебвийе (Верхний Рейн).

Шли как-то под вечер из леса два дровосека и нашли золотой сундук, а в нем сокровищ видимо-невидимо. Вообще-то этот сундук сторожил огнедышащий дракон. Но в тот раз сундук взял и вырос из земли, как цветок, а потом стал таять и ушел обратно в землю. Дровосеки принялись копать. Откопали сначала огромный камень, потом острую саблю (она тоже стерегла сокровище). Добрались наконец и до золотого ларя. Тут один дровосек возьми да и скажи другому:

— Смотри, да ты весь бледный со страху!

Не успел он это сказать, как сундук опять ушел в землю, и больше никто его не видал. Разве можно разговаривать, пока чары не сняты!

Трудно придумать легенду удивительней, чем самая подлинная история Зачарованного Погреба.

В 1951 году мы опубликовали в еженедельнике «Иси Пари» статью «В поисках кладов». После этого мы получили от г-жи Ван Э. из Буасси-ле-Шатель (Сена и Марна) несколько писем о диковинных событиях, беспокоивших воображение всей ее родни. Чем пересказывать эту историю, приведем здесь большие выдержки из писем г-жи Ван Э.

Письмо первое. 25 мая 1951.

«Во-первых, скажу вам, что я не суеверная, ни в какие привидения не верю, ни в магию, ни в колдовство. Только вот что со мной случилось. Лет тридцать тому назад мои папа с мамой купили дом в городке Ребэ недалеко от Куломье. Дом очень

старый; в бумагах, которые есть у папы с мамой, написано про владельцев, которые жили при Людовике XI, но сам дом еще старше, а погреб старше самого дома. Вот о погребке и речь.

Как только я в первый раз пошла туда, только порог переступила, меня сразу будто что-то стукнуло, и привиделся клад. Я думала, это помешалось, и маме моей ничего не сказала. Но и в другой раз, и в третий то же самое: сначала что-то стукнет, а потом привидится клад: всякие монеты насыпаны грудой без разбора. Должно быть, если там и вправду клад, его кто-то очень торопился припрятать.

А как только я выхожу из погреба, у меня через минуту голова сразу становится как будто пустая, и я ни о чем не могу думать.

Очень это странно, как по-вашему? Есть там вправду клад или нет? Или это кто-то мне глаза отводит?

Посылаю вам план нашего погреба...»

Письмо второе. 8 июня 1951.

«Этот погреб вызывает видения у моей мамы, и она тоже очень хочет, чтобы это непонятное наваждение как-нибудь объяснилось. Мама живет в Ребэ, семь километров от Фонтенеля...»

Письмо третье. 20 апреля 1953.

«Письма Ваши я получила, но я была в отпуске и прочла их, только когда вернулась.

Этот погреб в Ребэ, в доме моей мамы [...] Но мы ничего там не нашли, потому что ничего и не искали. Там случились невероятные вещи, очень тревожные, так что моя мама заказала всем ходить в этот погреб, пока она жива. Я вам напишу все, что случилось, правда, я думаю, это все было случайно, а если нет, значит, клад и вправду стерегут какие-то, как это говорят, тайные силы.

Никто ничего не знал про этот погреб, только я и моя мама. За несколько дней то того, как я Вас пригласила в гости, моя мама попросила одну женщину, которая ей помогает по дому, пойти в погреб и смести там паутину. Та женщина взяла щетку, спустилась в погреб по старой лестнице, а потом вернулась и сказала, что больше туда ни за что не пойдет. Она женщина простоватая, так что моя мама особенно на ее слова не обратила внимания.

А через несколько дней мой брат что-то забыл в погребе и пошел туда. Это было часов около девяти вечера. Вдруг он увидел прямо посередине погреба какую-то голову, гладкую, как яйцо, а величиной с большой чан, и глаза у нее были как будто на двух концах у яйца. Голова смотрит на него и моргает. Он выскочил как ошпаренный, а потом думает: «Альбер, ты же мужик, что это за чепуха тебе мерещится!». Набрался храбрости и опять туда пошел. И только вошел, голова как будто рассердилась и поплыла прямо на него. Он опять убежал, а на другой день пошел опять в погреб, только ему уже было страшно. А в погребе ничего нет, только кость посередине валяется.

А я как раз писала Вам письмо и хотела пригласить в гости в следующую субботу. Но у меня не было марок, я взяла письмо с собой на завод, чтобы после работы купить марку и опустить письмо. Только не прошло и часу на работе, как мне на голову упала доска весом больше полцентнера. Я слегла на три месяца с сотрясением мозга, а письма так и не отправила. И в то же самое время моя мама тоже слегла больная. Тогда она решила, что погреб заколдован, и запретила туда ходить.

Вот, сударь, почему я Вам не писала. Мне было стыдно писать про такое, потому что Вы бы, наверное, подумали, что я все выдумала.

До свидания».

Вот такие письма мы получили. В соответствии с пожеланием г-жи Ван Э. мы не дали им никакого хода. Но жаль, что не удалось разрешить с помощью электронного детектора загадки Зачарованного Погреба!

Во всяком случае, история очень странная, и все обстоятельства совпали весьма необычным манером — как будто и впрямь кто-то хотел помешать найти клад. Нет, не все на свете подвластно нашему рассудку!

КЛАДЫ И ЧАРОДЕЙСТВО. ЗАКЛИНАНИЯ И ПРИВИДЕНИЯ

У первобытных народов, особенно в тропиках, воображение и золотая лихорадка порождают фантастические рассказы о кладах, где на первые роли выходит магия.

Арабы, с их страстью к чудесам, убеждены, что владевшие до мусульманского завоевания Северной Африкой «руми» все свои сокровища зарыли в землю, а в волшебных книгах написали, как найти эти клады.

Географ и историк Лев Африканский сообщает, что в Фесе в XVI в. были искатели сокровищ, называвшиеся «канназины». Они уверяли, что римляне зачаровали свои богатые клады, а канназины научились снимать эти чары волшебными заклинаниями.

Арабы считали, что проще всего, чтобы добыть клад, обратиться к книге под названием «Книга о науке сокровищ», где описаны все обряды и для поиска потайного места, и для того, чтобы прогнать злых духов. Но эта книга, как говорили, находится в «Константинопольской церкви», куда попала из Толедо. Там же лежали и другие документы, относящиеся к кладам руми. Во всяком случае, все они были недоступны канназинам. Этим прекрасным алхимикам, в особенности сведущим в оккультных науках, пришлось прибегать к помощи магических средств.

Для поиска кладов они прибегали к разного рода зельям, бальзамам, благовониям, порошкам. Но

особенно помогало такое заклинание: «Тамш, Кархатьял, Акфагита, Аккетхоунта, Айя, Шакаткир, Агиркал, Тафут! Не погуби меня, мудрый великан, имен сих ради! Удались от нас чудотворной силою имен сих!». Повторить семь раз. При этом следовало кадить сандалом, стираксом или семенами сладкого рожка. Затем следовало также семь раз повторить следующее: «Алиаксес, Аишакиш, Макса, Аиркуль, Даиг, Маиг, Кинбург, поспешите показать сокровище сказанных имен ради». После этого все великаны и чудовища отступали от клада и становились неопасны.

Египетский академик Ахмед Бей Камал перевел и собрал в своей «Книге о сокрытых жемчужинах» рассказы о кладах. В них отражены и верования канназинов, и отличительные черты восточного воображения.

Вот рассказ о царских рубинах.

«Пойдите из Абу-Шамаха в горах Шаруна, в провинции Минье, в округе Магага, прямо на восток, пока не придете к сухому руслу, изрезанному оврагами. Возле Абул-Дахима есть огромная расселина, в которую поместятся всадник на коне с копьем и еще три повозки. В этой расселине есть источник, а рядом с ним — три ступеньки, занесенных песком.

Расчистите песок, и откроется дорога на холм. У дороги стоит скамейка. Подлезьте под скамейку и увидите дверь с кольцом, а на кольце стоит клеймо и выбиты греческие надписи. За это кольцо вы можете легко открыть дверь и войти внутрь без всякой боязни.

Вы попадете в большую прекрасную комнату, в которой хранится сто фунтов волшебной глины. Раскалите ее на огне докрасна и опустите в чистый уксус — глина раскрошится.

А еще вы увидите в той комнате царское ложе, на котором лежит царь, окруженный го-

рой рубинов такой чистоты и красоты, что никто таких никогда не видел, о таких не слышал и даже помыслить не мог, что такие бывают на свете.

В изголовье у царя лежит семьдесят волшебных стрел, поражающих врагов. Кто хочет избавиться от врага, пусть сделает его фигуру из воска и на ней напишет имя врага и имя его матери, а потом возьмет лук и выстрелит этой фигуре в сердце одной из семидесяти стрел со словами: «Убиваю царя такого-то города». В ту же минуту враг умрет. А если попасть такой стрелой восковой фигуре в голову, у врага голова отлетит от плеч. Запомните: это дело волшебных духов, живущих в тех стрелах.

Еще в изголовье царя стоит ларец, а в нем сорок восемь колец сорока восьми великанов. Кто наденет такое кольцо, тому великан будет верно служить. Захочет стать невидимым — дух сокроет его до тех пор, пока он не снимет кольца.

Но чтобы получить все это, надо прежде, чем войти в комнату, натереться мандрагорой и стираксом, омоченными в человеческой крови. А идти за царскими рубинами надо в пятницу или субботу при полной луне, непрестанно повторяя такое заклинание:

«Ваалшакеш, Михракеш, Акшамкеш, Шакмунхиш, Рекин-шар, Аслех, Баркиаз, Аларкиаз, Яслуб, Яскиюб, Бишгаб, Алгиюб, Битфун, Бисусам, Хусам, Шамкиша, Шемрах, Асмех, Шамахи, самый высший из всех Барах, явился Господь на горе, повалилась гора, повалился Муса! Изыдите, духи, и отступите от того, кто говорит эти слова».

Вот еще легенда о духах, тоже африканского происхождения, но легкая и прелестная. Она показывает, как мрачное чародейство может перейти в поэтический вымысел.

Речь идет о кладе, который будто бы лежит в Могиле Христианки (К'бур Румия). Это гигантское сооружение высотой в тридцать метров и окружностью у основания в пятнадцать на западном склоне пика Милиджа в шестидесяти двух километрах от Алжира. Легенда утверждает, что в этой гробнице хранятся великие сокровища. Быть может, так оно и есть? Но многочисленные поиски пока не дали результата. Историки теряются в догадках о назначении этого сооружения. Первым в гробницу попал 16 мая 1866 года Адриан Бербрюггер, генеральный инспектор исторических памятников.

По преданиям, К'бур Румия — это гробница то ли некой принцессы, изгнанной из Испании в средние века, то ли (говорят другие) усыпальница семьи нумидийского царя Юбы II, умершего в Кесарии около 30 г. н.э. В XVI в. уверяли, что в ней покоится прах Кавы, необыкновенной красавицы, соблазненной вестготским королем Родриком. Ее отец граф Юлиан из мести призвал в Испанию арабов... В гробнице будто бы лежат горы самоцветов, россыпи жемчуга и невероятное количество квадрублонов (двойных испанских пистолей). Еще легенда говорит, что клад откроется только христианину и только при помощи тайного заговора.

Существование клада подтверждают два интереснейших предания.

Согласно первому, один молодой араб по имени Хадж-Ахмет попал пленником в Испанию и горько жаловался на судьбу, навсегда разлучившую его с возлюбленной, прекрасной луноликой Аль Джезаир. Однажды его хозяин, известный волшебник, сказал ему:

— О честный Хадж-Ахмет, склони ко мне слух! Я верну тебе свободу. Но за это в африканской земле ты отправишься на Могилу Христи-

анки, поднимешься на вершину, станешь точно в середине и в этом самом месте сожжешь рукопись, которую я тебе дам. Обещай!

Хадж-Ахмет с радостью согласился и на другой день уже плыл на галере в Африку. Он тотчас же отправился на Могилу и беспрепятственно поднялся по ступеням. Там он, как и обещал, в самой середине свода, сжег пергамент, исписанный тайными знаками.

Гробница тут же раскрылась со страшным грохотом, и из нее, как из вулкана, посыпался чудесный разноцветный дождь золота, серебра и самоцветов. Ливень дукатов, пиастров, экю, пистолей, квадрублонов, изумрудов, алмазов, жемчуга, аметистов и опалов лил и лил, словно источник его был неисчерпаем. Этот дивный фейерверк превращался в тучи, которые вихрем неслись в сторону Испании — туда их призывал волшебник.

Ахмет захотел получить свою долю сокровища и бросил бурнус на кратер, из которого сыпались драгоценности. Тут же чудо прекратилось, гробница закрылась, все золотые и рубиновые искры угасли. В складках бурнуса Ахмет нашел только один камень — но такой большой и прекрасный, что на вырученные за него деньги юноша весь остаток жизни прожил в богатстве и счастье вместе с красавицей Аль Джезаир.

Другое предание еще занимательней.

Один пастух каждый день пас стадо возле Могилы Христианки. Вдруг он стал замечать, что одна черная корова — лучшая во всем стаде — вечером всегда куда-то пропадает, а утром вновь стоит в стойле, как ни в чем не бывало. Никак не мог пастух понять, как такое может быть: в Могилу хода не было.

Вот однажды вечером он спрятался за кустами и стал следить за своей коровой. Видит: она подошла к стене и потерлась об нее. Стена раствори-

лась, корова вошла внутрь, а стена опять захлопнулась.

Пастух чуть с ума не сошел от страха. Видно, он подсмотрел тайну джиннов, а за это люди платят жизнью!

Но настало утро, пастух не умер, стадо тихо паслось на лугу, и черная корова вместе со всеми. Значит, джинны тут ни при чем, решил пастух. А раз так, и он, несчастный бедняк, может попробовать войти в Могилу, взять себе ее сокровища, стать богатым и знаменитым.

На другой день он пошел прямо за коровой. Корова опять потерлась о стену, стена растворилась, пастух схватил корову за хвост и вместе с ней попал внутрь.

Стена бесшумно сомкнулась за ними. Изумленный пастух очутился в большой зале. От блеска самоцветов там было светло, как днем, а богатства кругом — неисчислимы. Были там сундуки, полные драгоценных камней и золотых кувшинов, столбы из серебряных монет, ларцы с рубинами, сосуды, полные изумрудов... А посередине комнаты лежал в золотой колыбели с бриллиантами величиной с куриное яйцо сын феи Халлулы и сосал вымя черной корове.

Пастух собрал в бурнус столько драгоценностей, сколько смог унести, и вышел вместе с коровой. Он ходил туда еще несколько раз, собрал несметное богатство, а сокровищ в гробнице как будто даже и не убавилось! Они и теперь там. Кто пройдет через стену, тот сможет забрать золота и алмазов, сколько душе угодно. Только как через нее пройти?

Есть и еще предание: якобы клад стережет огромная змея Агерра. А еще говорят, что в гробницу ведет подземный ход от берега моря, но у входа в него подвешен острый серп по имени «Расбель Менджель» (Голова для серпа). Он быстро-

быстро качается, так что под ним не проскочить. Вот почему к сокровищам Могилы Христианки не доберется никто, кто не умеет одолеть чар.

Но не только в Африке встречаются заколдованные клады. Во Франции — стране здравого смысла — тоже можно услышать совершенно фантастические истории о сокровищах.

Лучше всего, конечно, чтобы и здравого смысла, и безумия было в меру. А вот любопытная баронесса Мартина де Бертро Босолей, по прозвищу Колдунья — знаменитая минералогистка и радиоэстезистка XVII столетия, — чувством меры не обладала нисколько. Будь ее искусство равно ее вере в открытые ею (якобы) сокровища — быть бы ей первой богачкой на свете. Между тем муж Мартины де Бертро — столь же сумасбродный барон Жан дю Шатле де Босолей — был совершенно уверен в выдающихся способностях своей супруги.

Баронессе принадлежит книга под заглавием «Реституция Плутона», которая открывается посвящением королю, и в нем есть такие слова:

«Но ныне да отверзет Господь очи Вашему Августейшему Величеству посредством меня, смиренной жены, коей Преплагому Богу благоугодно было помочь открыть пути ко множеству сокровищ, сокрытых в рудниках и конях Франции, как некогда Он благоволил помочь Иоанне д'Арк изгнать англичан из пределов наследственных земель, ныне принадлежащих Вашему Величеству».

Приравняв себя, таким образом, к Орлеанской деве, госпожа де Босолей перечисляет все свои титулы, открытия и способы, какими государство может этими открытиями воспользоваться:

«Много раз посещала я рудники и пещеры, где встречались мне карлики ростом в три ладони

или в четыре, старые и одетые так, как бывают одеты: рудничные рабочие, сиречь в старую робу и кожаный фартук, висящий с передней стороны, белую доху с колпаком, при себе имеющие светильник, в руке же посох. Так попадала я в подземные литейни, где грубое отделяется от чистого, и видала таковые опыты, и сама неоднократно их совершала долгие годы. Так узнавая пять примет, кои должно наблюдать для нахождения руд, металлов, вод и источников.

Первая: по отверстиям в земле — примета наиболее очевидная и наименее верная.

Вторая: по травам и растениям, над искомым растущим.

Третья: по вкусу вод, из земли исходящих.

Четвертая: по виду паров, в рассветный час от гор и долин воздымающихся.

Пятая: посредством шестнадцати приспособлений металлических и гидравлических».

При помощи семи металлических прутьев эта родоначальница радиоэстезии открыла невероятные сокровища. Вот их перечень:

вблизи Сен-Беа в Пиренеях: множество золотых жил;

в получасе от Сен-Бертрана: хрустальная жила и две медно-серебряные;

в Ла Бастид-Дельпейра в Лангедоке: жила галатовая и жила купоросовая.

вблизи Турнона: шесть залежей горного масла;

в Веле и Геводане: жилы очень хороших белых и синих сапфиров;

в Саматане: три бирюзовых жилы;

в Пегю в Оверни: аметистовая жила;

под замком Юссон в винограднике Антуана дю Вера: лазуритовая жила;

вблизи города Ди (Дофине): камни и алмазы, подобные алансонским».

Во Франции, пишет далее баронесса, есть все, кроме левантских пряностей, африканских чудовищ, азиатских слонов, львов и иных крупных зверей, канадских бобров и кое-чего еще:

«Есть жилы всех высокопробных камней, как-то: аметистов, агатов, изумрудов, гиацинтов, рубинов, гранатов, сапфиров, бирюзы и даже алмазов; есть помимо того потоки, несущие жемчуг и прочие добрые камешки. Все же находящиеся в жилах металлы несут в себе начало роста, истекающее в виде жирного или густого масла, по которому нередко мы находим золото и чистое серебро...»

В общем, баронесса-радиоэстезистка предложила свою волшебную палочку для королевской службы, обещая извлечь из земли все возможные сокровища. Ее записка, при всей своей видимой нелепости, была утверждена Королевским советом. Но кардинал Ришелье, как человек здравомыслящий, не дал ей хода, а вместо того посадил баронессу вместе с мужем в сумасшедший дом.

В 1740 году в области Бос колдовством, связанным с сокровищами, занялся некто Жан-Батист Потен — чистейшей воды шарлатан и надувала. Легковерные буржуа и крестьяне приезжали к нему в пещеру Дурдан. Там Потен с несколькими приспешниками брался за большие деньги открыть им клады, призывая Астарту и могущество ее. Впрочем, Астарта никогда не отзывалась на призывы, а Потен ни разу не сдержал слова. Один ремесленник, обжуженный таким образом на тысячу ливров, пожаловался в суд 22 августа 1744 года жандармы отправили весь этот «вертеп мошенников и безумцев», как называет мнимых кладоискателей местная хроника, в тюрьму Бисетр.

Мы не знаем, случилось ли то же самое с князем Черенцзи Линдом, Маха Чоаном, Владыкой мира и владетелем прочих мест. Но мы видали этого параноика своими глазами. Его внушительная и, если угодно, важная персона соединяла в себе одержимость баронессы де Босолей, невежество Эмара Верне и бессовестность Потена. Впрочем, надо признать, все это было весьма оригинально. Если бы его пресловутые сокровища Агарты существовали в действительности, все остальные сокровища мира можно было бы просто выкинуть за ненадобностью или спустить на барахолке!

Его невероятная история наделала шума в 1947 году. Мы смеем утверждать, что представляем здесь истинную версию этих событий, поскольку принимали в них непосредственное участие. Между прочим, автор этих строк был самым форменным образом приговорен тогда к смертной казни!

Начнем с начала. В середине июня 1974 года в аэропорту Орли сошел с трапа самолета, прилетевшего с Кубы, человек высокого роста с бульдожьим лицом. Весь его багаж составляли две коробки сигар «Г.Упманн». Его ожидало несколько человек, встретивших путешественника с удивительным почетом, граничившим с подобоострастием. Президенту и даже королю невозможно оказать больше почестей.

Но для встречавших и для двух тысяч других членов Великого Мирового Братства человек с сигарами «Упманн» был гораздо более важной персоной: Владыкой Мира — ни более ни менее!

Любопытно было бы взглянуть в его документы... Но их, само собой, никто никогда не видал. Не станет же Владыка Мира носить при себе свидетельство о рождении и удостоверение личности, зарегистрированные обычными гражданскими властями! Наш властелин называл себя

Маха Чоан (Великий Вождь) Ку Хуми Лал Сингх, князь Черенцзи Линд и проживал постоянно в подземном государстве Агарта в Тибете, где-то между Лхасой и Шигацзе — в общем, у истоков Брахмапутры.

Владыку Мира официально принял один парижский маг — ученик болгарина Петра Деянова, преподававший его философию в «ашраме» в Севре под Парижем. Эти инженеры высшей духовности нисколько не сомневались в том, что князь Черенцзи Линд в самом деле был Всемогущим Владыкой Мира и управлял из своей тибетской Агарты судьбами вселенной.

Владыка поселился в Париже на улице Лезюер. Туда стекались получить его высочайшее благословение толпы босоногих учеников, впадавших в транс. Весь вечер они коленопреклоненно молились, а Владыка Мира с магом обсуждали грандиозные космические проблемы. Так, во всяком случае, полагали эти простаки.

На самом деле Маха Чоан по черной лестнице выводил своего собрата на улицу, и они отправлялись измерять глубины суеты человеческой в варьете Фоли-Бержер, а затем, вящего усовершенствования ради, переходили в иной священный храм, именуемый кабаре Табарен. Там канканерши воздымали конечности, и многие юные девы сияли грешными прелестями своими, а два многомудрых мужа прихлебывали шампанское, изредка вспоминая о верных, проводивших эти самые часы в молитве и взывавших к великому могуществу Владыки Мира.

Конечно, Владыка в Париже и проповедовал, и посвящал учеников, и проводил медитации, а также прочие высокодуховные тусовки... В один же прекрасный день он устроил пресс-конференцию, на которой сообщил нечто совершенно потрясающее:

«Я являюсь потомком Чингисхана и воплощением основателя Теософского общества Ку Хуми. Титул Маха Чоан мне присвоил съезд Великого Совета Агарты. Агарта — это подземное царство посвященных в Тибете, но это имя также носят все мудрецы и великие учителя, правящие миром.

Царство Агарта основано пятьдесят тысяч лет назад. Оно действительно существует и соединяется с гималайскими монастырями огромными подземными ходами — некоторые из них протяженностью до восьмисот километров.

В Агарте живут также низшие существа с длинными когтями и крыльями наподобие летучих мышей. Они одарены разумом; их цивилизация непохожа на человеческую, но сравнима с ней. Со временем они эволюционируют и станут людьми. Ваши предания называют их гномами, сильфами и лешими.

Столица Агарты находится под Тибетом, но само царство — под всеми большими горами планеты. Там существует культура посвященных, чисто умственная и духовная. У нас нет машин, но есть библиотеки, о каких вы даже и мечтать не можете, музеи, где можно найти подлинник леонардовой «Джоконды». Вообще у нас невероятно развиты искусства. В нашей библиотеке хранятся книги из трижды сожженного Александрийского собрания. Есть у нас — исключительно ради эстетического наслаждения — и самые прекрасные драгоценности, которые когда-либо производила Земля: бриллианты в сто раз больше и чище алмаза «Регент», изумруды величиной с яйцо, огромные рубины в немыслимой по красоте оправе. Все это и многое другое, о чем я упоминать сейчас не буду, собрано в одном музее — здании с потолком из горного хрусталя и золотым полом. Это — материальное достояние Агарты.

Все это действительно существует, и мир узнает об этом, когда я приглашу в Агарту журналистов и кинорепортеров. Но сначала я совершу в Париже великие чудеса, чтобы убедить малoverов».

Все это — подлинные слова Маха Чоана, сказанные им на пресс-конференции на улице Лезюер в присутствии десятка журналистов. Еще он утверждал, что говорит на девятнадцати языках и посвятил в тайное знание таких ученых, как Жан Ростан, де Брольи, Жолио-Кюри, Трефуэль и др.

Мы напечатали отчет о пресс-конференции в еженедельнике «Пуэн де вю — Имаж дю монд» 28 октября 1947 года. Договорились мы и об интервью, но в последний момент Владыка Мира отказался от него. Тогда мы разоблачили его обман. Возмущенный шарлатан именем Суда мудрецов Агарты приговорил нас к смерти. По этому поводу в Пригородном Клубе 2 декабря того же года состоялся забавный диспут.

В Италии лжеумудрец и лжеучитель был публично уличен в обмане профессором Туччи, доказавшим, что тот ни слова не знает по-тибетски. Возмущенный обманщик некоторое время еще укрывался в Париже, а потом бесследно исчез в поисках новых простофиль.

К несчастью, в существование сокровищ Агарты приходится верить не больше, чем в высокие познания Маха Чоана, князя Черенцзи Линда и вдобавок Владыки Мира. А жаль!

В 1951 году Марсель Брюгге из Данвиля (Эр) взбудоражил прессу и публику, объявив о чрезвычайно важном открытии подземного города кельтов. Этот блаженный в худшем смысле слова человек напечатал даже проспект о своем откры-

тии, в котором призывал щедрых вкладчиков делать взносы в фонд исследования города. Проспект кончался простодушным обещанием:

«Вклады свыше тысячи франков будут возмещены по составлении нотариальной описи ценностей, находящихся в городе. Вклады посылать по адресу: департамент Эр, город Данвиль, ферма Кулонж».

На самом деле подземный город засекли радиозестезисты, и находился он со всеми своими чудесами возле фермы Кулонж на глубине тридцать метров под землей. Но наш великий друид подробно описывал его роскошь во всех подробностях: он якобы много раз бывал там в астральном теле.

«Кельты, — рассказывал Марсель Брюгге, — воздвигли город тринадцать тысяч лет тому назад, чтобы потомки имели свидетельство их богатства и высокой культуры. В него ведут двое ворот из нержавеющей стали. Город расположен на трех ярусах общей площадью 6400 гектаров. На первом ярусе находится кладбище, на втором — цирк, рынок, зернохранилища и резервуары с питьевой водой, на третьем — огромный музей, где выставлены чучела разнообразных чудовищ в животном и человеческом образе, а также сокровища кельтов: золотые изделия, самоцветы, кусочек настоящего философского камня, заключенный в сердцевидном изумруде».

Казалось бы, как можно верить в такую ерунду? Но Марсель Брюгге уверял, что существует описание кельтского городища руническими буквами на священных табличках наших отдаленных предков. Он утверждал, что часть этих документов находится у него, а часть — в Кельтском комитете в Глазго.

Начали раскапывать входы в сказочный город... Увы! Ничего не вышло — вкладчики до сих пор напрасно ожидают своей доли сокровища...

Трудно было бы поверить и в существование Клада Семи Печатей, если бы одна находка не подтвердила истинность невероятных и таинственных событий, с ним связанных. Но и найденный клад продолжает хранить свою тайну. Его история ждет продолжения, которое непременно должно быть связано с чем-то потусторонним.

Г-жа Ф., законная владелица клада, ни с чем потусторонним дел никогда не имела, пока ей не явился во сне некий человек в розовом камзоле и чулках. Так она его и называет: Розовый Рыцарь. Он приходил несколько раз и рассказывал г-же Ф. нечто весьма интересное.

Она пересказала сновидение мужу, хотя не без опаски: муж не верил ни в какую мистику. Он заявил, что все это бессвязная и неинтересная чушь. Но г-жу Ф. сон смутил — к тому же Розовый Рыцарь являлся вновь и продолжал свои рассказы. Женщина стала записывать их в дневник. До этого момента все совершенно банально: похоже на галлюцинацию или просто сон, слишком сильно подействовавший на впечатлительную натуру.

Розовый рыцарь явился в 1951 году. Потом он исчез, и о нем все забыли. В следующем году г-н Ф. купил в департаменте Сена и Марна, неподалеку от Провена, ветхий домик, отремонтировал его и, совмещая приятное с полезным, стал проводить выходные в занятиях садоводством.

Между прочим, новый хозяин решил расчистить место в саду, засыпав старый погреб. Вместе с каменщиком они выбросили из земли верхние ступеньки, а вечером г-н Ф. с женой пошел прогуляться по саду. Вдруг супруга воскликнула:

— Смотри-ка, видишь там впереди голубой огонек?

— Ничего не вижу, — сказал г-н Ф. — Все-то тебе мерещится.

— Да вон же он пляшет, вон там, у погребца, где ты сегодня копал. Надо проверить, не зарыты там клад. Розовый Рыцарь обещал мне, что я найду клад. Я все записала в дневнике, ты знаешь: и как этот клад выглядит, и какие на нем начертаны таинственные знаки.

— Ну, уж в этом-то погребце точно нет никакого клада: я сегодня там все перекопал, когда вытаскивал эти ступеньки.

Но как же удивился г-н Ф., когда, копнув еще чуть-чуть, он сразу же наткнулся на ларец итальянской работы приблизительно XVIII века! Он даже заподозрил жену: уж не она ли зарыла там этот ларец, чтобы поверили в ее бред?

Такое подозрение никак не вязалось с высочайшей честностью г-жи Ф., а когда увидели, что лежит в ларце, отпали всякие сомнения. Там нашли отделанный жемчугом ридикуль (сравнительно поздний), а в нем — скарабей, служивший печатью, и красную коробочку слоновой кости, украшенную множеством резных свастик. В коробке же нашли золотую гирьку и несколько потемневших, стершихся серебряных медалей. Видно было, что представители многих поколений носили эти медали на груди. Первоначальная экспертиза установила, что самые старые из них относятся к XV в.

Трудно было предположить, что кто-то сознательно спрятал ларец в только что перекопанной земле. Всякие сомнения полностью отпали, когда в треснувшей стенке погреба, недалеко от первого клада, нашли два пенала из сильно позеленевшей меди, а в них семь странных печатей с ладонь величиной, все покрытые кабаллистическими, тамплиерскими, масонскими, розенкрейцерскими, еврейскими, арабскими и Бог знает еще какими письменами. Вероятно, это были, собственно, не печати, а некие опознавательные

знаки. Ими не скрепляли документы, а узнавали по ним друг друга при встречах или при других обстоятельствах. И наверняка они каким-то непонятным — но, может быть, логическим — образом соотносятся с семью печатями Апокалипсиса.

При одном взгляде на эти подернутые патиной бляхи необычной формы — зубчатые колеса, шестиугольники, прямоугольники — с загадочными надписями, среди которых иногда, как утешительная улыбка, расцветает мистическая роза, становится понятно: в погребке с голубым огоньком лежит самый удивительный и таинственный клад, который когда-либо приходилось видеть.

К несчастью, немногим удастся полюбоваться им. Он был обнаружен при таких чудесных обстоятельствах, что г-жа Ф. решила сокрыть его от глаз бестолковых профанов. Ведь перед нами, бесспорно, тайные сокровища тайного общества, о которых ни знатоки оккультной символики, ни шифровальщики, ни члены Великого Востока и Великой Ложи Франции до сих пор не смогли сказать ничего внятного.

В общем, рассуждая трезво и здраво, не поддаваясь на уловки колдунов, но честно признавая очевидное и строя возможные предположения, мы подводим такой итог.

Г-жа Ф. нашла клад при посредстве видения, явившегося за несколько месяцев перед тем.

Обман исключен, поскольку совершенно невозможно подбросить клад, состоящий из вещей столь ценных и редких, что ничего подобного не находится ни в одном музее и ни в одном частном собрании.

Эти печати, бляхи и медали, опознать которые не удалось ни одному специалисту по тайной символике, суть наследство чрезвычайно конспирированного тайного общества. Его последний член — хранитель опознавательных знаков своих

предшественников — спрятал клад либо перед смертью, либо при каких-то чрезвычайных обстоятельствах (например, в войну 1914 года), либо с какой-то конкретной магической целью.

Невероятные обстоятельства находки ясно говорят: очевидно и неизбежно, что эта история будет иметь продолжение, связанное с оккультным миром.

Итак, г-жа Ф. стала наследницей какой-то миссии — невысказанной, но, можно предчувствовать, связанной с возрождением этого тайного общества.

Форма блях, загадочные письма, само их несомненное «бытие» завораживают, тревожат, говорят с нами на каком-то определенном, но еще неразгаданном языке. Ясен только общий смысл: связь с тайным обществом. Остается ждать или спровоцировать продолжение этого таинственного дела, которое, вероятно, должно наступить в наше время.

Заслуживает внимания такая гипотеза. Неоспоримо, что после истребления тамплиеров орден продолжал существование и, возможно, в двух формах. Ритуальную ветвь ордена возглавил Гишар де Божё. Другая, более эзотерическая, ветвь была основана еще раньше. Печати служили знаками принадлежности к этому закрытому ордену. Его члены занимались главным образом алхимией в сотрудничестве с арабскими и еврейскими мастерами этого искусства. К этому ордену принадлежал Жак Кёр, состояние которого было конфисковано Карлом VII, а затем вновь нажито — как говорят, при помощи философского камня. А что сказать о «штурманах» Жуана II Португальского? Они за десять лет до Колумба отправились искать золото в Бразилии, а дни свои закончили на Азорах или на Мадейре, вдали от любопытных глаз...

Как соблазнительно представить себе этих «штурманов» с истершимися за века серебряными медальками на груди, принимаемых в орден единоклассным согласием его членов, участвующих во всех великих морских открытиях, а в будущем, быть может, опекающих завоевателей космоса!

Г-жа де Грация полагает, что печати принадлежали алхимикам — точнее, рыцарям-алхимикам. Она даже смутно подозревает, что на одной восьмиугольной бляхе записан секрет Великого Дела: семиступенчатый процесс, ведущий к получению золота.

Но в любом случае — пусть даже тайна эта никогда не прояснится — клад Семи печатей останется одним из самых «потусторонних» в истории кладоискательства. Все, кто имел привилегию созерцать его, сохранили в памяти дивный, волшебный образ семи пластин с таинственными письменами.

НЕУЛОВИМЫЕ КЛАДЫ. КЛАДЫ-ПРИЗРАКИ

Чем дальше люди ищут клад, тем верней он исчезнет, а если не он сам, то страдает его репутация.

Ореол самого знаменитого клада — сокровищ инков — не померк потому, что никто и не пытается к нему подобраться. Престиж сокровищ Виго, напротив того, значительно упал после того, как с 1955 по 1961 год аквалангисты безуспешно искали их в илистом дне. Клад с корабля «Герцог Флорентийский» или клад графа Эрджила постигла та же участь. Никто больше не проявляет к нему интереса.

В сентябре 1688 года, после разгрома Непобедимой армады, большой галион «Герцог Флорентийский» зашел в бухту Тобермори на севере Шотландии для ремонта и чтобы запастись продовольствием. Шотландия не воевала с Испанией, но клан Кэмпбелов напал на галион. Атака не удалась, и Кэмпбелы предложили мир. За это испанский капитан Перейра должен был помочь главе клана Лэклэну Маклину одолеть враждебный клан Макдональдов.

Это дело оказалось успешным. Перейра благополучно починил галион и уже собирался отплыть, когда на борт явился сын Маклина, требуя оплатить золотом взятое кораблем продовольствие. Капитан полагал — и справедливо, — что он за все уже рассчитался участием в войне. Он взял и просто заковал молодого человека в канда-

лы. Тот решил, что дело его пропащее, поджег порох и взорвал судно.

«Герцог Флорентийский» покоится на глубине 18 метров от берега — «на расстоянии брошенного камня». В 1641 году указом (впрочем, оспоренным) короля Карла I наследником затонувших сокровищ был объявлен граф Эрджил, потомок Маклинов. Испанские власти еще в XVII в. объявили, что никаких сокровищ на корабле не было, что весьма вероятно. Но предание упорно гласит, что там было на два миллиона ливров золота, драгоценных камней и дублонов.

Постоянно ищут сокровища Мономотапы и, кроме разочарований, ничего не находят. Мономотапа в центре кафрских земель, возможно, тождественна Офиру царя Соломона. По преданию, там проходят золотые жилы и спрятаны сокровища кафрских царей.

С тем же упорством, достойным лучшего применения, американцы каждый год пускаются на безнадежные поиски мнимого сокровища пирата Жана Лафитта, затопившего свой фрегат «Гордость» в мутных водах бухты Гальвестон у Уоллисвилла (Техас).

А клад в Жизоре (Эр), якобы обнаруженный г-ном Роже Ломуа в диковинном подземном храме? А баснословные сокровища Роммеля? Об их существовании мы знаем только по сомнительным, десять раз измененным показаниям чеха Петера Флейга — эсэсовского солдата-водолаза, — который якобы затопил эти сокровища в шести контейнерах где-то к югу от Бастии (Корсика).

По рассказам Флейга при африканском корпусе Роммеля было специальное подразделение — «Отряд охраны ценностей» (ООЦ), — имевшее задачей грабить банки и собирать таким образом походную казну. 8 мая 1943 года казна ООЦ была

доставлена из Бизерты в один итальянский порт. Тут начинается настоящая Одиссея.

— Я служил водолазом на итальянской базе Ла Специя, — заявил Петер Флейг. — 17 сентября я получил команду сесть на торпедный катер, под покровом ночи отправлявшийся курсом на Корсику.

Но в других случаях Флейг утверждал, что служил он квартирмейстером, а казну на корабль грузили под надзором гестапо в Каstellамаре в Неаполитанской бухте.

В любом случае штандартенфюрер Людвиг Далль перед выходом в море проверил содержимое коносамента — шести упакованных деревянных контейнеров общим весом 10324 кг. Петер Флейг помогал поднимать крышки и видел «колоссальные сокровища Африканского корпуса». Теперь их называют «сокровищами Роммеля». Груз включал: золотые монеты (луидоры, доллары, пиастры); золотые и платиновые слитки; золотую посуду (!); церковную утварь; драгоценные камни общим весом 20 тысяч каратов. По завершении проверки катер направился на Корсику, где его должен был встретить конвой.

— Однако, — рассказал Петер Флейг, — на рассвете, прибыв в Бастию, мы попали под жесточайшую бомбежку. Американская воздушная эскадра уничтожила весь город, а корабли конвоя сгорели, затонули или скрылись.

Что было делать?

Штандартенфюрер Далль посоветовался с другими офицерами и решил затопить сокровища несколько южнее — как он уверял, согласно имеющимся приказам.

Так Флейг показывал в 1951 году. В 1948 он утверждал обратное: ни о какой бомбежке не говорилось, а сокровища по этим показаниям лежали в бункере в самой Бастии, причем немцы-

эсэсовцы будто бы любезно допустили чеха Флейга присутствовать при вскрытии контейнеров.

— Это было как в волшебной сказке! — говорил он. — Эсэсовцы рылись в больших ларях, полных бриллиантов, жемчуга, рубинов, золотых слитков, монет и утвари... Я заметил там две картины, подписанные Шагалом и Пикассо.

Все это было, как в романах, насыпано навалом и стоило, как минимум, 20 миллионов фунтов стерлингов. В бункере находилось шесть контейнеров, точные размеры которых : 80x40x40 см.

На другую ночь катер, потушив огни, вместе с сокровищами вышел из порта, миновал косу залива Бигуля и на рассвете остановился против устья Голо. Флейг нырнул, на глубине 55 метров нашел уже ранее замеченный им подводный грот, куда и спустили контейнеры. Всякий подводник знает, что в октябре на глубине 55 метров в такую рань вообще ничего не видно. Спички он, что ли, под водой жег? Да и попробуйте найти в таких условиях грот — тем более, что берега в этих местах плоские, как в степи!

Разумеется, надо было заметить место. Тут Флейг тоже предложил две версии. Сначала он сказал, что Далль засек место секстантом и отметил его на морской карте. Флейг, обычно такой забывчивый, будто бы видел эту карту и запомнил геодезические координаты: 340—208—262. Несколько лет спустя он уже утверждал, что Далль не умел делать геодезической съемки. Тогда сам Флейг засек алидадой место по трем реперам: дом на скале, маяк и купа деревьев.

В общем, сокровище утопили, и Флейг уверял, что Далль с товарищами действовали в своих корыстных интересах, а не по приказанию начальства. Почему-то столь коварные и неверные долгу офицеры проявили беспримерную наивность: показали чеху сначала сами сокровища,

потом съемку местности — и не убили его, знающего такой секрет! По возвращении в Ла Специя офицеров расстреляли, а Флейга оставили в живых, но отправили на Восточный фронт. В 1948 году он объявился в Баден-Бадене и доложил французской военной жандармерии о существовании клада.

Здесь начинается серия невероятных приключений, которая должна была бы раскрыть глаза самым легковерным.

В августе французское правительство в лице Министерства дорог и мостов под наблюдением комиссара Жерома Буонкуори организует первую попытку поиска сокровищ. Флейг уверяет всех в правдивости своих слов, но одно чрезвычайно важное обстоятельство сдерживает его энтузиазм: в случае успеха он получит лишь какой-то незначительный процент, а не треть, как он того хотел. Тем не менее он отправляется проводником с экспедицией, прибывает к устью Голо (где, разумеется, никогда прежде не бывал) — и там его вместе с организаторами поисков ожидает пренеприятный сюрприз. Нет там никакого дома на скале, нет маяка, а вот куп деревьев несчетное множество.

Растерянный Флейг бормочет что-то невнятное, но его спутники одержимы золотой лихорадкой, поэтому им можно вешать на уши любую лапшу. Долго ищут, наконец, в трех километрах от указанного места находят деревеньку Поретта (или развалины древней церкви в Канонике), а деревья выбирают наудачу.

Флейг начинает нырять. Нырять, нырять... Рельеф дна он, по его словам, узнает, а клада нет как нет. Все рушится; мысли возвращаются к съемке местности. Тут вспоминают, что где-то тут раньше стояла вежа, которую при желании можно было назвать маяком. Но теперь ее больше нет: надо запросить Морскую службу в Марселе, где она была раньше.

Проходит несколько дней. Наконец Марсель ответил. Поставили на месте «маяка» новую вешку и перемеряли триангуляцию. Опять погружения, опять разочарования... Флейг заметил, что оптимизма в его спутниках поубавилось и они стали косо на него посматривать. Он решил смыться, но сначала имел неосторожность стянуть кинокамеру и бинокль. Его отвезли в Бастию, отдали под суд и приговорили к двум месяцам тюрьмы.

Ну, вот все в порядке. Лучше уж сидеть за решеткой, чем все время лазить в воду, притворяться, что что-то ищешь, придумывать, что еще соврать...

5 декабря Флейг вышел из тюрьмы и пропал. Позже он сделал поразительные признания для прессы:

— В тюрьме я познакомился с неким Маттеи, который заинтересовался этим делом. Но я узнал также, что сразу после освобождения меня хотят похитить гангстеры, и уведомил об этом полицию. Поэтому начальники отпустили меня раньше срока, но они и сами хотели вытянуть из меня секрет. Я их повез в Поретту, чтобы отвязались, и там мне повезло: гангстеры напали на фараонов. Они постреляли друг в друга, а потом мы спешно вернулись в Бастию. Там меня держали под надзором в отеле Гримальди, но мне удалось сбежать.

Через несколько месяцев он живописал подробности своего бегства так:

— В отеле у меня была девушка. Ее звали Кончетта Миранди. Скоро я понял: мне ее подсунули, чтобы я проболтался, где на самом деле клад. А я ничего не хотел говорить французам: мне нужна треть клада и не меньше. Я Кончетте ничего не рассказал. Но как-то раз я ее застал в постели с одним немцем, который мне сразу показал знак СС у себя под мышкой. Я-то свою метку

вывел, но он меня знал. Он сказал так: «Я Рольф Дитерле, помощник штандартенфюрера Далля. Кончетта — моя жена. Мы с ребятами пришли помочь тебе смыться. Только никому не говори, где клад, кроме наших, конечно». И на другой день меня уже в Бастии не было.

Впрочем, журналисты так разукрасили от себя все эти приключения, что теперь уже не разобраться, где рассказы Флейга, а где измышления репортеров. Неизвестно даже, существовала ли на свете черненькая Кончетта Миранди. Вроде бы единственную женщину, хоть как-то замешанную в этом деле, звали Блондинка Рита.

Так или иначе, клад пытались добыть еще несколько раз. В 1952 году торговец железным ломом Лебенберг, Рут Ронди и Генри Хелле на яхте «Старлена» угодили под пароход в самом порту Бастиа. Вскоре Хелле на другой яхте, «Цыганская невеста», попал в такую аварию, что починить яхту не удалось. Эти аварии показались странными.

В 1954 году в Бастии все были заняты поисками пропавшей в море «Кометы». Тем временем Флейг вновь объявился и под шумок попытался опять достать «сокровища Роммеля». Чех пришел к марсельскому адвокату Кансельери и предложил ему отправиться вместе на поиски клада. Адвокат согласился при условии, что в деле не будет замешана СС. В этой сомнительной операции приняла еще участие фирма морских поисков «Лоуэлл Х. Вурхайз» из Генуи. Ничего не вышло, а Флейг снова пропал.

«Он хочет развязаться со своими дружками из СС», — уверял всех Кансельери. С этими мечтами он и скончался в марте 1958 года. Вскоре Лоуэлл Вурхайз получил письмо. В конверте оказалась вырезка из немецкой газеты с сообщением об аресте бывшего эсэсовца Рольфа Дитерле и бумаж-

ка с лаконичным текстом: «Ждите меня. Петер Флейг». Он объявился в последний раз — с тех пор о нем ни слуху ни духу.

В том же 1954 году один коммунист из Танжера, американец по фамилии Корри, объявил, что у него есть план роммелевского клада. Он вступил в переговоры с советским послом в Париже Виноградовым, который выдал Корри на расходы сто тысяч долларов. Разумеется, американец тут же исчез в неизвестном направлении.

Но дело тем не кончилось. За ним до сих пор тянется — и будет тянуться дальше, как морской змей, — хвост всяческих фантазий.

В 1961 году на Лазурном берегу арестовали вора по кличке «Красавец Саша», специалиста по драгоценным камням. Между прочим, он не то сбывал, не то укрывал камушки, владелец которых так и не объявился. Как они к нему попали? Большинство полагает, что Саша нашел клад, спрятанный в войну евреями. Потом немцы заплатили его владельцам такую щедрую компенсацию — в несколько раз превосходящую стоимость сокровищ, — что они уже о нем не заботились. Но иные думают, что речь здесь идет о кладе Роммеля.

В августе 1961 года одна вечерняя газета напечатала такую заметку об убийстве ныряльщика Андре Маттеи:

«Новая жертва сокровищ Роммеля.»

Молодой корсиканский ныряльщик Маттеи был убит близ деревни Проприано несколькими выстрелами из кольта калибра 11,45. Не нашел ли он в самом деле, как уверяют некоторые, клад Роммеля? До него этот клад много лет искал Петер Флейг, убитый затем мафией, пытавшейся выведать его секрет».

Такова легенда о пресловутом кладе Роммеля. Но вот что несколько раз энергично произнес сам Флейг:

— Я лгал, и все, что я говорил, — неправда. Сокровища Роммеля спрятали в одном итальянском монастыре, затерянном в горах.

Что-то похожее на свидетельство прозвучало из уст бывшего партизана Луи Борда:

«В ночь с 17 на 18 сентября 1943 года я был с отрядом корсиканских партизан в деревне Порретта. Союзная авиация бомбила немецкий конвой, направлявшийся в Италию. В свете разрывов я увидел в бинокль недалеко от берега торпедный катер. Было три часа ночи. Я ясно видел, как несколько человек на катере бросали с борта такие огромные ящики, что волна от них качала корабль».

Кому верить? Чему верить?

Невероятная история, запутанная, заковыристая. А была бы простой и ясной как день, будь она правдивой.

Абсолютно непонятно, почему Флейг просто сам не поехал и не поднял клад со дна. Если он знал место, достаточно было нанять любое суденышко, поставить лебедку, нырнуть с аквалангом, зацепить фалом ящики и вытащить на борт.

Положим, тут для Флейга есть некоторые трудности: он иностранец, засвечен, да и помощники нужны...

Совершенно верно! Поэтому он и позвал на помощь адвоката Кансельери. И это лишний раз доказывает, что Флейг либо мистификатор, либо просто надул своего компаньона, получив бесплатно все необходимое снаряжение.

Говорят, что эсэсовец Флейг действовал по приказу штандартенфюрера Далля, который воспользовался его помощью и судном. Но в это как-то не очень верится. Неужели Далль, спрятав

клад, сохранил жизнь какому-то подозрительному солдату? И неужели угрожавшие Флейгу эсэсовцы оставили его в живых, но не забрали клад? Быть того не может.

Ведь известно, что поисками сокровищ под водой во всем мире занимаются немецкие, итальянские, французские и прочие националисты, не скрывающие своих политических убеждений. И вот что поведал нам один из них:

— Флейг мошенник. Все, что он рассказывает, — чистая выдумка, сочиненная, чтобы выцганить денег у дураков. Если бы клад существовал, мы бы его давно достали. Вы прекрасно знаете, что мы бы не оставили в живых Флейга с таким секретом. Впрочем, может быть — даже вероятно, — что мы как-нибудь при случае казним Флейга за оскорбление памяти великого воина Роммеля. Кроме того, могу вам сказать: для верности, а больше для забавы, чтобы иметь какую-нибудь цель, сотни аквалангистов из наших отрядов обшарили метр за метром все восточное побережье Корсики от северной оконечности до южной. Никаких контейнеров в прибрежном песке они не обнаружили.

Мы разрешаем вам опубликовать это заявление, и никто из наших товарищей ни в Германии, ни во Франции, ни в Бельгии его не опровергнет.

Вот конечный итог наших поисков, но не конец легенде: аквалангисты и ныряльщики еще много лет будут искать таинственные сокровища Роммеля. Занятие не хуже других...

Так же неуловим и, возможно, так же призрачен знаменитый клад капитана Кидда.

Эти слова горят огненными буквами в летописи кладоискательства, а в старой Англии при имени Кидда всегда начинает сильнее биться чье-нибудь сердце...

Кидд родился в Гриноке, в Шотландии, около 1645 года. Он был капитаном и владельцем нескольких торговых судов, проживал с женой и детьми в Нью-Йорке. В 1696 году король Вильгельм III поручил ему бороться с пиратами, свирепствовавшими на всех морях, и, если возможно, арестовать грабителей и флибустьеров: Томаса Тью, Томаса Уэйка, Уильяма Мейза, Джона Ирланда и других.

Но Вильгельм III, хотя и называл Кидда «дорогим другом», забыл положить ему жалованье. Пришлось восполнить этот пробел графу Белломонту, губернатору Массачусетса. Он предоставил морскому полисмену некий процент «от грузов, кои будут захвачены на пиратских судах». Полицейская экспедиция была снаряжена и вооружена на средства частной компании, в числе крупнейших акционеров которой были граф Белломонт и другие английские лорды.

Сперва корабль Кидда «Адвенчур Галлей», фрегат со ста сорока пятью членами команды и сорока пушками на борту, в поисках нарушителей закона направился на юго-восток. Он заходил в гавани Мадеры и островов Зеленого Мыса, потом обогнул мыс Доброй Надежды. Кидд думал, что в Индийском океане полицейская операция имеет больше шансов на успех, чем в Атлантическом, над которым и так был хороший надзор. Но увы! Месяц за месяцем «Адвенчур Галлей» крейсировал вдоль Мадагаскара и африканского побережья — но не встретил ни одного хоть плохонького флибустьера... С ума сойти! А ведь надо было жить, запастись провиантом, содержать в порядке судно и такелаж...

Вернуться с пустыми руками в Нью-Йорк? Какой позор для искателя приключений! К тому же нетрудно было догадаться, как в этом случае встретят экспедицию хозяева фрегата. В общем,

экспедиция бесславно проваливалась. Экипаж, грезивший боями, добычей, золотом и самоцветами, совсем пал духом.

Однажды главный канонир Уильям Морр по какому-то пустяку сильно поссорился с Киддом. Капитан в бешенстве так ударил его деревянным ведром, что тот на другой день скончался. Этот случай, наверное, и решил судьбу корабля.

Последние моральные устои, еще как-то сдерживавшие членов экспедиции, в одночасье рухнули. Всеми умами овладел психоз пиратства.

20 сентября 1697 года Кидд захватил мавританский парусник под лукавым предлогом, что все мавры вообще известные пираты. Груз на судне был не особо ценный: шелк, перец, благовония, но этого хватило, чтобы раздражить нездоровые желания команды. Сам Кидд не особенно сильно боролся с угрызениями совести и под разными незаконными предложениями начал захватывать подозрительные, а то и просто первые попавшиеся суда. В общем, наступил момент, когда никто уже не собирался скрывать свое пиратство.

27 ноября был разграблен корабль «Мэйдн»; затем корабельную казну пополнили другие, менее значительные трофеи. Первый сезон охоты блистательно завершился захватом большого стопятидесятитонного судна «Кедеф Мерчент». Затем решили зайти в гавань, пересчитать добычу и разделить по флибустьерским законам. Кидд решил уничтожить свой корабль, ставший слишком известным как пиратское судно, и отправился в дальнейший путь на «Кедеф Мерчент», быстром и надежном паруснике.

Ценностей на борту хватало: дорогие товары, пряности, шелка и другие ткани, сахар, селитра, а вдобавок — пиастры, серебряные монеты, жемчуг, алмазы, рубины, золотые украшения на общую сумму в четыреста тысяч фунтов стерлин-

гов. Надо только было доставить этот груз в Америку и там доказать законность его происхождения. Задача трудная! Ведь Кидд теперь стал известен по всему земному шару, однако известность, в общем, служила больше к его чести.

Да, он был пират, но благородный пират. Кидд всегда оставлял жизнь морякам с захваченных судов, хотя и знал, что такое милосердие будет дорого ему стоить. Ведь ограбленные могли, вернувшись домой, рассказать о своих злоключениях, и тогда станет известно, кто на них напал.

Между прочим, именно из подобных донесений пострадавших мореплавателей ясно, что Кидд никогда не заходил дальше семьдесят пятого меридиана и уж подавно не бывал в Китайском море, где молва обычно помещает его клад.

Итак, Индийский океан стал опасен для Кидда. На новом корабле он опять обогнул мыс Доброй Надежды и направился к Америке. Продолжал ли он пиратствовать на обратном пути? Возможно, даже наверняка. Во всяком случае, он плыл домой с редкой беззаботностью, даже не подозревая о грозящей опасности. Полагают — и это, без сомнения, верно, — что Кидд вообще не так уж много занимался разбоем, и на нем не было ни одного убийства, кроме случайной смерти Уильяма Морра, и что он рассчитывал остаться в своих подвигах неопознанным. К тому же он надеялся на поддержку короля и важных вельмож, которым вез богатую добычу. А раз так, Кидд полагал, что может спокойно вернуться в Америку.

В октябре 1698 года «Кедеф Мерчент» подошел к острову Ангилья в Антильском архипелаге.

Ангилья находится к северу от Карибских островов под 18°20' северной широты и 65°42' западной долготы. Это низменный песчаный остров с чрезвычайно изрезанной и извилистой береговой линией, за что и получил свое имя, означающее «Угорь».

Команда после долгого перехода через океан с радостью сошла на берег. Но Кидд остался на борту: видно, был не вполне спокоен. Может быть, он не хотел оставить без надзора свои собственные ценности: камни, жемчуг и прочее. Каждый член экипажа получил свою долю драгоценностей, остальные же товары предназначались судовладельцам.

Вернувшись, матросы принесли дурную весть: «Адвенчур Галлей» был занесен в списки пиратских судов, а капитану предъявлено обвинение в «вооруженных грабежах в водах, подлежащих суду Адмиралтейства». Это означало, что его признали пиратом, что влекло за собой смертную казнь или по меньшей мере вечную каторгу.

Но угроза не особенно испугала Кидда. Если его и признают виновным в грабеже (а это надо еще доказать), то уж никак не обвинят в убийстве, потому что он в самом деле никого не убивал. Все же он осознал, чем рискует: ему угрожали тюрьма и крупный штраф.

Но раз Кидд принял решение сдаться властям, понятно, что он в первую очередь позаботился о сокровищах. Не так же он глуп, чтобы вернуться в Нью-Йорк, имея при себе или на судне свои несметные богатства? Немыслимое дело!

Попав в ловушку, Кидд должен был позаботиться о собственной защите. В первую очередь надо было спрятать ценности в надежном месте. А есть ли для клада место надежней, чем многочисленные извилистые бухточки Ангильи?

Капитан мог просто как-нибудь до рассвета сесть один в шлюпку и отвезти ларец на берег. Он весил не больше тридцати—сорока килограммов. До берега было недалеко, и доплыть туда под покровом ночи не составляло труда. Ничуть не труднее зарыть ларец до лучших времен на несколько футов в песок.

Вероятно, так оно и было. Мы считаем, настоящий клад капитана Кидда зарыт на берегу не далее трех миль от города Ангилья.

Итак, сокровище спрятано. «Кедаф Мерчент» появляется на Испаньоле (нынешнем Гаити), бросает там якорь. «А теперь будь что будет», — думает Кидд. Сознание невинности и оставленный на Испаньоле залог придают ему силы. Он садится на шхуну «Антонио» и отправляется в Нью-Йорк. Судовладельцам — лордам Белломонту, Орфорду (первому лорду Адмиралтейства), Соммерсу, Ронни и герцогу Шрюсбери — он сообщает, что в их распоряжении находится богатейший и наизаконнейшим образом добытый груз.

Но грабежи «Адвенчур Галлей» наделали гораздо больше шума, чем предполагал Кидд. Скандал был таким громким, что титулованные судовладельцы, несмотря на все свои титулы, не рискнули заступиться за своего капитана. Напротив, они еще больше ужесточили обвинение. Потрясенный Кидд был не в силах поверить собственным глазам и ушам: его объявили врагом общества, первым пиратом в мире! Он был взят под стражу, доставлен в Англию и там больше двух лет провел в тюрьме. 8 мая 1701 года суд Олд Бейли приговорил Кидда и девять членов его команды к смертной казни.

Кидд настаивал на своей невинности. Говорят, что, услышав обвинительный приговор, он сказал судьям:

— Я знаю, где зарыт большой клад, и могу показать вам его, если вы сохраните мне жизнь.

Но 23 мая 1701 года его повесили в Экзекьюшн Док. Веревка оборвалась, и тогда Кидд все-таки признался тюремному священнику Полю Лоррену в грабежах — но не в убийствах. Затем несчастного повесили опять, на сей раз успешно.

Из всего этого вышло, что одного из самых неприметных пиратов, который по всей справедливости должен был бы оставить в летописях флибустьерства совершенно незначительный след, невероятный поворот судьбы удостоил незаслуженной известности и незаслуженно сурового наказания. История его клада разбухала вместе со славой самого Кидда и вошла в легенду с совершенно невероятными подробностями. По свету стали гулять всякие планы и описания, так что вскоре «баснословный клад Кидда» взбудоражил все умы.

В конце XIX века его якобы нашли на острове Гардинер в штате Мэн (США). Была составлена его опись; общая стоимость оценивалась в десять миллионов золотых франков. Но этот клад, бесспорно, не принадлежал Кидду: он не рискнул бы, да и не мог бы взять с собой добычу, отправляясь к хозяевам.

Указывали еще тайники то на юге Новой Шотландии, на острове Оук (Дубовом), то в пещере Коко Ломо в бухте Санта Елена на тихоокеанском побережье на границе Никарагуа и Коста Рики — там будто бы зарыто несколько ларей с золотом. Все это неправдоподобно и даже просто невозможно.

Так же невозможно, без сомнения, обнаружить этот клад на Дальнем Востоке. Но именно эта версия больше всего распространена, а главное, разукрашена донельзя романтическими и экстравагантными деталями.

В 1950 году английский капитан Мамфорд решил отправиться на поиски, но его экспедиция так и осталась в проекте. Осуществить ее взялся канадец Джефффри Тейки на восьмидесятитонном тендере «Ла Котента». У Тейки была карта, указывавшая место клада, с собственноручными пометами Кидда. Экспедиция отправилась в путь и пропала.

Дело возобновилось в 1953 году. Английский адвокат из Истборна Хьюберт Пальмер приобрел у одного антиквара сундуки и оружие, значившиеся как принадлежавшие Кидду. Под двойным дном одного сундука он нашел обрывок морской карты XVIII столетия с очертаниями острова, обозначенного как «Остров Скелетов». Слева сверху можно было прочесть надпись: «Китайский берег». В других сундуках, также в двойном дне, Пальмер обнаружил другие клочки. Сложенные вместе, они давали разгадку клада таинственного «Острова Скелетов». Карта была разорвана на кусочки с тем, чтобы случайные похитители не могли по одному из обрывков найти остров и тайник на нем.

Хьюберт Пальмер внезапно скончался, не успев организовать экспедицию. Все состояние вместе с картой он завещал своей гувернантке миссис Элизабет Дик. И тотчас искатели приключений с картой адвоката в руках отправились на Дальний Восток. Несколько охотников и тринадцать человек команды отплыли из Госпорта в Англии на стодвадцатитонной шхуне «Ла Морна». Но уввы! Три дня спустя после отплытия «Ла Морна» попала в бурю и бесславно прекратила существование, разбившись у берегов острова Уайт.

Вот история этого клада, который приписывается Кидду, согласно английским документам. «Остров Скелетов» обозначен на карте под двадцать пятым меридианом. Там зарыто сто миллионов франков по счету того времени — сокровища, якобы награбленные Киддом, когда он плывал на «Адвенчур Галлей», у Великого Могола и «государя всея Индии» Аурангзеба.

Пират будто бы отвез сокровища на маленький необитаемый остров. Вместе с помощником капитана они убили всех сопровождавших, а трупы распяли на деревьях так, чтобы каждый указы-

вал рукой дорогу к месту клада. Потом Кидд якобы зарезал и помощника, чтобы только он сам остался владельцем секрета.

Положим, какое-то время скелеты могли висеть на деревьях, но очевидно, что с течением времени не осталось уже ни скелетов, ни деревьев. В документах значится также, что по дороге должно встретиться некое дерево необычной формы (его тоже больше нет). Оттуда нужно идти к низине, именуемой «Долина Смерти». Клад находится «на глубине пяти брассов». Следует полагать, что он захоронен в какой-то речке или лагуне.

Другое предание гласит так: «Клад находится на острове на дне озера. Иди туда Долиной Смерти. Вдоль дороги лежат безглазые лысые черепа». Отсюда пошла легенда о «безглазых лысых ангелах» капитана Кидда.

Этот остров должен быть к северу от Филиппин, в смертоубийственном, как утверждают туземцы, архипелаге, известном как Отец тайфунов: предполагают, что именно там зарождаются самые страшные бури. Если на острове и есть подобный клад, он, конечно, не имеет никакого отношения к Кидду. В морских сводках ничего не говорится о его плаваниях в Китайском море. Да и легенда об «ангелах» и массовых убийствах никак не соответствует образу добродушного «случайного» пирата, каким был Кидд. На худой конец можно думать, что в 1697 году он захватил судно какого-то настоящего морского разбойника. Там среди судовых документов он мог найти планы клада, о существовании которого Кидд прежде не подозревал.

Как бы то ни было, «клад капитана Кидда», спрятанный на острове в Китайском море, отныне и навеки стал объективной реальностью. Такова чудесная сила легенд и вообще всего того, что

не существует на свете, но льстит нашему воображению...

В 1956 году дело это вновь всплыло в связи со случайной находкой на острове Йокоате в южной Японии (к северу от Риу Киу) клада, предположительно названного кладом Кидда. Производя раскопки на счет финансиста Масахиро Нагашимы, японские археологи открыли в коралловом гроте склад слитков серебра и железные сундуки, наполненные золотом. Господин Нагашима продемонстрировал журналистам несколько слитков и китайских золотых монет, после чего передал клад правительству (?).

Вот все, что связано с легендарными сокровищами капитана Кидда: вероятное и невероятное, возможное и абсурдное.

Мы думаем, что золото и самоцветы симпатичного пирата никогда не обогатят искателей сокровищ, но вопреки всему будет существовать чудесный роман о них. А увлекательный, драматичный, живописный роман — вещь не менее стоящая, чем сам клад!

СОКРОВИЩА ПЛУТОНА

Если бы чудесным образом найти все сокровища, зарытые в земле и лежащие на морском дне, да собрать вместе все это золото, серебро, жемчуг и самоцветы, недурная получилась бы горка!

Но мы никогда не увидим этого непереносимого сияния по той простой причине, что не меньше половины спрятанных и затонувших сокровищ достать уже невозможно. Сокровища, зарытые в земле, по достоверным, хотя и плохо еще изученным законам геофизики со временем поднимаются на поверхность. Напротив того, тонны золота и других ценностей, спрятанных в каменных пещерах, в подземельях зданий, в горных расщелинах, неизбежно становятся добычей косной материи, и даже чудо не сможет вновь явить их на свет. А сокровища, затонувшие в океане, разве что русалки принесут для украшения дворцов морского царя...

То, что лежит на океанском дне на глубине более двухсот метров, технически недоступно, по крайней мере, при современном состоянии подъемной техники. Несмотря на это, англичане еще надеются достать ценности с «Титаника», затонувшего на глубине 4600 метров в 150 километрах к югу от Ньюфаундленда.

14 апреля 1912 года «Титаник» — гигант водоизмещением 60 тысяч тонн, принадлежавший компании «Уайт Стар Лайн», столкнулся с айсбергом и пошел ко дну вместе с восемью миллиарда-

ми франков и, к сожалению, полутора тысячами пассажиров. В июле 1954 года английское судно «Хелп» попыталось спасти ценности. Но мало шансов, что сокровища «Титаника» когда-нибудь явятся на поверхность.

Пропали также золотые самородки и золотой песок, рассеянные вокруг обломков парохода «Айлендер», также разбившегося об айсберг у острова Дуглас. Пропали пятьсот миллионов золотых франков с «Лузитании», потопленной немецкой подводной лодкой у Кинсейла (Ирландия), и миллиарды со множества судов, затонувших в глубоких морях по всей планете.

С этим еще можно смириться как с неизбежностью. Но больно видеть, как люди добровольно высыпают бесценные алмазы в Северное море. Между тем такое вполне официально совершилось в марте 1948 года.

Незадолго до последней войны в Хертлпуле (графство Дарем) умер эксцентричный доктор Ваткинсон. Вскрыли его завещание и с изумлением прочли следующее:

«Все мои драгоценности следует, положив в ларцы, бросить в море в двух милях к северу от Хертлпула, в месте, обозначенном на прилагаемой карте. Я пришел к заключению, что драгоценности являются источником обмана, вероломства, насилия и несправедливости, что обладание драгоценными камнями порождает гордость и тщеславие и, в конечном счете, приводит к моральной деградации. Посему я счел за благо уничтожить эти предметы, развращающие человеческую натуру.

Остальное мое состояние в размере десяти тысяч фунтов стерлингов переходит моему сыну, однако лишь после того, как он исполнит мою волю относительно затопления драгоцен-

ных камней. В случае его отказа сделать это, завещаю распределить десять тысяч фунтов стерлингов равными долями между нижеследующими благотворительными учреждениями...» (всего три).

Состояние доктора Ваткинсона заключалось главным образом в великолепных коллекционных бриллиантах, которые он купил в Южной Африке. Разумеется, сын доктора оспорил завещание, но оно оказалось совершенно законным, и в марте 1948 года в присутствии судебного исполнителя бриллианты были брошены в море в указанном месте. Их там было на сто миллионов.

В «Кафе Атлантик» на Портовой улице в Ларошели некто Франсис Марш по прозвищу «Фокмачта» рассказал одному из членов Клуба кладоискателей удивительную историю:

«Где-то в Саргассовом море находится целое кладбище сокровищ. Я точно знаю: туда много веков шли вереницей, как на похороны, тысячи кораблей. Там лежит десятая часть всего золота на земле, а глубина местами не больше тридцати метров. Саргассово море вообще плохо знают, но люди всегда говорили, что там где-то есть скалистая отмель».

Дальше Марш задумался, как бы получше все объяснить. В общем, выходило, что затонувший корабль не всегда идет прямо ко дну.

«Часто он скользит по наклонной плоскости, так что в конце концов останавливается очень далеко от места кораблекрушения. А иногда он плавает на глубине: смотря какой там был груз и сколько воздуха в корпусе. Вот отсюда рассказы про корабли-призраки: судно может долго так плавать, кувыркаться, иногда всплывать на по-

верхность, потом оно опять погружается в пучину, и течением его относит на множество миль».

Тут Франсис перешел, наконец, к делу.

«Значит, вот что я слышал на Мадейре и в Пуэрто Плата. Гольфстрим и Северно-Экваториальное течения несут такие корабли и к Европе, и к Африке, и по Антильскому морю до Гаити. А от Гаити они поворачивают на север и, не доходя до Багам, попадают в Саргассово море, а это мертвая зона. Вот там, на тридцатиметровой отмели, они останавливаются и гниют. Доски превращаются в труху, а всякие железки и золото остаются и копятя там веками.

Вы подумайте: сколько там когда-то потонуло испанских галионов! А сколько кораблей еще потом! На этом кладбище на пяточке собрались, должно быть, остовы сотен судов с драгоценным грузом!

А есть и другие такие кладбища сокровищ: к юго-востоку от Бермуд, затем в океане в двухстах пятидесяти милях от мыса Корьентес в Аргентине, еще у острова Чилоэ в Чили, еще у островов Зеленого мыса».

Известно, что в 1641 году недалеко от Гаити в знаменитой Серебряной банке затонул галион «Нуэстра Сеньора де ла Консепсьон» с огромными богатствами: пиастрами, золотыми и серебряными слитками, драгоценными камнями и прочим. Так вот: в 1684 году англичанин Уильям Фипс нашел обломки корабля и запомнил место. Но с тех пор никто его больше там не видел!

Предположим, что «кладбище сокровищ» существует. Можно ли установить его место? Стали спрашивать об этом Франсиса Марша, и в конце концов тот поделился доброй долей того, что знает:

«Сначала я не хотел говорить, но я знаю это место: немного южнее тропика Рака, около 68°

западной долготы. Вам это, конечно, ничего не скажет. Но я знал одного доминиканского ныряльщика, который туда нырял и взял хорошую добычу. Этого человека многие видели в Пуэрто-Плата. Там и другие точно знают, где это кладбище.

Я знаю, что надо идти из Пуэрто-Плата прямо на север на три градуса широты, в тридцати минутах к югу от тропика повернуть прямо на восток и пройти еще три градуса. На всем пути лот не достаёт до дна, а на месте вы увидите прямо под собой скалистую ложбину с уклоном к югу. Может быть, это бывший кратер вулкана. Там-то и есть «кладбище сокровищ». Остовы кораблей собираются в центре ложбины на глубине около тридцати метров.

Лучше бы всего поискать это место с вертолета. За несколько дней вы его отыщете, а там уж любой аквалангист может работать сколько душе угодно. Там лежит много-много миллиардов!»

Нет доказательств, что кладбище сокровищ, как себе его представляет, как верит в него Франсис Марш, существует на самом деле. Но совершенно точно: или там, или где-то в другом месте лежат, сбившись в кучу, обломки старых кораблей с грузом золота, серебра и драгоценных камней. Но людям уже не видать этих сокровищ: они уже не принадлежат миру живых. Это — сокровища Плутона.

ВЕСЕЛЫЕ ЗАБАВЫ И ВОЛШЕБНЫЕ СКРИПКИ

Хотя природой предназначено изумрудам, рубинам, бриллиантам и жемчугам сиять на груди и руках у прекрасных дам, истории о кладах, надо заметить, обычно имеют малое общего с любовными романами. Но именно с чудесной любовной истории началось драматическое дело о миллионах с «Перуанца».

Он увидел ее и лишился покоя. Ради любви он возжелал богатства — и совсем потерял голову...

Сначала эту историю о любви и пиратстве рассказал в книге «Путешествие в Америку» капитан Лафон, за ним — Морис Магр и другие.

Герой-пират — молодой шотландец Робертсон, моряк королевского английского флота. В 1817 году он отправился на помощь южноамериканским борцам за независимость и поступил на чилийский флот. Робертсон служил старшим помощником на бригантине «Гальварино», потом «Конгрессо», отличился при осаде и взятии Кальяо (Перу). Когда в 1822 году он взял в плен шестьдесят солдат роялистской армии Бенавидеса, тогда-то впервые и проявилась жестокость его природы: всех пленных Робертсон повесил на деревьях.

Когда война закончилась, он вышел в отставку в чине капитана и поселился в Кальяо, ожидая, когда какой-нибудь новый инцидент позволит ему вернуться на службу. В 1826 году на религиозной процессии в Лиме Робертсон встретил женщину, ради которой и стал преступником.

Ее звали Тереза Мендес, она была вдовой богатого испанца, ей шел двадцать второй год. Черноволосая красавица сводила с ума всю золотую молодежь новорожденной республики. В ее салоне собиралось высшее общество Лимы. Тереза дразнила многочисленных воздыхателей, но никому не позволяла ни малейшей вольности...

Робертсон, безумно влюбленный в Терезу, не мог этого долго выдержать. В один прекрасный день он признался ей, что больше всего на свете желает ее руки... Тереза рассмеялась и без стеснения отвечала:

— Друг мой, вы недостаточно богаты! Мой муж должен быть богат и к тому же прославлен — чем угодно, хоть преступлением.

Несчастный влюбленный принял ее слова к сведению и понял, что дело его безнадежно.

Но женщина предполагает, а черт располагает. Однажды Робертсон был в гостях у коменданта порта Кальяо, и там случилось происшествие, заставившее его круто переменить судьбу. Молодой лейтенант Виейра в шутку сказал:

— Война кончилась, Робертсон; адмиральских галунов вам не дожждаться. Но если бы вы стали хозяином вон той бригантины, что стоит на рейде, вам позавидовал бы любой командующий эскадрой!

— Как же, знаю, — отвечал шотландец. — Говорят, что у нее в трюме пять тысяч пиастров на какие-то военные нужды.

— Бригантина называется «Перуанец», и в ее судовой ведомости значится не пять тысяч пиастров, а два миллиона золотом из государственной казны. Я сам имел честь присутствовать при погрузке!

Разговор переметнулся на другую тему. Но Робертсона охватил и уже не покидал жгучий соблазн. Два миллиона пиастров золотом... На них можно купить целую провинцию, а главное — бесподобное тело и любовь Терезы!

В тот же вечер капитан решился: стоит попробовать! Он собрал по тавернам команду головорезов и вместе с ними ночью захватил бригантину. На рассвете «Перуанца» в порту уже не было — вернулась лишь шлюпка с экипажем: Робертсон его отпустил.

Немедленно объявили тревогу и отправили в погоню два брига. Но двухмачтовая бригантина на тонких парусах при попутном ветре стремительно уходила на юго-запад. На Таити пираты остановились передохнуть, а чтобы скрасить путь — он впереди лежал еще долгий, — взяли на борт пятнадцать хорошеньких вакханок.

Робертсон задумал избавиться от спутников. Остановившись на каком-то необитаемом острове, где была пресная вода, он оставил там под предлогом неповиновения восемь человек. Дальнейший путь с ним продолжили лишь четыре матроса, два ирландца по имени Джордж и Билл, которым капитан полностью доверял, и девушки, которых теперь стало уже слишком много. «Перуанец» направился к Марианским островам и бросил якорь, вероятно, у острова Гугуан. Девушки были уже достаточно напуганы поведением своих спутников; как только бригантина стала на якорь, они бросились вплавь на берег. Чтобы убраться от нежелательных свидетельниц, пираты погнались за ними и всех убили. Затем груз корабля — тысячу деревянных сундуков, окованных железом, — зарыли в песок в огромной траншее глубиной два фута.

В 1827 году Робертсон, уже избавившийся от всех соучастников преступления, был арестован испанцами. Под пыткой он признался в разбое и прочих преступлениях и отправился под конвоем на остров Гугуан. Только там — так, по крайней мере, полагают — капитан наконец понял, что дело его пропавшее, что виселицы он не минует, а красавица Тереза все равно не станет его же-

ной. Когда конвой зазевался, он бросился в море и утонул, унеся с собою тайну клада с двумя миллионами пиастров.

Испанский губернатор Мединелла направил на поиски сокровища шестьсот туземцев. Но напрасно они перелопатили тонны песка: клад «Перуанца» и поныне покоится где-то на острове, вероятно, на юго-западном берегу. Остров Гугуан на севере Марианского архипелага находится под $18^{\circ} 8'$ северной широты и $143^{\circ} 20'$ восточной долготы. Почти все его побережье гористо и труднодоступно, за исключением узкого прохода на юго-западе, где находится и единственная на острове деревня.

История о сокровищах с «Перуанца» дошла до нас в отрывочных и, несомненно, искаженных пересказах, а потому не все в ней заслуживает полного доверия. Но она основана на подлинных фактах, что вселяет некоторую надежду в тех, кого вдруг соблазнит тысяча сундуков с золотом, зарытых на длинном песчаном пляже в Микронезии...

У «клада голых танцовщиц» в Лапужаде нет столь романтической предыстории. Пусть Робертсон был пират и душегуб, но вначале им двигала чистая страсть. Нашим новым героем станет, к сожалению, самый обыкновенный бабник.

Впрочем, сир де Лар, живший в XVIII столетии, был в свое время не последним человеком. Он владел очень милым замком Лапужад к северо-востоку от Ажана в коммуне Сен-Вит департамента Ло-и-Гаронна. Де Лар был одарен от природы легким характером, артистическим вкусом и неумеренным пристрастием ко всем прекрасным формам, особенно к формам прекрасного пола. И вот что придумал сир де Лар для развлечения в долгие зимние вечера. Он предлагал красивым женщинам и девушкам полюбоваться парком и роскошным видом из замка, зазывал к себе, а там,

угрожая кнутом, заставлял их заниматься тем, что сейчас называют стриптизом.

Долго эти веселые забавы бесили мужей и ухажеров в округе — в Сен-Виле, в Лагарде, в Руме... Наконец они собрались все вместе, ворвались в замок к ненавистному помещику и сбросили с лестницы так, что он переломал все кости. Оскорбленные мужчины решили, что в качестве вознаграждения имеют право пожить за счет богача-покойника. Они забрали его шкатулку с драгоценностями, а также, как говорят, «золотую статую и золотую козочку». В дороге добычу поделили прямо пропорционально красоте дамы каждого из мужчин, после чего некоторые закопали свою долю где-то между деревнями Дор и Лавернь. Вскоре всех схватили и повесили. Никому уже не отыскать сокровищ, спрятанных мстительными мужьями, — «клада голых танцовщиц», как называют его крестьяне.

Возле Шарру в департаменте Вьенна автострада, обозначенная на карте красивой зеленой извилистой линией, головокружительным серпантинном спускается с возвышенностей Мальмор и Клерфёй в долину Шаранты.

Слева от дороги находится почти отвесный холм, глазеющий отверстиями доисторических пещер, раскрашенный в зеленое и желтое дубравами и цветущим дроком. Справа под каменным парапетом змеится по лугам река, окаймленная ольшаником и тополями. У подножия холма, на расстоянии брошенного камня от Шаранты, бьет большой источник Кант, пенится на ложе из белых камушков, поросших крессом и мхом. Вода его освежает, как мята, а еще с этим «очарованным ключом» связана красивая сказка о сокровищах.

Жил да был когда-то молодой парень, писанный красавец, и все окрестные красавицы души в нем не чаяли. Но он был очень-очень беден, целый день надрывался на тяжелой работе и едва зарабатывал на хлеб.

Раз он шел, проклиная несчастную долю, и вдруг видит: сидит на камушке старик, песенку напевает и птичью клетку из лозняка плетет, видно, на продажу. Паскаль (так звали нашего юношу) не удержался и говорит:

— Как это ты, милый человек, такой бедный да такой старый, сам в гроб смотришь, а веселую песню поешь?

— Я-то что, — отвечал старичок. — Мне, правда, в жизни особо не везло, а как сравнить с той птичкой, которую сюда посадят, так и я выйду удачник. Пока на свободе, пока и радуюсь.

— Да что свобода, когда денег нет?

— А мне деньги не нужны. Были бы нужны, так я бы их достал.

— А где ж это деньги достают? — спрашивает Паскаль, а сам уши наострил.

— А я бы взял ореховый прут и пошел бы к источнику Кант, а оттуда прут меня бы сам привел в пещеру на холме, а в той пещере — самые прекрасные сокровища в свете. Я бы так разбогател, что сам король бы мне позавидовал, да только я туда не пойду.

— Отчего же не пойдешь?

— Да там, понимаешь, не одно сокровище, а два, одно другого лучше. Я бы не угадал, какое выбрать. Буду лучше тут сидеть да песенки петь.

— А я так пойду, — воскликнул Паскаль, — и если ты мне не соврал, так принесу с собой сокровищ целую неподъемную гору!

— Ты только поберегись, — предупредил его старичок. — Говорю я тебе: там целых два сокровища, а получить можно только одно на выбор,

да не ошибиться. Лучше б тебе туда не ходить. Ты молодой, красивый, у тебя вся жизнь впереди, что тебе отчаиваться!

Но Паскаль заупрямился:

— Сказал пойду — значит, пойду! Вот прямо сейчас!

Сказано — сделано. Побежал парень к источнику бегом — так ему не терпелось разбогатеть. По дороге срезал ореховый прут. Прибежал он наконец со своим прутом к подножию холма, где бьет источник. Тут прут в его руках сам собой встал и повел Паскаля в пещеру — глубокую-глубокую, до самой середины земли.

Было в той пещере темно, хоть глаз выколи, но Паскаль не испугался. Шел он, шел за своим прутом долгими подземными ходами и увидел наконец далеко впереди огонек — светит и как будто манит. Прошел еще и попал он в большую подземную залу, всю залитую дивным сиянием. Каменный пол в этой зале так и светился сам собой, как будто в него были вделаны и золото, и серебро, и жемчуга с яхонтами. А посреди залы юноша увидел два сокровища, только не такие, как он ожидал.

Одно-то сокровище — это и вправду была целая гора золота, и рубинов, рдеющих, как костер, и изумрудов — зеленых огоньков, и бриллиантов, слепящих очи. И было там множество золотых ожерелий, браслетов, кулонов, пряжек, колечек, цепочек и всего такого подобного, и все с чудными самоцветами.

А другое сокровище оказалось живое. Стояла посреди залы обнаженная девушка красоты невиданной, такая стройная, такая белая, такая нежная. Никто такой красоты и прелести никогда не видал ни наяву, ни во сне.

Паскаль стал как вкопанный, а красавица ему говорит:

— Меня зовут Мелюзина, я хозяйка этих сокровищ и сама бесценное сокровище. Если хочешь, красавец, буду я твоя.

Тут Паскаль очнулся:

— Еще бы не хочу! И ты меня манишь, красавица, и все это золото с изумрудами. Пришел я сюда взять и то и другое.

— Э нет, красавец! — отвечает ему Мелюзина. — Или ты выйдешь отсюда со мной, или с золотом. Выбирай, а то и другое взять ты не можешь.

— Отчего же так?

— Да уж так положено. Если ты выберешь золото и самоцветы, станешь богаче всех людей в свете. Но зато ты меня никогда не забудешь: мой образ будет жить у тебя в сердце и ни на миг не отпустит, и ты станешь меня призывать днем и ночью, да только напрасно.

А выберешь меня — получишь дивную любовь. Только знай, я красавица прихотливая. На мне, видишь, ничего нет, а я хочу носить платья самые богатые. У меня волосы отливают золотом, хочу, чтоб в них сверкали алмазы ярче звезд. У меня ушки, словно раковины драгоценные, хочу в них сережки жемчужные еще светлей тех алмазов. Хочу ожерелий и браслетов богаче, чем у самой королевы, и колец с рубинами и изумрудами чистойшей воды. Хочу, чтобы на груди моей шелковой яхонты и жемчуга словно бы струились потоками. Хочу и ножки свои перламутровые украсить серебром и золотом. Словом, хочу, чтобы от головы до пят ты меня, красавицу, всю разодел и украсил. А я буду плясать для тебя, песни райские петь, обовьюсь вокруг тебя, как лозинка, целовать буду поцелуями сладкими и душистыми, и не будет на свете никого счастливее тебя.

Паскаль послушал-послушал, постоял-постоял, семь раз все обдумал и говорит:

— Жаль мне смертельно терять такую красавицу, да как же мне потрафить твоим прихотям, когда бедней меня и людей-то нет? Выберу я лучше гору золота, жемчугов и яхонтов да женюсь на королевской дочери или на другой красавице, какая понравится. Будет у меня золото, будет и любовь, а с одной любовью где золото найду?

— Ты подумай, — промолвила Мелюзина, — не спеши! Пока не переступал порог, еще не поздно тебе одуматься. Посмотри только, как я хороша! Нет ни у кого в целом мире таких глаз и таких губ, такой груди беломраморной; никому и во сне не приснится такое тело дивное. Посмотри на мои ножки точеные, на пальцы тонкие, как иголки серебряные. У тебя от такого сокровища много силы прибавится. Будь только храбр и в любви хорош, и все получишь, что тебе надо.

— И как тут быть! — воскликнул парень. — Гляжу на нее сам не свой, и поет она сладко, да как красавицам верить? Может, она надо мной смеется! За золотом я сюда шел — золото и возьму.

Отвернулся он, чтобы не глядеть на красавицу — не передумать как-нибудь, — подошел к горе золота с яхонтами и стал хватать все подряд. Набрал полные руки, набил все карманы да еще и в шляпу насыпал. И чем больше Паскаль брал сокровищ, тем больше ему хотелось. Наконец, понял он, что больше не унесет, и пустился бежать по долгим подземным ходам, а дорогу ему теперь освещали его же самоцветы.

Паскаль вышел на белый свет, вернулся в свою хижинку, разложил сокровища — наглядеться не может. На другой день он что-то запрятал в надежном месте, что-то продал и стал богаче всех людей в свете.

— Ну вот, — думает Паскаль, — богатство у меня есть, теперь выберу красавицу по вкусу и женюсь.

Но на кого он ни смотрел, все ему не нравились: у той руки худоваты, у той ноги кривоваты, та толста, та тоща, а та всем хороша, да волосы золотом не отливают. Пошел он было свататься к королевской дочери, а у той кожа желтая, глаза тусклые... Отправился он странствовать по земле, и чем больше странствовал, тем меньше ему нравились все невесты. А перед глазами все стояла девушка из каменной пещеры, и в душе звучало непрестанно: «Мелюзина... Мелюзина...» — словно скрипка играет.

Стал Паскаль чахнуть, сохнуть и богатством своим тяготиться. Не мил ему стал роскошный дворец с верной челядью, опостылел стол с лучшими яствами и винами, наскучили веселые праздники. Стал он злой, тощий и горбатый, богатство свое возненавидел, только и думал, что о подземной царевне, только и слышал, что волшебную скрипку в душе.

Взял он опять ореховый прут, пришел к источнику, да напрасно. Прут ничего не показывал, палка как палка, — а без помощи прута Паскаль входа в пещеру найти не смог.

И вот как-то раз Паскаль бросил все свои сокровища в ключ Кант и стал опять такой же бедный, как прежде. Сел у дороги, стал плести клетки для птиц на продажу. Только не мог он петь так беззаботно, как тот старик, что указал ему путь в пещеру: навсегда с ним осталось дивное видение, отняло свободу, отравило весь остаток дней.

Сокровища его лежат на дне глубокого источника у подножия холма, глазеющего пещерами, поросшего зелеными дубравами и желтым дробком. Лежат они под зыбким водным покровом, под ковром кресса и мяты. Только злое это золото. Не ходите туда, не то будете всю жизнь в тоске слушать волшебные скрипки и твердить имя подземной красавицы...

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ КЛАДОВ В ОДНОМ АББАТСТВЕ И ВОСЕМЬ МИЛЛИАРДОВ В ОДНОМ СКЛЕПЕ

Франция — страна сокровищ.

Преславная нация, старшая дочь Церкви, родина Свободы, земля дуэлянтов и фанфаронов... ну как тут не быть множеству кладов!

Франция гордится единством страны — а это плод тысячелетия гражданских и междоусобных войн. Старшая дочь Церкви — это значит двести лет войн религиозных. Родина Свободы — значит, революции, репрессии, диктатуры, массовые убийства, рабство и Террор. Ведь от светоча свободы и просвещения в доме всегда бывает пожар...

Счастливы народы, у которых нет истории. У Франции есть: славная, богатая, блестящая. А все, что пережила Франция, не только венчает ее терновым венцом передовых народов, но и множит зарытые сокровища.

И действительно,кладам во Франции несть числа.

Есть город сокровищ — Шарру в департаменте Вьенна, где Карл Великий основал знаменитое аббатство. Пять столетий возвышало стены это могущественное аббатство над Вердансонской долиной, и блестили на солнце шпиги восьми его колосколен.

Ныне Шарру — полузабытый поселок, который на глазах разваливается и живет лишь воспоминаниями о днях былого великолепия.

Но раз в семь лет, в разгар весны, на всех дверях, на ограде старого рынка появляются афи-

ши, извещающие, что «сокровища аббатства» торжественно выставляются на всеобщее обозрение. Да, самые настоящие сокровища, замурованные во времена протекших смут, чудом обнаруженные, а теперь играющие и сияющие золотом, пурпуром, всеми красками драгоценных камней...

Но эти сокровища — лишь малая толика тех, что еще лежат (и это точно известно) в развалинах, стенах домов и подземельях. Любой обыватель Шарру твердо знает: где-то в подвалах аббатства покоится еще семьдесят один клад. Обыватели ходят по этим богатствам ногами, нечаянно касаются руками и лопатами, наконец, проматывают, сами того не замечая.

Где-то совсем рядом сокрыты настоящие сокровища... Но где? Вот о чем жители Шарру болтают вечерами. В поселке нет мальчишки, который не играл бы в кладоискателя, не простукивал старых стен, не блуждал бы по залам и галереям подземелий.

Дело в том, что в Шарру есть все, о чем только может мечтать искатель драгоценностей: древние дома с выступами и нишами, разрушенное аббатство, старый рынок, пещеры, раскинувшийся под улицами и окрестными холмами таинственный подземный город, по которому можно передвигаться только ползком...

Чтобы убедить всех маловеров, архивы департамента сохранили доподлинные свидетельства о семидесяти пяти кладах. Четыре нашли, остается семьдесят один. Есть чем соблазниться любителю приключений!

Да, в общем-то, почти любой житель Шарру и находил хоть раз в жизни что-нибудь золотое, серебряное или бронзовое, какой-нибудь драгоценный камень. Многие выкапывали монеты, обрабатывая поле. Разбирая сточный желоб в замке Ла Майри, каменщик Анри Дегу обнаружил большой кубок с серебряными монетами — память о

прежних владельцев замка. Копая сад, перестилая паркет, ремонтируя стены, люди все время натываются на что-то редкое и ценное.

Несколько лет назад г-н Бонно выравнивал стенку своей мельницы и нашел большой керамический горшок, полный серебряных монет, общим весом более восьмидесяти килограммов. Он передал находку епархиальным музеям в Туре и Шиноне. Г-н Поль Лольмед копал котлован под гараж и раскопал целое археологическое кладбище: сорок готических арок, два завершения свода, колонны, базы, капители...

Г-жа Кутан знает, что у нее в «Рыночной гостинице» зарыто два клада: один в саду, другой в подвале, прямо под плитой, где трактирщица тушит чудесное рагу. А мясник Гастон Ожье хранит паштеты с окороками в холодильнике, возведенном, как говорят, на месте усыпальницы Ричарда Львиное Сердце. Кубышка с деньгами зарыта на кладбище близ бывшего трактира «Золотого Льва»; все думают, что в склепе гильдии чеканщиков по золоту на Батарейной улице до сих пор покоятся драгоценные слитки.

В 1927 году г-н Р., копая колодец в саду, нашел два десятка золотых монет, а г-н Клеман примерно тогда же — тоже десятка два серебряных. Не Бог весть что, но и такие находки питают легенду.

Неужели вы еще сомневаетесь, что Шарру — первейший во Франции город сокровищ?

А список больших и маленьких находок можно еще продолжить. Несомненно, многие жители Шарру уже нашли — кто в погребе, кто под снежной стеной — некоторые из зарегистрированных семидесяти кладов. Осталось, должно быть, около пятидесяти, но и это вдохновляет.

Аббатство Шарру основано в 769 году Карлом Великим, чему имеются документальные доказательства.

Некогда аббатство — жемчужина романского стиля, — выстроенное в укромной зеленой долине возле чудотворного источника, гордилось необыкновенным храмом, самой большой церковью в мире наравне с собором Святой Софии в Константинополе. Среди его реликвий был «Беллатор» — самая крупная из частиц Древа Креста Христова, сопровождавшая Карла Великого во всех походах.

Император не сомневался, что сей палладиум приносил победы христианскому оружию. Составившись, он решил надежно сохранить реликвию. Поколебавшись между Римом, Иерусалимом и Аахеном, Карл остановил выбор на своем любимом Шарру.

Когда в XV веке Жанна д'Арк стремилась доказать в Шиноне Карлу VII, что воистину послана Богом, среди прочих чудес она объявила, что меч, которым она «погонит Англичанина из Франции», хранится под алтарем церкви святой Екатерины во Фьербуа, в Турени. Жанна описала сам меч и знаки, вырезанные на его эфесе. Посланцы короля отправились в указанное место и с изумлением убедились, что Жанна говорит правду! Тогда отбросивший сомнения Карл передал Жанне в помощь и охрану «самый могущественный талисман во всем христианском мире» — Беллатор.

Аббатство Шарру лишилось драгоценной реликвии, но оставались еще другие: частица крайней плоти Христа, перенесенная Карлом Великим в Шарру из Аахена, Кровь Христова и еще триста разных мощей, не говоря о прочих драгоценностях.

Некоторые из них фигурируют в перечне семидесяти пяти кладов. Это, в частности:

«двенадцать частиц Древа Креста Христова, три распятия, два потира, семь дароносиц, пять аналоев, четыре подсвечника, рукописная книга в

великолепном переплете, полный набор золотой богослужебной утвари, узы, в коих Спаситель шел на Голгофу, поданная Ему губка, пропитанная уксусом, обрывки Его риз и плащаницы, частицы Гроба Господня, мощи апостолов и прочая».

К этому списку следует добавить:

«Шесть лампад чистого серебра на цепях общим весом 626 марок 6 унций (154 кг) и большое количество золотых и серебряных монет из доходов аббатства, которому подчинялось более ста храмов во Франции, Англии и Фландрии, шесть монастырей, два аббатства и два укрепленных замка». Плюс библиотека VIII века, подаренная Карлом Великим. Если ее найдут, это будет древнейшее книжное собрание во Франции.

Протокол, составленный в феврале 1505 года, говорит также о *«прекрасной посуде, всей без изъятия золотой, формы круглой, украшенной драгоценными камнями; раке святого Илии, украшенной чистой воды драгоценными камнями; Лотарингском кресте, украшенном жемчужинами крупными и иными камнями»* и проч. В общем, по свидетельству хроник, Шарру — столица Нижней Марки, домен сеньоров Люзиньяна, Монтгомери и Ланкастера — было богатейшим или одним из богатейших аббатств христианского мира.

В 1569 году барон Роже де Карбоньер, помощник адмирала Колиньи, захватил Шарру, разграбил и сжег аббатство, истребив всех монахов. Они успели спрятать реликвии и драгоценности, но в живых никого не осталось, так что тайна этих кладов навечно утеряна. От этого разгрома аббатство уже никогда не оправилось. О его былом могуществе, о несметных сокровищах сохранились лишь предания, которые рассказывают вечером у камелька, и легенда о спрятанных кладах — «под старой романской башней», как гово-

рили старики. Множество таких историй гуляет по Франции, с любыми руинами связаны разговоры о кладках...

Но вот 9 апреля 1856 года каменщик Жаладо, разобрав кладку в монастырской галерее, нашел в толще стены три великолепных реликвария — вермелевый, серебряный и золотой. Как было доказано позже, в них содержались реликвии Пресвятой Девы и мощи некоторых святых. Но еще удивительней и драгоценней был большой трехстворчатый медальон, а в нем коробочка романского стиля с надписью: «*Nic caro et sanguis Christi continentur*» («Здесь сохраняется Плоть и Кровь Христова»).

Сомнений больше не было: обнаружены те самые реликвии, что перечислялись в монастырской описи, и притом самые святые и драгоценные: Плоть и Кровь Господня. С тех пор они хранятся в сейфе и лишь раз в семь лет при огромном стечении народа торжественно выставляются для всеобщего обозрения.

Теперь никто не сомневался, что все реликвии и прочие сокровища зарыты или замурованы где-то в величественных развалинах монастыря. Ведь если бы в бойне 1569 года уцелел хоть один человек, он первым делом извлек бы на свет самые ценные реликвии. Значит, все кладки поныне нетронуты. Но где они?

Мелкие вещи, ларцы золота, реликварии могут еще находиться в стенах или в подвалах аббатства. Но где искать крупные вещи: аналои, шандалы, сосуды и проч.?

Возможно, они спрятаны в подземельях.

Почти все дома в Шарру соединены между собой разветвленной сетью подземных ходов. Они восходят еще к доисторическим временам, а начало берут в скальных пещерах. Но жители поселка, то ли из страха перед неизвестностью,

пустотой и привидениями, то ли просто чтобы оградить каждый свою собственность, перегородили подземные ходы крепкими каменными стенами. Поэтому пройти по подземельям практически невозможно.

Два озера, к которым выводят подземелья, теперь недоступны из-за завалов, а там в красной глине, где уже пятьдесят тысяч лет покоятся каменные топоры и рубила наших предков, лежат и сокровища.

Легенда утверждает, что аббатство Шарру соединено тридцатиметровым тоннелем с аббатством Нантей-ан-Валле (Шаранта). Недавнее открытие подземной церкви в Шарру оживило эту легенду: многие думают, что именно в тоннеле лежат золотые аналои, шандалы и сосуды.

В 1568 году молодой пастух по имени Клеман, спасаясь от грабивших Нантейское аббатство гугенотов, зашел в пещеру и случайно нажал на потайную пружину. Открылся подземный ход, по которому пастух шел двое суток и оказался в одном лье от Шарру. Пастух говорил, что по тоннелю свободно мог бы проехать всадник на коне. Эту легенду, весьма похожую на правду, передавали из поколения в поколение потомки Клемана. Мадлен Марриа записала ее и опубликовала в прекрасной книге «Сказки и легенды Шаранты».

Пастух, между прочим, рассказывал, что нашел в загадочном тоннеле под землей большой храм, а в нем священные предметы из Нантея. Другой храм, связанный с аббатством Шарру, видимо, находится во втором рукаве тоннеля, который Клеман видел, но не свернул в него. Если это сообщение верно — что возможно и даже вероятно, — то монахи из Шарру в 1569 году вполне могли поступить так же, как их нантейские братья. Если так, они отнесли в подземный храм кое-что из сокровищ аббатства: самые громозд-

кие вещи, например мебель, некоторые из реликвариев, священные предметы, несколько ларцов с золотыми монетами...

Однажды дети из Шарру, играя в прятки, нашли под старым домом в квартале Перийон большую дыру и залезли в нее. Посветив фонариком, мальчишки увидели помещение с тремя сводами и алтарь. Из этой церковки, до трети высоты засыпанной землей, выходил подземный ход, но теперь он был завален. Внук хозяйки дома рассказал товарищам, что, когда он был совсем маленький, они с отцом прошли по этому ходу километр или два и вышли на берег Шаранты.

К сожалению, хозяйка, г-жа Г., хотя и подтвердила справедливость открытия, наотрез отказалась разрешить раскопки и даже не дала археологам войти в церковь.

Серьезное сопоставление фактов позволяет думать, что нантейский подземный ход начинается (или кончается) в деревушке Ла Бароньер, в одном лье от Шарру, в гроте в склоне холма. Госпожа Вильнев рассказывает: «Лет пятьдесят тому назад отец говорил мне, что грот уходит под холм очень глубоко. Он видел там большую высокую залу с каменными скамьями по стенам. А оттуда можно было пройти далеко-далеко, до самого Нантея».

Вот головоломка для кладоискателей. Разгадывай, сколько душе угодно! А если удастся сложить картинку из этих фрагментов, она может объяснить и историю, и легенду.

Известно, что к дому г-жи Г., где находится подземная церковь, ведет подземный ход от гумна у стен аббатства. На этом основании можно предположить, что ход этот продолжается к холму у Ла Бароньер, откуда можно пройти в другую, большую церковь. Но в какой церкви сокровища: в большой или в маленькой?

Члены Клуба кладоискателей обнаружили в стене аббатства клады металлических предметов, вероятно, драгоценных металлов. Это установлено точно! Но аббатство — памятник архитектуры; его повреждение карается законом...

Сокровища хранятся также в склепах, могилах и переходах подземного города; есть свои секреты у старых домов, погребов и гротов.

Одним словом, весь Шарру нашпигован кубышками, реликвариями и шкатулками с драгоценностями, а жители не спешат до них добраться. Сокровища находятся рядом уже тысячу лет. Это живая легенда и повседневность обитателей Шарру. Они рядом наяву и во сне, ночью и днем, так зачем тревожить их покой, выпытывать тайну?

Точно так же исторически доказан клад в Ренн-ле-Шато, маленьком селе в горах Корбьер в сорока пяти километрах к югу от Каркасона. Его церковь и несколько домишек прилепились к уступу скалы, на которую ведет крутая и прескверная пятикилометровая дорога.

Просто чудо, что в таком захолустье, куда машина с трудом заедет, а две машины никак не разъедутся, может быть спрятано сокровище...

Но сокровище в Ренн-ле-Шато есть — самое настоящее: лет семьдесят тому назад его нашел кюре Беранже Соньер. Кое-что взяв из клада, — самую малость! — он завещал находку своей домоправительнице, хорошенькой Мари Денардо, а та — господину Ноэлю Корбю. Но завещание Мари Денардо оказалось неполным: умирая, она не успела указать место клада.

С тех пор г-н Корбю только и делает, что простукивает, прослушивает, долбит и ломает скалу в надежде открыть клад золотых и серебряных монет, украшений и драгоценных камней стоимо-

стью до восьми миллиардов. По утверждению серьезных историков, клад этот восходит к XIII веку.

«Семьсот лет тому назад, — рассказывает Ноэль Корбю, — Ренн был городом с населением три тысячи жителей, его окружала крепостная стена, остатки которой сохранились до сих пор. В поисках клада я находил старинные монеты, глиняную посуду, оружие. Все это теперь составляет мой собственный маленький музей».

Как говорят каркасонские историки, происхождение клада связано с событиями февраля 1250 года. В это время был в самом разгаре крестьянский бунт, поднятый на севере таинственным «Венгерцем». Волна восставших крепостных и нищих стремительно двигалась к югу.

Бланка Кастильская, регентша Франции, отправилась в Ренн-ле-Шато, который тогда назывался Реде, спрятать в его грозной цитадели государственную казну Франции. Опасность грозила и от крестьян, и от глухо роптавшей знати. Заметьте, между прочим, что Редская цитадель считалась неприступной и находилась на дороге в Испанию, где Бланка Кастильская в случае чего могла рассчитывать на приют. Она сложила казну — так, по крайней мере, принято думать, — в подземной зале главной башни.

Конечно, трудно объяснить, почему сокровище так долго пролежало нетронутым, особенно если учесть, что сын Бланки, Святой Людовик, в 1251 году крайне нуждался в средствах, а мать не могла ему их послать.

Корню думает, что клад в Реде был неприкосновенным запасом, использовать который можно было лишь в самом крайнем случае.

Бланка умерла в 1252 году, передав секрет сыну, а тот — своему сыну Филиппу Смелому. Филипп умер в Перпиньяне, не успев поведать тайну Филиппу Красивому.

В 1645 г. Реду переименовали в Ренн-ле-Шато и перестроили. Древняя крепость теперь находилась как раз на месте нынешних владений Корбю. Тут-то по-настоящему и начинается история потерь и находок клада.

В XVII в. его нашел некий пастух по имени Игнас Пари. Он услышал в расселине голос своей заблудившейся овцы и спустился туда. Овца испугалась и не пошла к пастуху, а побежала подземным ходом. Пастух за ней. В конце концов они попали в подземный склеп «полный скелетов и сундуков».

Скелеты напугали Игнаса Пари, а сундуки, напротив, чрезвычайно манили. Он стал набивать карманы золотом, но страх пересилил, и он вернулся домой.

Всем стало известно про его неожиданное богатство. Но Игнас по глупости никому не признался, где его раздобыл. Его обвинили в краже и убили, а он никому так и не открыл, где находится склеп.

Неизвестно почему, может быть, ход в склеп был завален, о сокровище никто не вспоминал до 1892 года. Родственники пастуха о нем, видимо, тоже не знали.

Неожиданное событие связало с судьбой клада кюре Беранже Соньера.

Он получил приход в Ренн-ле-Шато в 1885 году и сразу сблизился с семьей Денардо. Дочь Денардо Мари работала шляпницей в селе Эсперанса. Денардо жили тесно и вскоре перебрались в дом к кюре. Отца Беранже в селе уважали и за благочестие, и за благодушие.

В 1892 году кюре получил от муниципалитета кредит в две тысячи четыреста франков на ремонт крыши и готической абсиды. Работой занялся каменщик Бабон де Куиза. Однажды утром он позвал священника и протянул ему несколько деревянных футляров, запечатанных воском:

— Поглядите-ка, что там?

Кюре открыл один футляр и достал пергаментную рукопись на старофранцузском языке с примесью латыни. Он различил цитаты из Евангелия.

— Так, ерунда какая-то, — сказал он каменщику. — Старые бумажки, еще со времен революции.

Но Бабон не успокоился. Днем за обедом он всем вокруг рассказал о своей находке. Слух дошел до мэра; он явился к кюре. Тот показал мэру рукопись, а мэр в ней ни полслова не понял. Тем дело пока и кончилось.

Но не совсем. Вдруг Беранже Соньер решил приостановить работы в церкви. Вот что, по мнению Корбю, произошло затем:

— Кюре решил проникнуть в смысл написанного. Он узнал евангельские цитаты и подпись Бланки Кастильской с королевской печатью, но остальное оставалось в сплошном тумане. В феврале Соньер поехал в Париж, где его свели с некоторыми лингвистами. У кюре хватило ума показать им рукопись только по частям. Я не имею права сказать вам, откуда я это знаю, — продолжает Ноэль Корбю, — но знаю точно: там говорилось о королевской казне Франции: пятистах тысячах золотых монет, ювелирных изделиях, церковных ценностях и проч.

Кюре вернулся в Ренн, еще не зная, где лежит сокровище, но уже зная о нем много важного. Он стал искать в церкви — ничего.

Мари обратила внимание на одну плиту на кладбище (надгробный камень графини Опуль-Бланшфор) со странной надписью. Не там ли клад? Кюре запер кладбищенские ворота, и вместе с Мари они несколько дней провели за таинственной работой... И были вознаграждены: головоломка, ключ к которой дала надпись на могиле, сложилась.

С того момента роль Мари Денардо изменилась: она стала поверенной и сотрудницей кюре.

Я знаю, что в сокровищницу ведет шесть входов. Одного из них, того, что из главной башни, в 1892 году уже не было.

В одной из рукописей были начерчены линии от алтаря церкви и указаны расстояния в туазах. Кюре с Мари замерили эти расстояния веревочкой и нашли, куда ведут линии: некогда там смыкался свод. Раскопав землю, нашли склеп в подземелье, куда некогда забрел пастух Игнас Пари. Монеты, камни, дорогая посуда покрылись толстым слоем пыли, но были совершенно целы.

Решили, что кюре поедет менять золото по всему миру — в Испанию, в Бельгию, в Швейцарию, в Германию, — а деньги будет переводить по почте на имя Мари Денардо. Так они и сделали, хотя план их был небезопасен и довольно труден.

В общем, к 1893 году кюре Соньер разбогател, да так, что не только перекрыл церковную крышу на собственный счет, но еще и пышно украсил всю церковь. Он также построил новую кладбищенскую ограду, а дом священника отстроил заново, разбив вокруг великолепный сад с беседками, гротами и фонтанами. Он выписал роскошную мебель, дорогие платья для Мари, ямайский ром, обезьян из Африки, стал кормить уток пирожными с ложечки, чтоб были нежнее, завел комнатных собачек... Словом, в Ренн-ле-Шато началась бурная жизнь. Вся округа ездила к кюре на угощение. А уж как он угощал!

Кюре покупал также дома и землю, но на имя Мари Денардо, так что вскоре стройная лукавая брюнетка стала настоящей помещицей. Из поездок он писал ей такие письма: «Милая Маринетта, как-то поживают наши зверушки? Поцелуй Фауста и Помпонне (так звали собачек), поклон кроликам. Прощай, Мари. Твой Беранже».

Впрочем, и другие красавицы удостоивались внимания новоиспеченного миллиардера: называют Эмму Кальве, прекрасную графиню Б. и еще многих.

Нежданное богатство совсем вскружило голову кюре. У него началась мания величия; он решил выстроить настоящий замок. Но осторожность ему не изменила: он уничтожил все знаки, ведущие в склеп, стер таинственные знаки с кладбищенской плиты, а рукописи спрятал в самом склепе. Мэр было заподозрил кюре в осквернении могил — откуда у него такое богатство? — но тот весело наплел небылиц про американского дядюшку, завещавшего пять тысяч франков золотом. Мэр несколько раз пытался докопаться до правды — напрасный труд.

Каркасонский епископ монсеньор Бийар тоже обеспокоился было недостойным поведением подчиненного, но деньги, вино и хороший обед все быстро уладили.

В 1897 году Беранже Соньер начал строить виллу «Вифания» с крепостной стеной и башней. Смета была пустяковая: миллион золотых франков. Вокруг всей стены Соньер выстроил оранжерею, чтобы круглый год любоваться цветами.

Монсеньор де Бозежур, сменивший Бийара, испортил праздник. Беранже Соньер был строго допрошен, вызван в Рим и, наконец, наказан. В Ренн-ле-Шато назначили нового кюре. А Беранже, казалось, и горя мало: он продолжал служить мессы в часовне своего замка. Весь приход ходил только к нему, так что новый кюре в конце концов решил не таскаться зря в гору из Куиза в Ренн.

Планы отца Беранже все ширились. Он задумал надстроить башню, построить дорогу из замка до Куиза, купить автомобиль, провести водопровод во все дома деревни... Смета работ достиг-

ла восьми миллионов золотом в ценах 1914 года или около восьми миллиардов старых франков. И такие деньги у кюре были наличными.

5 января 1917 года он подписал заказ на материалы, но 22 числа умер от цирроза печени, и планы остались неосуществленными. Опечаленная Мари выставила тело покойного в кресле на террасе, накрыв красным покрывалом с помпонами. Все крестьяне пришли к телу, совершили молитву и взяли на память по помпону, словно частицу мощей святого.

Мари Денардо осталась владелицей Ренн-ле Шато: ведь все было записано на ее имя. Но она провела остаток жизни в заточении, никого не принимала и, вероятно, никогда больше не ходила в склеп с сокровищами.

Вот что рассказал Ноэль Корбю — третий персонаж этого романа, наследник Мари Денардо. Корбю случайно познакомился с Мари под конец ее жизни, в 1946 году. Семья Корбю сняла у Мари Денардо жилье; они подружились. Однажды Мари доверительно сказала Ноэлю:

— Вы, господин Денардо, не беспокойтесь: у вас будет столько денег, что за всю жизнь не потратишь.

— Откуда же? — полюбопытствовал Ноэль.

— Вот вы какой! Умирать буду, тогда скажу.

Но 18 января 1953 года ее хватил удар, она скончалась, не приходя в сознание, и унесла с собой секрет. Так вновь пропал клад Бланки Кастильской — теперь, похоже, навсегда.

Впрочем, ничто не подтверждает, что это был действительно клад, захороненный матерью Святого Людовика. Иные утверждают, что клад принадлежит Алариху (в Ренн-ле-Шато была его столица); иные говорят — и это вероятней всего, — что речь идет о сокровищах катаров: Ренн был второй по значимости их цитаделью после Монсегюра.

Во всяком случае, клад точно был и есть. Это подтверждает, между прочим, письмо одного из друзей кюре, хранящееся в архиве Ноэля Корбю. Он писал Беранже Соньеру: «Вслух ты рассказать ничего не можешь, но признайся в своей тайне на исповеди. Тебе отпустятся грехи: ведь совесть твоя чиста».

Увы! Соньер никому ничего не рассказал, кроме своей подруги и сообщницы. Но их тайну в принципе можно открыть. Один местный житель — кажется, довольно осведомленный, — сказал одному из членов Клуба кладоискателей:

— Секрет кюре-миллиардера лежит в могиле, знать бы только в какой...

Не исключено, что рано или поздно на миллиарды старого кюре наткнется какой-нибудь могильщик. И не к добру это будет для сельца на горном склоне: оно потеряет свою самую блестящую, или, если хотите, самую темную тайну.

В 1965 году Ноэль Корбю продал свой ресторан в Ренн-ле-Шато, а взамен приобрел сеть магазинов и завод. Разумеется, все сразу подумали, что он отыскал клад. Мы полагаем, что он, напротив, устал от двенадцатилетних поисков и решил оставить бесплодные Корбьерские холмы...

В ПОИСКАХ «КЛАДА СТЕРВЯТНИКА»

И вот перед нами самый образцовый клад, какой может разве что во сне присниться: настоящий пират, кончивший дни в петле, награбленное золото, жемчуга и алмазы, таинственный остров, пещера, зашифрованное послание, непонятные планы...

«Клад Стервятника», с которым связаны исторические, чудесные, романтические и таинственные происшествия на любой вкус, подобен средневековым Блаженным островам, подобен Красным девам Власты и каппадокийским амазонкам: все время перед глазами, а в руки не дается... Таинственный, легендарный, неуловимый клад, несомненно, обессмертил себя в преданиях, тем более что и в существовании его сомневаться не приходится.

Когда настал для пирата Оливье Левассера по прозвищу Стервятник час расплаты, он бросил в толпу с эшафота листок бумаги с тайными письменами и крикнул:

— Вот мои сокровища, бери, кто поймет!

Дело было 7 июля 1730 года на острове Бурбон (ныне Реюньон). С этого началась самая удивительная и запутанная из всех кладоискательских историй.

Кто подобрал зашифрованный листок?

Никто не знает. Но вот уже больше двух столетий в Индийском океане от Сейшельских островов до Мадагаскара не прекращаются поиски;

двести с лишним лет во множестве появляются документы, шифры и знаки на камнях, якобы относящиеся к баснословному кладу Стервятника.

Нет ничего трудней, чем просто изложить эту историю.

Индийский океан с XVII по XIX век буквально кишел пиратами, а значит — спрятанной добычей. Многие клады на его островах уже найдены; многие, несомненно, до сих пор зарыты, затонули или замурованы.

Охота за сокровищем Стервятника началась в 1923 году на острове Маэ, в Сейшельском архипелаге, на прибрежном участке, принадлежавшем некоей госпоже Сави. Долго она видела перед собой, не замечая, какие-то надписи и рисунки, нацарапанные на скалах: таких на островах Индийского океана много. Но как-то раз она заметила в море валуны, похожие на статуи, а присмотревшись, увидела, что и на берегу есть камни, обработанные рукой человека.

Со временем появлялись все новые скульптуры: они вылезали из почвы или обнаруживались в дуплах поваленных деревьев. Их стало так много, что невозможно было не задуматься над тем, о чем говорят эти камни.

Язык камней был неясен, а время только еще более затрудняло поиски истины. Видны были изображения животных: собак, змей, черепах, лошадей, а также вазы, сердца, женские фигуры, мужские лица, чудовищно раскрытый глаз...

Один этнограф предположил, что скальные скульптуры могут быть связаны с идеографическим письмом индонезийских народов или острова Пасхи, где нередко встречаются изображения черепахи и змеи. Ну, а все остальное? С какой цивилизацией связать изображения людей, собак, глаз и прочего?

В поисках ответа на острове начали раскопки и рядом с изображением чудовищного глаза нашли два гроба с человеческими скелетами. По кольцам в левом ухе определили, что это были пираты. Тут же было зарыто еще одно тело, без гроба и, видимо, без всякого обряда; предположили, что это преступник, похороненный рядом со своими жертвами.

Потихоньку, шаг за шагом, логическим путем пришли к предположению о зарытом кладе. Всякие сомнения отпали, когда нотариус острова, узнав о находках, пришел к мадам Сави и сказал:

— У меня хранится документ, касающийся некоего клада, зарытого на острове в Индийском океане. Найти сокровище можно, только сопоставив данные этого документа с наскальными знаками. Документ у меня, знаки у вас: давайте искать клад.

К сожалению, задача оказалась несравненно более сложной.

В архиве нашлись: криптограмма, с виду не поддающаяся разгадке без «Соломоновых ключей»¹, два письма, завещание и некий ребус, или тайнопись, связанный, кажется, с масонской символикой.

Существование клада и даже нескольких кладов было доказано; остров тоже установлен. Но где именно на острове зарыты клады, оставалось только гадать. К тому же связь между всеми этими документами и знаками не поддавалась объяснению. Но поскольку люди жаждали разгадки, они отождествили клады острова Маэ

¹ «Соломоновы ключи» — магический сборник, переданный от царя Соломона сыну его Ровоаму. Текст был написан на древесной коре. Сборник переведен с древнееврейского на латынь раввином Абогназхаром, а с латыни на французский арльским архиепископом Жобером де Барро. В «Соломоновых ключах» различные магические действия записаны при помощи разнообразных рисунков, треугольничков и квадратиков.

с кладом Стервятника и другого пирата, Бютена Нажеона де Л'Этана. Быть может, это один и тот же клад, перешедший по наследству или похищенный.

В общем, изучая и сопоставляя все факты, можно найти объяснение, пусть и не подтверждающее версию, но вполне приемлемое.

Оливье Левассер по прозвищу Стервятник родился в Кале в конце XVII века. В 1721 году он объединился с английским пиратом Тейлором. Им обоим нельзя было отказать в храбрости. В апреле они вдвоем захватили богатый португальский семидесятидвухпушечный корабль «Пресвятая Дева Мыса», пытавшийся укрыться от бури в порту Сен-Дени на острове Бурбон.

На борту корабля были граф Эрисейра — вице-король Индии — и архиепископ Гоа. За таких пленников можно было запросить хороший выкуп, да и груз пиратам достался роскошный.

Ла Бюз, изобразив великодушие, отпустил вице-короля без всякого выкупа, но взял себе все ценное: горы алмазов, жемчуга и других драгоценностей, золотые и серебряные слитки, мебель, ткани, священные сосуды — в общей сложности около шестидесяти миллионов турецких ливров.

Что это была за добыча, показывает следующий анекдот, вероятно, достоверный. Каждому пирату досталось по сорок два небольших алмаза, а одному вместо этого — один большой того же веса. Тогда пират разбил свой алмаз на сорок две части: «Чтоб не украли все за один раз»!

«Пресвятую Деву Мыса» починили, немного переделали, и корабль под именем «Победоносный» стал служить Стервятнику.

Но на другой год в Индийском океане столкнулись французский флот Дюге-Труэна и английский коммодор Мэтьюз. Где сильные дерутся — там слабый не лезь. Этому правилу последовали

наши пираты: Тейлор сбежал к Антильским островам, а Стервятник затаился на острове Сент-Мари около Мадагаскара. Затаился надолго: не очень-то попирачествуешь, когда у тебя под боком такой молодец, как Дюге-Труэн. Флаг этого адмирала победоносно развеялся на всех морях от экватора до мыса Доброй Надежды...

Да и многие морские разбойники прекратили свой промысел и, пользуясь милостивой хартией французского короля, превратились в относительно мирных граждан. Суда их гнили в портах. Пиратство прекратилось.

Анри де Монфрейд знает на отмелях Маскаренского хребта к северу от Маврикия большое морское кладбище: там пираты Индийского океана затопляли ограбленные галионы, на которых велась торговля между Индией и Европой.

А некогда корабли крестили не так, как сейчас, разбивая бутылку шампанского, а сверлили в киле дырочку, закладывали туда золотую монету, после чего дырочку прочно заделывали.

Это навело судовладельцев и купцов на мысль: прятать в этой дырочке от пиратов и таможенников небольшие, но ценные вещи — бриллианты, жемчуг. Пираты долго не знали этой уловки и спокойно топили захваченные суда вместе с самой ценной, быть может, частью груза. Только в XVIII веке они стали находить тайники в киле и обчищать их.

Монфрейд хотел бы спуститься на морское кладбище с аквалангом, подобраться к самым старым кораблям и достать у них из киля бриллианты, и уж наверняка — крестильные монеты.

Вернемся к Стервятнику. Он остался один, хотел тоже принять амнистию, возвратил Церкви священные сосуды, но так и не решился выполнить неременное условие помилования — вернуть все награбленное с «Пресвятой Девы Мыса».

Конечно, он где-то закопал эту добычу, но где? Называли шесть островов: Маврикий, Реюньон, Фригат, Маэ, Родригес, Сент-Мари.

В общем, наш пират жил на Сент-Мари в положении хоть и ненадежном, но не представлявшем прямой опасности, и тянул время — вел переговоры о помиловании, ни на что не решаясь. В 1729 году он захотел подработать лоцманом в бухте Антонжилль на Мадагаскаре и предложил свои услуги кораблю Индийской компании «Медуза». Командир корабля капитан д'Эрмитт узнал пирата, не раз грабившего суда компании, и арестовал его.

7 июля 1730 года Стервятника казнили. Вот отрывок из смертного приговора:

«Рассмотрено Советом чрезвычайное уголовное дело, возбужденное настоящим и тщанием Королевского прокурора, выступавшего в качестве обвинителя, против Оливье Левассера, известного как Стервятник, по обвинению в пиратстве <...>

Совет приговорил и приговаривает его принести публичное покаяние в церкви настоящего прихода, босиком и в рубашке, с вервием на вые и горящим факелом весом два фунта в руках, дабы оный пират громко и внятно сказал и объявил, что дерзостно и злонамеренно многие годы занимался ремеслом морского разбойника, в чем просит прощения у Бога и Короля. <...>

Приведено в исполнение в пять часов пополудни июля месяца седьмого числа года одна тысяча семьсот тридцатого. Подписано: Шассен. — Дюма. — Вилармуа. — Гаше. — Ж. Дюма. — Де Ланю».

И вот Стервятник повешен, шифр брошен в толпу, и сокровище отдано самому хитроумному. Сохранился ли клад на месте, был ли найден, растрочен или перезахоронен — никто толком не знает.

Прежде чем приступить к разгадке ребусов, следует рассказать историю Бютена Нажеона де Л'Этана. Всякий на острове Реюньон, кто интересуется поисками кладов, хранит у себя переписанное завещание этого милейшего человека. Что же это за человек с говорящим именем¹, и какое он имеет отношение к истории клада Стервятника?

Отец Бернардена Нажеона де Л'Этана, прозванного Бютен, служил во флоте Индийской компании. То ли поэтому, то ли по наследству от подобных себе пиратов и корсаров Бютен считается теперь последним законным владельцем сокровищ Индийского океана.

Все это вполне правдоподобно, насколько можно судить по его письмам. Вспомним, что морские разбойники составляли некогда настоящее братство. О нем мало известно, но существование его несомненно.

В завещании и в письмах Бютен рассказывает историю своей жизни. Она не была безупречной, однако пират всегда был верен слову, а под конец жизни подчинился, хотя и поздно, моральным принципам высокой пробы. Вот завещание (оно же второе письмо):

«Поступаю на военную службу и иду защищать отечество. Предчувствуя, что буду наверняка убит, составляю настоящее завещание. Завещаю моему племяннику Жюстену Мариусу Нажеону де Л'Этану, офицеру резервных войск следующее: половину участка на реке Ла Шо у Гран-Пора на острове Франции и сокровища с «Инда», а именно: потерпев кораблекрушение у Вакуа (мыс Вакоас — авт.), я поднялся вверх по реке и спрятал в подвале сокровища с «Инда» и пометил их своими инициалами Б.Н.»

¹ Butin (фр.) — добыча.

То, что я написал, трудно прочесть. При первой же возможности я все объясню Жюстену».

Действительно, сразу видно: Бютен очень не хотел, чтобы его поняли непосвященные. Вот другие его документы.

Первое письмо.

«Бютен Нажеон де Л'Этан племяннику Жюстену Мариусу. 20 флореаля VIII года.

Дорогой Жюстен. Если я погибну, не повидав тебя, верный друг передаст тебе мое завещание и бумаги. Исполни мою последнюю волю, и Бог благословит тебя.

С помощью наших влиятельных друзей устройся на службу в Южные моря и на острове Франции пойди в указанное в завещании место. Подымись на скалу и пойди на восток, в двадцати пяти—тридцати шагах к востоку, как написано в бумагах, найдешь пиратские знаки, указывающие на круг с центром в нескольких шагах от реки. Тайные знаки складываются так, что это место обозначено Б.Н.

После кораблекрушения я потерял много документов. Несколько кладов я уже нашел. Осталось четыре, их зарыли те же пираты таким же образом. Ты найдешь их по ключу к тайным знакам и по другим бумагам, которые будут тебе доставлены тогда же.

Второй клад с острова Франции находится на севере острова и помечен так же. Найди круг на месте, следуй указаниям, и ты найдешь его так же, как клад на Родригесе».

Письмо третье:

«Возлюбленный брат! После взятия Таматавы я заболел и, несмотря на дружескую заботу моего командира, болен до сих пор. Я очень слаб и

всякий час ожидаю смерти, хочу в последний раз поговорить с тобой, дорогой мой Этьен, и передать тебе свою последнюю волю.

Когда я умру, майор Амон передаст тебе мои небольшие сбережения, которые я накопил за бурную жизнь моряка.

Ты знаешь, дорогой Этьен, что я всю жизнь мечтал разбогатеть и вернуть нашему дому утраченную славу. Мне бы это удалось, так как я отличился в деле и заслужил благорасположение Первого Консула. Но, поскольку Богу не угодно, чтобы я исполнил этот свой долг, и смерть моя близка, клянись мне, дорогой Этьен, что исполнишь мою волю.

В своей бурной жизни, прежде чем поступить на «Аполлон», я ходил в море с теми корсарами, которые нанесли такой урон испанцам и нашему врагу Англичанину. Мы брали неплохую добычу, но в последнем бою с английским фрегатом у берегов Индустана наш капитан был смертельно ранен и на смертном одре доверил мне секрет и бумаги, чтобы добыть немалые сокровища, сокрытые в Индийском море, и просил меня употребить эти сокровища, чтобы вооружить корсаров против Англичанина, убедившись вначале, чтоя из вольных каменщиков.

Но я невзлюбил такую бродячую жизнь, я предпочел завербоваться на регулярный флот и стал ждать, пока Франция успокоится, а там найти сокровища и вернуться домой.

Поклянись, что твой старший сын исполнит мою волю и на эти средства восстановит престиж нашего дома.

Майор передаст тебе записки о кладах. Всего их три. Тот клад, что на острове Франции, очень большой. В этих записках ты увидишь:

Три железных бочки и кувшина, полные дублонов и слитков на тридцать миллионов, и медный

ларец, полный византурских и голкондских алмазов».

К этим письмам приложены две записки с точными указаниями, как отыскать сокровища.

Первая записка очень невразумительна; она начинается так:

«Для первой отметки камень из ПЖТ. Взять на вторую В. Там сделать С к северу такой же кубат...» и проч.

Вторая немного понятнее: *«Идти на Н — север 48° юг В — 78 шагов 4° юг...»* и т.д.

Точное содержание этих документов является собственностью Международного клуба кладоискателей. Ну вот, теперь вы знаете о секретах Нажеона де Л'Этана все, что только позволительно знать.

А если хотите — позабавьтесь, расшифровывая записку Стервятника. Это не так уж трудно: г-жа де Грация и очаровательный писатель Шарль де Ла Ронсьер уже опубликовали ее буквальный текст. В первых строках там написана такая галиматья: *«возьми пару голубей, поверни два сердца... лошадиная голова... собака... конец экю... возьми одну ложку...»* и т.д.

Тексту, мягко говоря, не хватает прозрачности. Совершенно понятно, что буквальный перевод, часто натянутый, не исчерпывает смысла. А кроме этой криптограммы у нотариуса с острова Маэ был еще такой ребус, оставленный старым пиратом: *«И 2м проходом бер скл оттуда Л 4 ВЛ ф СН 2огр так же...»* и т.д.

Тут, кажется, и «Соломоновы ключи» не помогут, но можно точно утверждать, что между кладами Стервятника и Нажеона де Л'Этана есть много общего:

— они находятся примерно в одном месте, и все исследователи традиционно связывают этих пиратов;

У П Г Е Д Ж Е А < Т Е П Н О Г Е У Е П В О П Т В О Г Е В Е Е В
 З У П А Е Г В F E V E J O X E V E U J E E J C L < T E E P G V
 L O C V V B T V J O E T V E W < П Г Е Т Е А < Т Е У < С С О Е Г Е
 Ц Е Т О Е С С Е Л Л А < V Г Е Л А < V E T L J O V E V < T E P T E J V
 Ж Е V V E L V < G E E П J V J O E U E C J П E Г V P V O V A < V T
 < П < C E L A П C < V П Г Е Т Е А 2 C E V W J V V E V E G C E W J
 E T O T B C L J < V F A E < V V A O V J T A O V O E W П < < E
 П A < G E T П E W E E G < T E L E T T E U J G E T E V < A < V T J < E
 F < J < A < V V E G E G C J U A J J < H E E J E V O П < G < E
 T E J J O E V П A G E П O T E C E A < E B < O C E V < G C A G
 B O C O T A < G C J O G E П O V E G < T W J O E T V < П F < T
 C E T E J O E C J T E G U E J O E T V E W O E E V V < G G E
 T < A < C E T F < O C T O V E B < U L E < < E T E L E T T G F
 O < E < V V E L J O G E U < T T T E V V E U E V E X U G E
 U J T V O < < B П A < F T O A T T O G < T J A T T G
 E V V Y L < T T / П C L J < V T G E T O G E < U C F
 < < T U O L L < G F E W O E E L < G V E V C E E V C

«Криптограмма пирата», найденная на острове Маэ, — шифрованное послание, брошенное пиратом Стервятником перед казнью в толпу. В нем якобы раскрывается местонахождение его сокровищ.

- используются ребусы;
- в шифрованных документах встречаются как опознавательные знаки инициалы СБН или БН;
- встречаются слова «якорь», «черепаша», «глаз»;
- используется масонская символика.

Итак, можно предположить, что по крайней мере один из кладов Нажеона идентичен кладу Стервятника. Все это, конечно, захватывает, но

уж больно много головоломок! Может быть и так, что охотники за сокровищем нарочно подделали весь этот ворох документов, чтобы запутать следы.

Короче, клады могут находиться в одном из следующих мест: или на острове Франции (ныне Маврикий): в Бельмоне на севере острова, в пещере у реки Ла Шо и на мысе Вакоас; или, что менее вероятно, на острове Родригес. Все клады спрятаны в пещерах, помеченных, к сведению ищущих, инициалами БН. В 1916 году на острове Памба близ Занзибара нашли клад, принадлежавший Нажеону: он был помечен этими инициалами.

Но почему бы кладу Стервятника не находиться на острове Сент-Мари? Ведь пират там жил и мог спокойно стеречь свою кубышку стоимостью тридцать миллиардов старых франков. Вроде бы логично. Но и предание, и все кладоискатели упорно связывают все сокровища Индийского океана с островом Маврикий.

Факт, что бывший остров Франции буквально нашпигован кладами, из которых многие обнаружены. Все эти клады прятались хитроумнейшими способами, а к ним прилагались всяческие ребусы и столь же хитроумные пояснения. Например, в начале нашего века в усадьбе Розье выкорчевали старое дерево и нашли между корнями мраморную плитку с такой надписью:

«Сюда я положил свои сокровища. Вот вам дерево. В шести дюймах внутрь на северо-западе найдете ядро. От ядра идите на северо-запад. В шестнадцати футах найдете небольшой камень. На сколько зарыт камень, столько заплатите пошлины. Пройдите тридцать футов на юго-запад. На глубине шести футов найдете медную пластинку. Кто ее найдет, долго пропоет. Подпись: Каррон де Бразиль».

Так вот: охотники пошли по этим диковинным следам и нашли ядро, камень и пластинку. На пластинке оказалась зашифрованная запись, которую прочесть не удалось. Отправили пластинку в Европу, чтобы расшифровать надпись там. Увы! В дороге пластинка потерялась, и клад Каррона де Бражиля рискует навсегда остаться погребенным.

На юго-западе острова, близ Тамариндовой бухты, в другой усадьбе есть огромный камень, на котором китайскими иероглифами начертаны четыре стиха:

*Тринадцать тысяч восемьсот золотых и
серебряных унций.*

Здесь жилище прекрасной куртизанки.

Прошу вас, сударь мой, догадайтесь,

А меня ни о чем не просите.

Конечно, под камнем сразу стали искать клад, но его там нет — или больше нет.

Такова таинственная и запутанная история клада Стервятника и пещер, где искал золото Наже-он де Л'Этан. В бумагах написано: это он хотел снаряжаться против англичанина...

НЕ СПИ, ДРАКОН!

Сокровищам, захороненным в земле, претит одиночество. В течение столетий они добровольно потихоньку поднимаются на поверхность, подобно камням в саду или снарядам на полях сражений. Поднимаются — и, может быть, вновь выйдя на свет, будут порождать новые раздоры и драмы¹.

Сокровища любят совершать в земле огромные путешествия, изучаемые физиками, и в этом они подобны людям. Но сокровища не выдают себя. Наоборот: рыхлая земля и песок, собираясь в массы, стирают горы, засыпают города...

Идет борьба между стремлением на поверхность и стремлением в глубину, а кладоискатель в этой борьбе разыгрывает свою карту: когда всерьез, когда предаваясь очарованиям и условностям самой игры.

Точней всего сказать, что кладоискатель ищет в железном веке век золотой, ловит последние предзакатные минуты, пока ученые не окончательно задушили все чудесное своей атомной наукой. Золото и синтетические камни завтраш-

¹ По сведениям Службы разминирования Военного министерства, камни, снаряды, осколки и даже самые тяжелые металлы (например, золото) с годами выталкиваются на поверхность под действием «сокращения» земли. Этого не происходит только: в болотистой почве; в зыбучих песках; в тех случаях, когда под твердым телом или вблизи него течет подземная река. Например, если крупнокалиберный снаряд в 1918 г. углубился в землю на 4 м, то в течение сорока лет он поднимется на 1,8—2 м.

него дня уже лишатся жара, сияния, живого голоса живой материи, испытанной кровью, любовью, дальними странствиями.

Надо торопиться открывать клады, пока наука их не упразднила. Уже в 1948 году Поль Шансон, директор атомной лаборатории Пик дю Миди, торжественно объявил, что превращение неблагородных металлов в золото — дело близкого будущего.

— Ядерные физики, — объявил он, — это алхимики, а их лаборатории — реторты, где создается синтетическое золото.

В воскресенье 19 января 1958 года радио объявило, что в ядерной печи при температуре несколько миллионов градусов русские ученые осуществили трансмутацию металлов до состояния золота. И, как нарочно, в той же передаче сообщили: после взрыва американской водородной бомбы в пустыне Невада в песке получился целый пудинг с изюмом: алмазы образовались точно в тех самых условиях, какие были при начале мира!

Это было в 1958 году... С тех пор, по сатанинским меркам, прошел целый век и совершился решительный прогресс.

Итак, чего будут стоить в двухтысячном году золото океанских бездн, тайники с рубинами и бриллиантами, когда бриллианты будут продавать в супермаркетах на килограммы, а золото у старьевщиков на тонны?

Да не бывать тому!

Не страшно ли, что своими экспериментами по трансмутации наука, которая должна вести человечество вперед, погружает его обратно в первобытный хаос? Вновь познается истина библейских слов: «Человек потерял Земной рай за то, что вкусил от плода с древа познания добра и зла»...

Но мы нарочно делаем упор на то, что наука — враг не только человечества, но и кладов. Ибо клады все равно победят и науку, и всю человеческую изобретательность!

Если случится Апокалипсис, если наша цивилизация прервется на тысячелетия, — наверняка превратится в неосязаемую пыль все, что составляет нашу славу и гордость: города, небоскребы, машины, книги... Все, кроме доисторических кремней и драгоценных камней из кладов!

А пока не наступили ужасные времена, когда умрет совесть и упокоится мысль, — дай Бог, чтобы сокровища Франции, дальних морей и заброшенных островов долго еще оставались в своих временных укрытиях. Покоясь там, они будят человеческое воображение, рождают мечты. А когда у людей не останется неприступного убежища мечты, чтобы скрашивать жизнь, — останутся только бред и отчаяние...

Так не спи, Дракон — Ухоглазый страж!

СТО ДЕВЯНОСТО ДВА КРУПНЕЙШИХ КЛАДА ФРАНЦИИ

<p>1. АВИНЬОН
Тонна золота.
Обитель Вильнев.</p>	<p>8. БАЙЯР
Сокровища Байяра.
Поншарра (Изер).</p>
<p>2. АГНЕССА СОРЕЛЬ.
Замурованные
драгоценные камни.
Замок Мениль
(Приморская Сена).</p>	<p>9. БАРОН ДЕЗАДРЕ
Ларец
с драгоценными
камнями.
Ла Фретт (Изер).</p>
<p>3. «АРАБИК»
Затонувшее судно;
100000 ливров. Уэссан.</p>	<p>10. БЕЛЫЙ КОРАБЛЬ
Сокровища короля
Генриха I.
Гатвиль-Барфлер.</p>
<p>4. АРЖЕЛЕС
Испанский клад.
Аржелес
(Восточные Пиренеи).</p>	<p>11. БО
Сундук с золотом
и оружием.
Бо (Устье Роны).</p>
<p>5. АРЖИНИ
Сокровища
тамплиеров.
Шаранте (Рона).</p>	<p>12. БОМОН
Галльские золотые.
Ле Жюстис (Дордонь).</p>
<p>6. АРХИДРУИДЫ
Друидский клад.
Баве (Север).</p>	<p>13. БОНВИЛЬ
Тамплиерский клад.
Бонвиль (Дордонь).</p>
<p>7. БАЗА
120 кг золота
и серебра.
База (Жиронда).</p>	<p>14. БОРЕН
Римское столовое
серебро.
Борен (Па-де-Кале)</p>

15. БОРЕПЕР
Золотая статуя
Христа (в подземелье).
Борепер (Вандея).	24. БУРДЕЙ
Кувшины
с золотом.
Бурдей (Дордонь).
16. БОЧКА С ЗОЛОТОМ
Золото в подземелье.
Поссе (Сарта).	25. ВАЛЕМПУЛЬЕР
Клад с гиврой.
Юра.
17. БРАНТОМ
Драгоценные камни.
Брантом (Дордонь).	26. ВАЛЬКРОЗ
Сокровища тамплиеров.
Триганс (Вар).
18. БРЕСТ
Клад немецких
оккупантов
Брестская бухта.	27. ВЕЛЛИНГТОН
Военный клад.
Между Арбонном
и Биаррицем.
19. БРИОН
Клад в болоте.
Около База
(Жиронда).	28. ВЕРДЕНСКИЕ
ДЕВЫ
10 тысяч ливров.
Конюшни Ватрена,
Верден.
20. БРОНЗОВЫЕ
КОЛОКОЛА
Ценности и колокола.
Сент-Ашель (Сомма).	29. ВЕРЦИНГЕТОРИКС
Сокровища друидов.
Клермон-Ферран.
21. БУА-ЖЕРАР
73 ящика с золотом.
Замок Буа-Жерар (Об).	30. ВЕСТГОТЫ
Сокровища Алариха.
Итей (Вьенна).
22. БУА-ШАРМАН
Золото, зарытое
под деревом.
Буа-Шарман в
Приморской Шаранте.	31. ВИЙЯСЕРФ
Клад времен
Революции.
Вийясерф (Об).
23. БУА-ШАРРЮО
Две бочки с золотом.
Ла Романь
(Мэн-и-Луара)	32. ВОЛШЕБНАЯ
КНИГА
Проклятый клад.
Плесси-Граммур
(Мэн и Луара).

33. «ВОССОЕДИНЕНИЕ» И «КОНКЕРОР»
Остовы кораблей,
занесенные песком.
Пляж Берк.
34. ГАБИ ДЕЛИ
Драгоценности
актрисы.
Марсель.
35. ГЕНЕРАЛ
АББАТУЧЧИ
Золото.
Кальви (Корсика).
36. ГЕРЦОГИ
НОРМАНДСКИЕ
В главной башне
замка.
Фекан.
37. ГИВРА
Сторожит
драгоценные
камни в руинах.
Замок Арле (Юра).
38. ГИЗЫ
Оружие и монеты.
Кале.
39. ГОЛЫЕ
ТАНЦОВЩИЦЫ
Сокровища
сира де Лара.
Между До и Лаверню
(Ло и Гаронна).
40. ГОРОД ИС.
Легенда.
Бухта Дуарнене.
41. ГРАСС
1750 золотых
монет.
Остров Гран-Рибо
(Вар).
42. ГРАФЫ
КОЛЬБЕР
Клад в лесу.
Молеврие
(Мэн и Луара).
43. ДАМА
ИЗ ИЛЬЗАХА
Два сундука
в пруду.
Ильзах-Мюлуз
(Верхний Рейн).
44. ДАМА
ИЗ КАССЕЛЯ
Сундук с золотом и
разными монетами.
Дюнкерк.
45. ДАМА
ИЗ КЁПФЛЕ
Сокровище в холме.
Холм Кёпфле
(Нижний Рейн).
46. ДАМА
ИЗ КРЕНА
Рака,
церковная утварь.
Замок Крен (Ионна).
47. ДАМА
ИЗ МОНБАРРЕЯ
Призрак
вручает сокровище.
Монбаррей (Юра).

48. ДАМА
ИЗ МОНБРОНА
Сокровища
в источнике.
Монброн (Шаранта).
49. ДЕ БУАССИ
Сундук с золотом
и украшениями.
Замок Ландбодьер
(Вандея).
50. ДЕПОРТИРОВАННЫЕ
ПАРИЖАНЕ
Клады в подвалах.
Париж.
51. ДИ
Клад
в крепостной стене.
Ди (Дром).
52. ДИМПРЕСС
Тайники
аббатства Сен-Дени.
Месси (Сена и Марна).
53. «ДОВЕРИЕ»
Бочка с золотом.
Мыс Арсе (Вандея).
54. ДРУИДЫ
Обрядовая утварь
в гротах.
Жерговия
(Клермон-Ферран).
55. ДЮРАМ
Клад бандита
Дюрама. Лес Валетт
(Приморская Сена).
56. ДЯДЮШКИН КЛАД
Наследство Лашене.
Сен-Мар д'Утийе.
57. «ЕГИПЕТ»
Золотые слитки.
48° 10' — 5° 30'.
58. ЖАНСЕ
Тайники в замке.
Жансе (Вьенна).
59. ЖИЗОР
Легенда.
Замок Жизор (Эр).
60. ЖЮМЬЕЖ
Сокровища аббатства.
Жюмьеж
(Приморская Сена).
61. «ЗАМОК
ДРАММОНД»
Английский военный
корабль;
10 миллиардов.
Остров Молен.
62. ЗАТОПЛЕННОЕ
ПОДЗЕМЕЛЬЕ
Затопленное подземелье.
Аббатство Фез
(Жиронда).
63. ЗАЧАРОВАННЫЙ
ПОГРЕБ
Золото (легенда)
Буасси-ле-Шатель
(Сена и Марна).
64. «ЗОЛОТАЯ ДЕВА»
Тонна золота,
занесенная песками.
Устье Луары.

65. **ЗОЛОТАЯ ЖАРОВНЯ**
Луидоры,
драгоценные камни.
Сен-Сатюрнен-дю-Буа
(Приморская Шаранта).
66. **ЗОЛОТАЯ КОЗА**
Легенда.
Кабриес (Устье Роны).
67. **ЗОЛОТАЯ ТРУБКА**
600 литров золота.
Вниз по течению
от Тюри-Аркура.
68. **ЗОЛОТОЙ ТРОН**
В пещере у ручья.
Возле Эрбо
(Луар и Шер).
69. **ЗОЛОТЫЕ КЕГЛИ**
Клад сира Ж.Робера.
Ниель-ле-Долан
(Вандея).
70. **ИОАНН БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЙ**
100 миллионов золотом.
Подземелье
в Сизуене
(Север).
71. **ИОАНН ДОБРЫЙ**
Серебряный
аршин.
Нуайе (Вьенна).
72. **ИСТОЧНИК ДАВИДА**
На Монашей горе.
Около Мюлуза.
73. **ИСТОЧНИК КАНТ**
Легенда.
Рошмо-Шарру
(Вьенна).
74. **КА-БРЕТОН**
Тамплиерский клад.
Ка-Бретон (Ланды).
75. **КАМЕНЬ-ПЕРЕВЕРТЫШ**
Клад под камнем.
Шампе
(Верхняя Сона).
76. **КАРБОНН**
Сумка гангстера.
3,2 км от Шатонефа
(Устье Роны).
77. **КАРЛ МАРТЕЛЛ**
Клад в подземелье.
Бурнеф
(Приморская Шаранта).
78. **КАРТУШ**
Золото бандита
Картуша.
Ле Мальво
близ Виши
(Алье).
79. **КАССЕЛЬ**
Ценности
богатых горожан.
Кассель (Север).
80. **КАТАРЫ**
Сокровища
альбигойцев
Серлонг
или Ломбрив.

81. КАЭСТР
Золото, серебро,
документы.
Комендатура Каэстр
(Север).
82. КВАДРАТНАЯ
ДЫРА
Легенда.
Около Гебвийе
(Верхний Рейн).
83. КЕЛЬТСКОЕ
ГОРОДИЩЕ
Сокровища кельтов.
Данвиль (Эр).
84. КЛАД СИЛАЧА
Под кустом бузины.
Донзи (Ньевр).
85. КЛАД
СОМНАМБУЛЫ
Легенда.
Пюи де Париу
(Пюи-де-Дом).
86. КЛАДБИЩЕ
МОНМАРТР
Клад немецких
оккупантов.
Париж.
87. «КОЛОМБИЕН»
Английский
военный корабль;
500 миллионов.
Эльский канал.
88. КОЛЬМОН
Шестьсот золотых монет.
Вильфранш (Рона).
89. КОММАРК
Рубины, опалы, топазы.
Коммарк (Дордонь).
90. КОРОЛЕВА БЕРТА
Легенда.
Муфтар, Париж.
91. КОРСАР
500 миллионов.
В Роне.
92. КРЕПЬЕ
Сбережения одной
из жительниц.
Крепье-ле-Бросс (Эн).
93. ЛАМБУЛА
600 миллионов золотом.
Муассак
(Тарн и Гаронна).
94. ЛАНДЫ
Кошельки и
ларцы с золотом.
Ланд-Женюссон
(Вандея).
95. ЛА НАПУЛЬ
8 галионов с
8 тоннами золота.
Ла Напуль
(Приморские Альпы).
96. ЛАФОНТЕН
Золото алхимика.
Балансьенн (Север).
97. ЛЕ МАН
5 сундуков с золотом.
Бывший монастырь
урсулинок, Ле Ман.

98. «ЛИВАН»
Затонувшее судно.
Около острова Мэр
(Устье Роны).
99. ЛИЛЛЬ
Под церковью
Нотр-дам-де-Трей.
Лилль.
100. ЛОХ
В озере Лох.
Около Гевийе.
101. ЛУВР
Сокровища
Людовика XVI.
Лувр, Париж.
102. ЛУГ Л'ОР
Золото.
Сен-Кентен де Кабане
(Шаранта).
103. «ЛУИЗИАНА»
Корабль
с сокровищем.
Рейд Ришар (Жиронда).
104. МАДАМ
ДЮБАРРИ
Шкатулка в парке.
Со (Сена).
105. МАНЬЕ
Дух охраняет
сокровище.
Манье (Два Севра).
106. МАЛИКОРН
Гигантский изумруд.
Замок Маликорн (Сарта).
107. МАНДРАГОРА
В яме под вереском.
Около Конфолана
(Шаранта).
108. МАРКИЗ
КАРАБАС
Наследство
графа де Карава.
Уарон (Два Севра).
109. МАРСЕЛЬ ДЕА
Шкатулка
с долларами.
Бухта Эз.
110. МАРТИЙ
Сундуки под плитой.
Мартий (Мозель).
111. МЕЙРИА
Монастырский клад.
Нантюа (Эн).
112. МЕЛЮЗИНА
Серебряный аршин.
Люзиньян (Вьенна).
113. МЕНТЕНОН
Драгоценности.
Училище Сен-Сир.
114. МЕРОВИНГИ
Сокровища
меровингских королей.
Ламбр (Север).
115. МИРАБО
Сокровища
Мирабо.
Аржантей
(Сена и Уаза).

116. МИРАНДОЛЬ
Сокровища
в коровьей шкуре.
Замок Мирандоль
(Тарн).

117. «МОЛОДОЙ
ГЕНРИХ»
Изумруды
в песчаном дне.
Против острова
Олерон.

118. МОНАХИ
Золото аббатства
Франшвиль.
30 километров
от Дижона.

119. МОНКОНТУР
Сокровища
Жиля Бретаня.
Монконтур
(Северный Берег).

120. МОНМИРЕЙ
В развалинах замка.
Монмирей (Юра).

121. МОНПАНСЬЕ
Два шага направо.
Монпансье
(Пюи-де-Дом).

122. МОНПЕЛЬЕ
Тамплиерский клад.
Комендатура
Монпелье.

123. МОНРАВЕЛЬ
Сундук в земле.
Монравель (Дордонь).

124. МОСТ ГИЙ
Посреди Роны.
Мост Гийотьер, Лион.

125. НИДЕК
В замке. Лес
Штильберг (Эльзас).

126. ОЛЛУА
Богослужебная утварь.
Сент-Аман
(Па-де-Кале).

127. «ОРЕЛ»
Затонувший
английский корабль.
Департамент
Устье Роны.

128. ОРШИ
Замурованные
клады.
Орши (Север).

129. ОСТРОВ ГАБИ
Сокровища банкира.
Остров Габ
(Устье Роны).

130. ОСТРОВ РЕ
Под колокольней.
Сен-Мартен-де-Ре.

131. ПАГАСС
Под грушей
у г-на Жиру.
Около Фланьяка
(Авейрон).

132. ПАДИРАК
В пропасти.
Департамент Ло.

133. ПЕРЕПЕЛКИН
МОСТ
Река Юссы
(Верхняя Савойя).
134. ПЕРЖЕ
Подземелья замка.
Между Пибраком
и Коломье.
135. ПЕРУЗ
Золотая статуя
Богоматери.
Аббатство в Дордони.
136. ПОКОЙНИК
ЖИРО
Шкатулка убитого.
Ферма Сулейроль (Эро).
137. ПРАЛЕН
Клад в замке.
6 километров
от Шаурсе (Об).
138. ПРИНЦ ДЕ БЕЛЕН
Клад. Белен
(Жиронда).
139. ПРОВЕН
В подземельях.
Провен (Сена и Марна).
140. ПЯТЬ ГАДЮК
Замок в лесу.
Болон (Алье).
141. «РЕЗВУШКА»
800 миллионов
на затонувшем корабле.
Остров Лавецци
(Корсика).
142. РЕНН-ЛЕ-ШАТО
8 миллиардов в склепе.
Около Куиза (Од).
143. РИМОН
Клад Сере.
Римон (Арьеж).
144. РОБЕРТ-ДЬЯВОЛ
Проклятое
золото в замке.
Возле Мулино
(Приморская Сена).
145. РОММЕЛЬ
Контейнеры под водой.
Устье Голо (Корсика).
146. «СЕВР»
500 миллионов
на затонувшем корабле.
Мыс Уг.
147. СЕМЬ ПЕЧАТЕЙ
Клад тайного
общества.
Около Провена.
148. СЕН-ВАНДРИЙ
Замурованное золото.
Сен-Вандрий
(Приморская Сена).
149. СЕН-ЖИЛЬ-
ДЮ-ГАР
Склеп под церковью.
Департамент Гар.
150. СЕН-КЕНТЕН
Слитки золота
на затонувшем корабле.
Устье Соммы.

151. СЕН-ЛАРИ
Клад в замке.
Сен-Лари (Жер).
152. СЕН-МАРТЕН-
ДЕ-ВАНС
Тамплиерский клад.
Ванс
(Приморские Альпы).
153. СЕН-САТЮР
Клад 1940 года
в парке.
В 4 километрах
от Сансерра (Шер).
154. СЕН-СЬЕР
Урочище Па-д'Озель.
Сен-Сьер (Жиронда).
155. СЕНТ-АЛЬФОНС
Кораллы.
Бонифачьо
(Корсика).
156. СЕНТ-
АНТОНЕНСКИЕ
КОЛОКОЛА
Зарытые колокола.
Сент-Антонен
(Тарн и Гаронна).
157. СЕН-ТРИ
Золото
тамплиеров
в пещере.
Помье (Рона).
158. СЕН-ШЕРОН
Клад полицаев.
Сен-Шерон
(Сена и Уаза).
159. СКАЛА ЖАГЮ
В подземных ходах.
Берег Триё
(Северный Берег).
160. СОМЬЕР
Легендарный клад.
Сомьер-дю-Клен
(Вьенна).
161. СТАРУХИН
КЛАД
Кубышка
с луидорами.
Эпс, около Анвена
(Па-де-Кале).
162. СТЕРЖЕНЬ
В пещере в скале.
Сент-Этьен-де
Мен-Жуар.
163. СУБЕЙРА
Сокровища
маркизы де Ганж.
Субейра (Эро).
164. СУЛЛАН
Клад Пивуена.
Суллан (Вандея).
165. СУНДУК
С ЗОЛОТОМ
Сундук с золотом.
Ущелье Вуденталь
(Мозель).
166. СЮЛЛИ
СЮР ЛУАР
Сокровища Сюлли.
Сюлли сюр Луар
(Луаре).

167. ТАЛЬМОН
В подземельях
замка.
Тальмон (Вандея).
168. «ТЕЛЕМАХ»
Сокровища
Людовика XVI.
Против Кийбёфа.
169. ТИФФОЖ
Сокровища
Жиля де Ре.
Вандея.
170. ТРЕВЬЕРСКИЕ
МОНАШКИ
В монашеских
могилах.
Тревьер
(Кальвадос).
171. ТРИЕЛЬ
Сокровища Иакова II.
Церковь в Триеле
(Сена и Уаза).
172. ФАРФАДЕ
Клад под скалой.
Шатийон-сюр-Севр
(Два Севра).
173. ФРИДРИХ
БАРБАРОССА
Сокровища
императора.
Доль (Юра).
174. ХАРИБЕРТ
Золото сына
Хлодвига.
Блэ (Жиронда).
175. ХИМЕРА
Легенда. Руан.
176. ЧЕРНЫЙ ПЕС
Сундук с золотом
и алмазами.
Замок Сен-Поль
(Нижний Рейн).
177. ЧЕРНЫЙ
ПРИНЦ
Три шара
в известняке.
Ларамьер (Ло).
178. ЧЕРТОВ
ЗАМОК
Легенда.
Ле Рэ,
близ Ниццы
(Приморские Альпы).
179. ШАЛЕ
Состояние
Талейрана.
Улица Гренель
(Париж).
180. ШАМБРЕ
1 500 000 золотых
ливров.
Улица Регар (Париж).
181. ШАМПАНИИ
Зарытые эцю.
Шампаньи (Савойя).
182. ШАМПАНЬЯК
Монашеский клад.
Церковь
в Шампаньяке
(Верхняя Луара).

183. ШАМПЛЕН
Корабль.
Сундук с золотом.
Ла Паллис
(Приморская
Шаранта).
184. ШАМПЛИТ
Золото
в подземелье.
Замок Шамплит
(Верхняя
Сона).
185. ШАРЕТТ
4000 луидоров.
Сен-Дени-ла Швасс
(Вандея).
186. ШАРРУ
71 клад.
Аббатство Шарру
(Вьенна).
187. ШАСТР
Монастырский
клад.
Церковь
в Шастре
(Шаранта).
188. ШАТО-ГОНТЬЕ.
Камень
на шарнире.
Склеп
Шато-Гонтье
(Майенна).
189. ШАТОВИЛЛЕН
Клад в замке.
Около
села Сиро (Юра).
190. «ЭЛИЗАБЕТ
ВИЛЛЬ»
Шкатулка
с алмазами.
47° 08' 30 " — 3° 11' 00'
по Гринвичу.
191. ЭПЕССЫ
Сокровищница
из ризницы.
Церковь Эпесс (Вандея).
192. ЭТРИЕ
Закопанное золото
(полковая касса).
Дорога Перье (Канны).

ПЯТЬДЕСЯТ КРУПНЕЙШИХ КЛАДОВ МИРА (КРОМЕ ФРАНЦИИ)

<p>1. МОНКАЛЬМ
Казна Квебекского гарнизона, зарытая маркизом Монкальмом в песке.</p>	затонувшие у мыса Энгано.
<p>2. МОНАХИНЯ БЕЗ ГОЛОВЫ
См. гл. 13.</p>	<p>8. КЛАДБИЩЕ СОКРОВИЩ
См. гл. 17.</p>
<p>3. «ТИТАНИК»
См. гл. 17.</p>	<p>9. СЕРЕБРЯНАЯ БАНКА
См. гл. 1.</p>
<p>4. ОУК АЙЛЕНД
См. гл. 8.</p>	<p>10. «САН ФЕРНАНДО»
Галион с 70 миллиардами золотом, затонувший в 1597 году на траверсе острова Санта-Лусия.</p>
<p>5. ЧИЧЕН ИТЦА
Сокровища майя в пропастях Чичен Итца на Юкатане.</p>	<p>11. СЕРРИТА КОЛОРАДО
См. гл. 10.</p>
<p>6. МАТАНСАС
11 галионов с 300 миллионами в бухте Матансас (Куба).</p>	<p>12. ГУАТАВИТА
Озеро в Колумбии, к северу от Боготы, куда индейцы в XVI в. бросили примерно на 120 миллионов фунтов стерлингов сокровищ.</p>
<p>7. БОБАДИЛЬЯ
25 галионов и других кораблей губернатора Р.Бобадильи с 250 миллионами и золотым аналоем,</p>	<p>13. ИНКИ
См. гл. 3.</p>
	<p>14. ИЕЗУИТЫ
См. гл. 9.</p>

15. КАТАМАРКА
См. гл. 10.
16. ОСТРОВ
ЛА ПЛАТА
См. гл. 6.
17. «САНТА КРУС»
Галион, затонувший
с грузом золота
в бухте Манта
(Эквадор) в 1680 году.
18. ОСТРОВ КОКОС
См. гл. 7.
19. ГАЛАПАГОС
См. гл. 6.
20. МАРКИЗСКИЕ
ОСТРОВА
См. гл. 11.
21. ПИНАКИ
Иезуитский клад,
зарытый в Хитти
на острове Пинаки
(Океания). Место
клада обозначено
шестьюдесятью
коралловыми
ступеньками.
22. «СЕСАРЕС»
См. гл. 6.
23. «ХЭМПШИР»
10 миллионов фунтов
стерлингов в золотых
слитках на крейсере
«Хэмпшир»,
затонувшем
на глубине
60 метров
к западу от
Оркнейских островов.
24. «ГЕРЦОГ
ФЛОРЕНТИЙСКИЙ»
См. гл. 16.
25. ХЭРТЛПУЛ
См. гл. 17.
26. «ТУБАНЦИЯ»
Пакетбот с 40 тоннами
золота, торпедирован-
ный в 1917 году
в полумиле от
плавучего маяка Ноорд
Хиндер (Голландия).
27. «ШАЛУНЬЯ»
140 тысяч ливров
в пистолях и двойных
луидорах на фрегате
«Шалунья», затонувшем
в 1799 году в Зюйдерзее.
28. ЛЮКСЕМБУРГ
Три сундука с золотом
и драгоценными
камнями в подземелье
у так называемых
Четырех Дорог, непода-
леку от монастыря.
29. ВИГО
См. гл. 4.
30. МОГИЛА
ХРИСТИАНКИ
Гл. 15.
31. ОРА
См. гл. 11.
32. ЗОЛОТОЙ
САМОЛЕТ
См. гл. 11.
33. СОКРОВИЩЕ
ВЕЛИКОГО РЕЙХА
См. гл. 12.

34. ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО
См. гл. 12.
35. ЧЕРНЯВСКИЙ
См. гл. 11.
36. МЕРТВОЕ МОРЕ
См. гл. 2.
37. ЦАРСКИЕ
РУБИНЫ
См. гл. 15.
38. ЛОБЕНГЕЛА
Мешки с золотыми монетами, алмазами и слоновой костью, спрятанные в долине близ Замбези царьком Лобенгелой.
39. ГАДЬЕ АЙБИП
Клад алмазов в пропасти Гадье Айбип около Аптингтона (Южная Африка).
40. «ГРОСВЕНОР»
Фрегат, затонувший в 1783 году между Наталем и Пондолэндом со 162 378 золотыми пагодами (индийская монета) и 24 344 алмазными пагодами.
41. СТЕРВЯТНИК
См. гл. 20.
42. НАНА САГИБ
Добыча из разграбленного Каунпура (1857 год), спрятанная князем Нана Сагибом в подземельях дворца Битхур (Индия).
43. АГАРТА
См. гл. 15.
44. ДАЛАЙ ЛАМА
См. гл. 11.
45. ОЗЕРО ПАЙЯО
Золотые сокровища в ушедшем под воду городе на небольшой глубине в озере Пайяо (Таиланд, 17-я параллель).
46. АЮТИЯ
Царские сокровища в развалинах бывшей столицы Сиама Аютии к северу от Бангкока.
47. КИДД
См. гл. 16.
48. КАЗНА РУССКИХ ЦАРЕЙ
См. гл. 11.
49. ГУГУАН
См. гл. 18.
50. «НАДЕЖДА»
Груз золота на корабле, разбившемся в бурю в 1827 году между островом Бетси и Южной Рукой в Тасмании.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
1 Колдовство кладов	14
2 Первые клады	21
3 Сокровища тамплиеров	37
4 Золото Нового Света и галионы	53
5 Сокровища инков	65
6 Пираты	79
7 Необычайные приключения на острове Кокос	91
8 Клады революции	102
9 Церковные сокровища	121
10 Золото, похоть, безумие	137
11 Военные клады (1). Пять тонн золота на дне Байкала	147
12 Военные клады (2). Немецкое золото в высоких горах	158

- 13**
Легендарные клады (1).
Игра воображения и волшебная палочка
169
- 14**
Легендарные клады (2).
Волшебные животные и Белые дамы
176
- 15**
Клады и чародейство. Заклинания и привидения
186
- 16**
Неуловимые клады. Клады-призраки
205
- 17**
Сокровища Плутона
224
- 18**
Веселые забавы и волшебные скрипки
229
- 19**
Шестьдесят пять кладов в одном аббатстве
и восемь миллиардов в одном склепе
239
- 20**
В поисках «Клада Стервятника»
255
- 21**
Не спи, дракон!
268
- 22**
Приложение 1
Сто девяносто два крупнейших клада Франции
271
- 23**
Приложение 2
Пятьдесят крупнейших кладов мира
(кроме Франции)
283

Популярное издание

Робер Шарру

СОКРОВИЩА МИРА
Зарытые, замурованные, затонувшие

Главный редактор *Л. Михайлова*

Редактор *Е. Лузкова*

Корректоры *Л. Уланова, В. Павлова*

Компьютерная верстка *К. Дедич*

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

ЛР 064134 («КРОН-ПРЕСС») от 07.06.95.

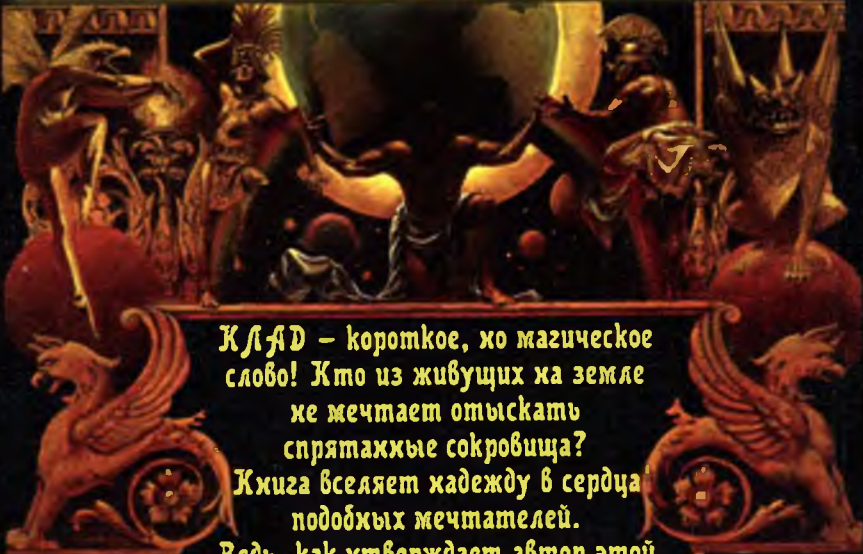
Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.02.98.
Формат 84×108^{1/32}. Печать высокая. Бумага газетная.
Гарнитура Таймс. Усл.-печ. л. 15,12. Тираж 15 000 экз.
Заказ 0240

ООО Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС»
103030, Москва, ул. Новослободская, 18, а/я 54

По вопросам реализации обращаться по адресу:
127254, Москва, Огородный проезд, 6
Тел.: 218-30-03, 219-82-14

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1
Госкомпечати России
144003, г. Электросталь Московской обл.,
ул. Тевосяна, 25.

ТАИНСТВЕННЫЙ МИР

Клад – короткое, но магическое слово! Кто из живущих на земле не мечтает отыскать спрятанные сокровища?

Книга вселяет надежду в сердца подобных мечтателей.

Ведь, как утверждает автор этой увлекательной книги, а Робер Шарру – еще и член Международного клуба кладовщиков – в недрах земли, в морских глубинах, в развалинах старых замков сокрыты несметные богатства! Золото и серебро, церковные ценности, прекрасные украшения королей и аристократов... И хотя земля, морская пучина, старинные руины хранят свои тайны, всегда находятся безумцы, готовые на риск ради обладания ими.

9 785232 007201 >

ISBN 5-232-00720-3

13.00